

Жит. Н. Брезе, С.П.Б. Мюн. Л. № 6/Ю.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ
РЫЧКОВЪ

Род. 1 Октября 1712 г. † 15 Октября 1777 г.

Ж. 25541

42 а.е.

Цот. Б. А. Б.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ЧИТАННЫХЪ

**ВЪ ОТДѢЛЕНИИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУКЪ.**

Томъ II, № 1.

ЖИЗНЬ

И

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРЕПИСКА

ПЕТРА ИВАНОВИЧА РЫЧКОВА.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

Pekarskii, Petr.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ И СНИМКОМЪ ПОЧЕРКА РЫЧКОВА.

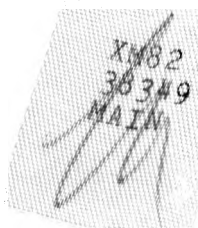
Цотаномо
Б. А. Б.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. остр., 9 лн., № 12.)

64563625

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 22-го іюня 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

PG2947
R9 P4
1867
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
I. 1712—1788 годы. Родъ и происхожденіе Рычкова. Разказы его о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи и поступленіи на частную службу въ Петербургѣ.....	1—6
II. 1784—1789 годы. И. К. Кириловъ и В. Н. Татищевъ—первые покровители Рычкова. Служба его въ оренбургскомъ краѣ. Переписка съ В. Н. Татищевымъ о русской исторіи и географіи. Первые историко-литературные труды Рычкова.....	6—31
III. 1751—1758 годы. Поѣздка Рычкова въ Петербургъ съ представленіями о торговлѣ съ Индією. Значеніе чиновъ въ прошедшемъ столѣтіи. Переводы Рычкова съ нѣмецкаго. Посылка къ Ломоносову въ рукописи «Оренбургской Топографіи». Недоразумѣніе по поводу періодическаго изданія «Ежемѣсячныя Сочиненія». Начало переписки съ академикомъ Миллеромъ. Сотрудничество Рычкова въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ»..	31—40
IV. 1759—1769 годы. Избраніе Рычкова въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ. Нерасположеніе Ломоносова. Отставка и жизнь Рычкова въ деревнѣ. Начало автобіографіи.хлопоты о поступленіи вновь на службу. Представленіе императрицѣ Екатеринѣ II. Возвращеніе на службу въ Оренбургъ.....	40—56
V. Печатныя сочиненія и статьи Рычкова по части Исторіи и Географіи Россіи. Недостатокъ въ нихъ критики источниковъ. Указанія на то Шлецера. Историко-географическія извѣстія въ письмахъ Рычкова къ Миллеру.....	56—87
VI. Доставленіе Рычковымъ извѣстій въ Академію Наукъ по части естествовѣдѣнія. Статьи его, помѣщенныя въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. Сношенія его съ современными писателями и учеными. Участіе въ ученой экспедиціи сына его, Николая Петровича Рычкова. Посѣщеніе с. Спаскаго академикомъ Лепехинымъ, Палласомъ и другими.....	87—122
VII. 1770—1773 годы. Бѣгство калмыковъ изъ русскихъ предѣловъ въ Китай. Неудовольствіе на Рычкова оренбургскаго губернатора за описаніе этого событія. Извѣстія о возмущеніи на Яикѣ. Избраніе Рычкова въ Москвѣ въ члены Вольнаго Россійскаго Собранія.....	122—135

VIII. 1773—1777 годы. Пугачевщина. Записки о ней Рычкова. Враждебныя отношенія къ нему оренбургскаго губернатора. Последнія работы Рычкова по описанію оренбургскаго края. Кончина.....	Стран. 135—155
---	-------------------

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Сенатскій докладъ о винахъ Татищева (къ стр. 12).....	156—160
II. Письмо Татищева къ Рычкову 1749 г. (къ стр. 18).....	161—166
III. О картахъ оренбургской губерніи 1752 г. (къ стр. 63, 64).....	167—169
IV. О причинахъ удаленія изъ Россіи калмыковъ (къ стр. 125, 126)...	170—175
V. Цѣны съѣстнымъ припасамъ въ Оренбургѣ во время пугачевской осады (къ стр. 137).....	176—177
Алфавитный указатель именъ и предметовъ.....	178—183
Поправки.....	184

Имя Петра Ивановича Рычкова, автора разныхъ сочиненій и статей, касающихся оренбургскаго края, извѣстно очень хорошо каждому, занимающемуся исторіею инородцевъ восточной Россіи, а также судьбами сейчасъ названнаго края въ XVIII столѣтіи. Труды по этой части Рычкова остаются и донинѣ въ числѣ главныхъ пособій; но біографическихъ подробностей о немъ самомъ почти нѣтъ никакихъ, такъ-какъ въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія ¹⁾ — этомъ во многихъ случаяхъ единственномъ даже и въ наше время источникѣ для жизнеописаній русскихъ ученыхъ и литераторовъ — помѣщенъ только не полный перечень его сочиненій, да невѣрно указанъ годъ его кончины.

Въ журналѣ «Библіотека для чтенія» ²⁾ напечатанъ былъ «Отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожновыхъ», подписанный Николаемъ Рычковымъ. Бывавшему въ оренбургскомъ краѣ не трудно догадаться, что здѣсь подъ видомъ повѣсти изъ стариннаго быта разсказанъ съ нѣкоторыми легендарными прикрасами рядъ дѣйствительно случившихся происшествій, въ чемъ еще болѣе утверждаютъ имена лицъ, выведенныхъ въ отрывкѣ и такъ

¹⁾ Изд. Москвитянина, 1845, ч. II, 158, 159.

²⁾ 1862 года, № 1, стр. 120—160; № 2, стр. 1—48.

мало переименованных, что въ околodкѣ, гдѣ происходили описываемыя г. Н. Рычковымъ событія, не трудно угадать настоящія фамиліи ихъ. Здѣсь также выведенъ владѣлецъ села Спасскаго, Петръ Ивановичъ Рожновъ, знатокъ разныхъ будто-бы европейскихъ языковъ и сочинитель даже такихъ сочиненій, которыя, по своему политическому характеру, не могли быть изданы въ свѣтъ. Притомъ разсказано, что бумаги Рожнова пошли на обклейку комнатъ въ селѣ Спасскомъ; что будто бы въ этихъ бумагахъ была переписка съ Державинымъ (хотя это болѣе чѣмъ сомнительно) и т. п. Вообще по нѣкоторымъ подробностямъ замѣтно, что авторъ «Отрывка» подъ Петромъ Ивановичемъ Рожновымъ разумѣлъ сочинителя «Оренбургской топографіи». Разсказъ по видимому основанъ на однихъ устныхъ преданіяхъ, сохранившихся въ семействѣ Рычковыхъ, а потому тамъ переданы иныя подробности о родоначальникѣ ихъ невѣрно, а другія пройденны молчаніемъ.

При разысканіяхъ для исторіи Академіи Наукъ, въ архивахъ ея сначала мнѣ встрѣчались только отрывочныя письма Рычкова къ В. Н. Татищеву и академическому совѣтнику Шумахеру, но потомъ въ бумагахъ исторіографа Миллера нашлись три большіе фоліанта писемъ къ этому академику отъ Рычкова ¹⁾.

Извѣстно, что въ казенныхъ и частныхъ архивахъ дѣловая и домашняя переписка лицъ, жившихъ въ Россіи XVIII столѣтія, не представляетъ особенной рѣдкости: но у насъ чувствуется большой недостатокъ въ такъ называемомъ *commercium epistolicum* ученыхъ, писателей и вообще образованныхъ людей о предметахъ наукъ и литературы, чѣмъ такъ богаты прочіе европейскіе народы и чѣмъ такъ дорожатъ тамъ, потому что въ подобнаго рода перепискѣ всегда можно найти богатые матеріалы для исторіи наукъ и вообще образованія данной эпохи. Въ Россіи не

¹⁾ Эти фоліанты носятъ общее заглавіе «Письма къ исторіографу Миллеру отъ разныхъ особъ. Р». Въ первомъ фоліантѣ подъ № XXIV, письма Рычкова съ 1757 по 1764 годъ включительно. Здѣсь же одно письмо его къ Ломоносову и нѣсколько писемъ Андрея Петровича Рычкова. Во второмъ подъ № XXV—съ 1765 по 1773 г. включительно. Въ третьемъ подъ № XXVI—съ 1774 по 11 ноября 1777 года. Для избѣжанія частыхъ повтореній, въ настоящемъ жизнеописаніи не дѣлается, при выпискахъ изъ писемъ Рычкова, ссылокъ на описанные здѣсь фоліанты, которые хранятся вмѣстѣ съ прочими бумагами Миллера въ архивѣ академической конференціи.

только наука, но и литература долгое время не составляла потребности общества: ею занимались или между дѣломъ, или для приобрѣтенія выгодъ по службѣ.

Въ перепискѣ Рычкова съ Миллеромъ, продолжавшейся почти безъ перерывовъ въ теченіи двадцати лѣтъ, вопросы науки и литературы всегда стоятъ на первомъ планѣ; все же прочее занимаетъ тамъ второстепенное мѣсто. Это обстоятельство придаетъ особенную цѣну перепискѣ Рычкова. Правда, что при дальнѣйшихъ поискахъ въ академическихъ архивахъ мнѣ удалось найти еще нѣсколько образчиковъ учено-литературной переписки русскихъ людей съ Академіею Наукъ, но всѣ они, не говоря уже о томъ, что до сихъ поръ еще не изданы въ свѣтъ, не обнимаютъ такого долгаго періода и не отличаются такимъ разнообразіемъ.

Новость и богатство подробностей этой переписки для литературной исторіи Россіи XVIII вѣка побудили меня къ дальнѣйшему собранію относящихся до Рычкова извѣстій. Академикъ А. А. Куникъ передалъ мнѣ приобрѣтенный имъ для академической бібліотеки списокъ съ семейныхъ записокъ Рычкова, въ которомъ, однако, не доставало одного листка въ началѣ и нѣсколькихъ въ концѣ. П. И. Бартеневъ съ радушною готовностью поспѣшилъ доставить изъ московской бібліотеки г. Черткова полный экземпляръ тѣхъ же записокъ, что и дало мнѣ возможность пополнить списокъ, предназначенный для Академіи. За тѣмъ, по сношенію отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, потомокъ автора «Оренбургской Топографіи» Д. Н. Рычковъ сообщилъ въ мое распоряженіе нѣсколько писемъ, хозяйственныхъ тетрадей и дипломовъ своего предка. Изъ нихъ въ особенности важны въ историко-литературномъ отношеніи 12-ть писемъ В. Н. Татищева, исключительно посвященныхъ разсужденіямъ о разныхъ предметахъ по русской исторіи. Для пополненія всѣхъ этихъ матеріаловъ я пользовался протоколами академической конференціи съ 1755 по 1777 годы, гдѣ иногда упоминается о доставленныхъ Рычковымъ сочиненіяхъ, извѣстіяхъ и предметахъ, также описаніями путешествій академиковъ Палласа, Лепехина и другими печатными источниками, ссылки на которые дѣлаю въ текстѣ настоящаго жизнеописанія.

Всѣ эти, имѣвшіеся подъ моими руками матеріалы дали мнѣ

возможность представить свѣдѣнія о Рычковѣ, какъ писателѣ и образованномъ человѣкѣ своего времени. Теперь остается сдѣлать очеркъ его служебной дѣятельности, тѣмъ болѣе замѣчательной, что онъ служилъ въ оренбургскомъ краѣ въ тѣ времена, когда въ немъ совершались въ высшей степени любопытныя для историка измѣненія въ отношеніяхъ тамошнихъ инородцевъ къ русскимъ и притомъ при такихъ замѣчательныхъ правителяхъ, каковыми были Кириловъ, Татищевъ и Неплюевъ. Понятно, что описаніе этого рода дѣятельности Рычкова, бывшаго близкимъ человѣкомъ сейчасъ названныхъ лицъ, состоитъ въ связи съ исторіею цѣлаго края. Матеріалы для нея хранятся еще нѣкъ не тронутые въ канцеляріи оренбургскаго генераль-губернатора, а также въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и ожидаютъ трудолюбивыхъ и усердныхъ изслѣдователей. Будемъ надѣяться, что со временемъ такихъ лицъ явится въ столицахъ и губерніяхъ болѣе, чѣмъ имѣемъ мы ихъ нынѣ.

П. Пекарскій.

I.

1712 — 1733 годы.

Родъ и происхожденіе Рычкова. Разказы его о своемъ дѣтствѣ, воспитаніи и поступленіи на частную службу въ Петербургѣ.

Петръ Ивановичъ Рычковъ родился въ Вологдѣ 1 октября 1712 года.

«Хотя истинное благородство, говоритъ онъ въ своихъ семейныхъ запискахъ, наипаче въ честномъ воспитаніи и въ добродѣтеляхъ, нежели въ породѣ состоитъ, (однако) издревле не только у насъ, но почти вездѣ въ обычай вошло знатность породы не меньше достоинства и добродѣтели уважать. По здравому разсужденію та токмо знатность и древность породы во всѣхъ случаяхъ предпочтенія достойна, которая съ заслугами отечеству, съ достоинствомъ и съ добродѣтелями соединена. Но намъ такого застарѣлаго и повсемѣстнаго обыкновенія перемѣнять не должно и невозможно. Въ самомъ Св. Писаніи находятся тому жъ мнѣнію подобныя слова, а именно: «похвала дѣтямъ отцы ихъ».

«Вамъ, дражайшіе мои дѣти, предками своими тщеславиться нельзя и не должно, однакъ и стыдиться причины нѣтъ, хотя бы кто отъ незнанія и подлостію васъ попрекнулъ. Меня самого иногда тѣмъ безразсудные люди попрекали, но отъ скромности моей, всегда сами устыдятся, отходили. Подлинно въ преднахъ нашихъ, сколько я свѣдомъ, не только бояръ и генераловъ, но и полководцевъ не было. Однакъ не всѣ генералы отъ генераловъ рождены... Предки наши... въ тѣ смутныя времена, какъ по-

ляки на Россію впаденіе чинили (чего и вологодскіе предѣлы не миновали), на Вологдѣ поселилися. Изъ которыхъ нѣкоторые, по тогдашнему обыкновенію, въ разныхъ городскихъ службахъ употреблялись; нѣкоторые жъ и купечество тутъ и въ Архангельскомъ порту производили. Первый и знатнѣйшій изъ оныхъ назывался Оерапонтъ, а по народному названію Рычакъ и Рычка. Отъ сего-то Оерапонта, сказывали они, что нашъ родъ и прозваніе происходятъ»...

Отецъ Рычкова, Иванъ Ивановичъ, по примѣру своихъ родныхъ, также торговалъ на Вологдѣ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ Ивановичемъ, отправляя хлѣбъ и другіе товары по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ и Двинѣ къ Архангельску для отпуска въ Голландію и другія земли. Вообще изъ словъ сына можно замѣтить, что Иванъ Рычковъ любилъ иноземцевъ. Во время пребыванія въ Вологдѣ, онъ былъ въ сношеніяхъ съ сосланными туда шведскими плѣнными и одному изъ нихъ, графу Бонде, успѣлъ оказать какое-то одолженіе, что, какъ увидимъ сейчасъ, пригодилось Рычкову впоследствии. Неосмотрительность и расточительность брата его, Михайлы, вступившаго въ подряды съ приказомъ большой казны по отпуску за границу тогдашнихъ казенныхъ товаровъ: поташа, смольчуга, икры, клея и щетины, произвели разстройство въ торговыхъ дѣлахъ Рычковыхъ. Къ этому присоединились и неудачи: суда, плившія съ помянутыми товарами къ Архангельску, разбились, слѣдствіемъ чего былъ огромный казенный начеть, такъ-что Рычковы лишились почти всего своего имущества.

Иванъ Рычковъ съ женою (Капитолиною Ивановною, дочерью вологодскаго купца Свѣшникова) и дѣтьми покинулъ Вологду и переселился въ Москву. Здѣсь въ 1722 году, вѣроятно по ходатайству бывшихъ шведскихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ графъ Бонде, состояли при Карлѣ Фридрихѣ, герцогѣ шлейзвигъ-голштинскомъ, старикъ Рычковъ получилъ при дворѣ его званіе купчины, или гофъ-фактора, и оставался въ немъ до самаго отъѣзда герцога изъ Россіи. Голштинскіе министры Стамкенъ и графъ Бонде, и послѣ этого событія, покровительствовали Рычкову и держали его при себѣ.

«Въ 1720 году ... былъ я, говоритъ про себя его сынъ,

около восьми лѣтъ, читать и писать по русски умѣлъ уже нарочито. По прибытіи въ Москву, не смотря на всѣ свои безпокойства и затрудненія, отецъ мой вскорѣ отдалъ меня учить иностранныхъ языковъ и сперва голландскаго, потому что великую склонность имѣлъ къ коммерціи и къ сей націи; да и свѣдѣнія какъ о внутреннихъ, такъ и о внѣшнихъ торгахъ былъ весьма достаточнаго. Нѣсколько научивши меня того языка и первой части ариѳметики, отдалъ меня для совершеннѣйшаго познанія онаго и другихъ языковъ, и для обученія бухгалтерской науки и внѣшней коммерціи къ тогдашнему полотняныхъ фабрикъ директору Ивану Павловичу Тамесу. Имѣвши съ нимъ издавна дружбу, онъ уповалъ, что я познаніемъ сихъ дѣлъ буду отечеству не безпотребенъ, а и себѣ не бесполезенъ. Сей господинъ Тамесъ былъ подлинно мужъ великаго свѣдѣнія не только въ коммерціи, но и во многихъ статскихъ дѣлахъ, и за его разумъ и многіе полезные проекты къ заведенію и распространенію въ Россіи разныхъ мануфактуръ находился въ особливой милости у его величества высокославныя памяти государя императора Петра Великаго ¹⁾. Онъ меня, какъ сына, любилъ и въ своей конторѣ не только языковъ и бухгалтерству училъ, но и при всѣхъ своихъ разсужденіяхъ и представленіяхъ, къ размноженію мануфактуръ и къ пользѣ російской коммерціи чинимыхъ, употреблялъ. И хотя я тогда несовершеннаго еще возраста былъ, слѣдственно и понятія ко всему тому достаточнаго не имѣлъ, однакъ въ познаніи

¹⁾ Къ иноземцу Ивану Тамесу, или Тамсену, для изученія бухгалтеріи, Петръ Великій посылалъ русскихъ учениковъ (Дѣянія П. В. Голикова, изд. 2, т. VIII, 50, 51; IX, 493). О немъ нерѣдко упоминается въ Дневникѣ Берггольца, см. рус. пер. г. Аммона, II (М. 1858 г.) 91—95; IV (М. 1860 г.), 101. Въ «Извѣстіяхъ о фабрикахъ и заводахъ въ Россіи 1727 года» (Госуд. Архивъ, разр. XIX) находимъ, что «полотняная фабрика въ Москвѣ директора Ивана Тамеса съ компанейщиками купецкими людьми зачата въ 718-мъ году по повелѣнію Петра Великаго и по просьбѣ компанейщиковъ. Въ 1719 г. государь пожаловалъ имъ два дома Авраама Лопухина: одинъ каменный близъ Пречистенскихъ воротъ, другой деревянный загородный въ Хамовникахъ, а также село Кохму въ суздальскомъ уѣздѣ съ 641 крестьянскимъ дворомъ. Капитала на фабрику затрачено съ 1718 по 1723 годъ 24.700 рубл. Сначала тамъ было 184, а въ 1727 году 443 стана; мастеровыхъ — 851 человекъ. Дѣлались на фабрикѣ полотна разныхъ сортовъ, салфетки, тики, скатерти и пр., которые «происходятъ въ продажу въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ и отпускаются за море» (л. 65, 66).

онѣхъ дѣлъ еще тогда и суще отъ него нарочитое познаніе получилъ... По смерти его жилъ я нѣсколько времени при моемъ родителѣ, котораго безпокойства отъ бѣдствій брата его, а моего дяди, еще тогда продолжались, да и конца было имъ не видно. Въ такихъ нашихъ обстоятельствахъ принужденъ я былъ не только мое ученіе, но и родителей моихъ оставлять, сыскивать способы къ ихъ облегченію и гдѣ бѣ себя употребити, что какъ и мнѣ, такъ и имъ было не безъ печали, тѣмъ наипаче, что они, покойные, никакого безпутства во мнѣ не видѣли, но еще и годность нарочитую съ немалою и всегдашнею охотою къ наукамъ примѣчали, а гдѣ и какъ меня пристроить, по тогдашнему своему состоянію, способовъ не находили».

«Между тѣмъ около 1730 году родитель мой, поѣхавъ въ Санктпетербургъ, взялъ меня съ собою, гдѣ графъ Бонде, министръ его королевскаго величества герцога голштинскаго, рекомендаціями своими способствовалъ ко опредѣленію моему въ службу при бывшемъ тогда Кабинетѣ, или Дворѣ. И хотя обѣщанія имѣлъ онъ надежныя, но дѣйствительное опредѣленіе отъ времени до времени откладывано, а наконецъ сказано было, чтобъ подождать до состоянія новаго штата, при чемъ я и остался».

«Въ ту жъ санктпетербургскую бытность, родитель мой сдружился съ англичаниномъ Вильямомъ Элзеномъ, который хотя не такого совершенства, какъ покойный Тамесъ, однакъ по премногу доброй человекъ и знатной капиталистъ былъ. Сей, видя, что я изъ русскихъ нѣмецкой языкъ не худо умѣю, и имѣя въ своей дирекціи казенные ямбургскіе и жабинскіе заводы со многими числомъ мастеровыхъ изъ русскихъ и иностранныхъ людей (изъ которыхъ между русскими ббольшая половина была изъ солдатовъ, тому мастерству обученыхъ), просилъ родителя моего, дабы я у него правителемъ тѣхъ заводовъ былъ, пока ко опредѣленію моему въ службу окажутся лучше и надежнѣйшіе способы. Признавъ меня къ тому, по знанію нѣмецкаго языка, способнымъ, онъ обѣщаль мнѣ между тѣмъ не только честное содержаніе, но и деньгами достаточно наградить, а особливо ежели я прекращу бывшія тогда между иностранными мастеровыми людьми несогласія и безпокойства, ибо они, разнегодованные на бывшаго предъ тѣмъ управителя англичанина Жинктига

за многія его безпутства, чинили сами разныя своевольства.. Съ такою-то кондиціею я отъ моего родителя на тѣ заводы былъ отпущенъ (они отъ Санктпетербурга были верстахъ во ста). По-длинно я, тутъ живучи во всемъ на коштѣ помянутаго господина Элмзена, честное и достаточное содержаніе возымѣлъ; да и удалось мнѣ всѣ тѣ многія безпокойства прекратить и въ надлежащій установъ привести».

«Здѣсь-то будучи, спознался я съ управителемъ тамошнихъ дворцовыхъ волостей Прокофьемъ Даниловичемъ Гуляевымъ и женился первымъ бракомъ на старшей его дочери Анисѣ Прокофьевнѣ, съ позволенія моихъ родителей, которые для того моего сговору и сочетанія изъ Москвы въ Ямбургъ нарочно ко мнѣ пріѣзжали. По вступленіи моемъ въ супружество, всячески уже принужденъ я былъ домогаться ссыскивать фундаментальное себѣ мѣсто и дѣйствительное въ службу опредѣленіе, къ чему еще и сіе побуждало, что оба оныя стеклянные заводы разсуждено было перевести въ другія мѣста и въ другую сторону, а именно одинъ къ Ладожскому каналу, а другой въ Санктпетербургъ, гдѣ они и построены вновь».

«По прибытіи въ Санктпетербургъ увѣдалъ я, что, по опредѣленію правительствующаго сената, въ Санктпетербургскую портовую тамошнюю принять былъ иностранный бухгалтеръ съ такою кондиціею, чтобъ тутъ содержаніе книгъ и счетовъ по европейской бухгалтерской регулѣ установить. Ему для того окладнаго жалованья положено было по 800 рубл. въ годъ, а когда русскихъ обучить оному дѣлу, то обѣщано было особое награжденіе; чего ради дано ему было изъ Академіи нѣсколько молодыхъ людей въ ученіе, знающихъ ариметику. Ему жъ велѣно было придать и переводчика, ибо онъ тѣ книги содержалъ не на русскомъ, но на нѣмецкомъ языкѣ. Въ разсужденіи сего дѣла явился я у г. статскаго совѣтника Кирилова, который тогда въ правительствующемъ сенатѣ былъ оберъ-секретаремъ, и, донесши, что я бухгалтерству съ издѣтства учился, просилъ опредѣленія. Онъ, поговоря со мною о томъ и усмотря, что я оное разумѣю, велѣлъ мнѣ въ прательствующій сенатъ объ опредѣленіи меня къ тому дѣлу подать прошеніе, кое я, подавъ, вскорѣ и опредѣленіе получилъ о бытіи мнѣ при портовыхъ и при оныхъ бухгалтерскихъ

дѣлахъ переводчикомъ и означенному бухгалтеру помощникомъ, съ жалованнымъ по 150 руб. въ годъ. И хотя съ годъ бывши у оныхъ дѣлъ, обнадеженъ былъ опредѣленіемъ на мѣсто того, по контракту служившаго бухгалтера, ко всему тому, для чего онъ былъ опредѣленъ; но какъ помянутый г. статскій совѣтникъ, по именному указу блаженной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, опредѣленъ былъ для многихъ государственныхъ интересовъ и важныхъ намѣреній, и повелѣно ему было между прочихъ чиновъ прискаты и съ собою взять искуснаго бухгалтера, то по тому именному указу въ 1734 году отъ правительствующаго сената опредѣленъ и съ нимъ отправленъ я былъ въ ту экспедицію бухгалтеромъ»...

II.

1734 — 1750 годы.

Н. К. Кириловъ и В. Н. Татищевъ — первые покровители Рычкова. Служба его въ оренбургскомъ краѣ. Переписка съ В. Н. Татищевымъ о русской исторіи и географіи. Первые историко-литературные труды Рычкова.

Въ 1734 году, въ Петербургѣ была снаряжена экспедиція, которой прямымъ послѣдствіемъ, хотя не вдругъ и не безъ препятствій, было окончательное утверженіе русскаго господства надъ обширнымъ краемъ, получившимъ потомъ названіе оренбургскаго. Поводомъ къ снаряженію экспедиціи послужило заявленіе желанія хана меньшей киргизской орды Абуиль-хаира вступить въ подданство Россіи и просьба его о построеніи русскаго города на устьѣ р. Ори. По этому случаю оберъ-секретарь сената, Иванъ Кириловичъ Кириловъ представилъ предположенія о средствахъ и мѣрахъ для приведенія въ исполненіе намѣреній Петра Великаго касательно киргизь-кайсаковъ и о распространеніи торговли съ Азією. Предположенія Кирилова заслужили одобреніе, и на него было возложено какъ построеніе на рѣкѣ Ори города, еще прежде основанія своего названнаго Оренбургомъ, такъ и осуществленіе всѣхъ мѣръ, которыя признаны были необходимыми для подчине-

нія Россіи тамошнихъ инородцевъ. Въ экспедиціи Кирилова, кромѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, были: историографъ по части естествовѣденія, живописецъ, студенты московской духовной Академіи, наконецъ геодезисты для сниманія картъ и описанія мѣстностей. Въ должность бухгалтера при экспедиціи поступилъ Петръ Ивановичъ Рычковъ ¹⁾).

Кириловъ принадлежитъ, безспорно, къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей, вышедшихъ изъ школы Петра Великаго. Рычковъ, который звалъ его близко, оставилъ намъ такое описаніе его: «онъ хотя незнатной природы былъ, но прилежными своими трудами и острымъ понятіемъ, въ канцеляріи правительствующаго сената, изъ самыхъ нижнихъ чиновъ происходя, еще при жизни высокославной памяти государя императора Петра Великаго въ чинъ сенатскаго секретаря произведенъ и при разныхъ случаяхъ имѣлъ счастье достоинство свое со многими его императорскаго величества удовольствіемъ засвидѣтельствовать, а особливо имѣвшіеся у него натуральною охототою къ ландкартамъ и географическимъ описаніямъ... Онъ первый взялъ на себя трудъ всероссійскія ландкарты собирать и чрезъ обрѣтавшихся при сенатѣ геодезистовъ атласъ россійской имперіи и генеральную россійскую ландкарту сочинять... Наукамъ хотя формально не обученъ былъ и оныхъ основательно не зналъ; но былъ великой рачитель и любитель наукъ, а особливо математики, механики, исторіи, экономіи и металлургіи, не жалѣя при томъ никакого своего труда и иждивенія... ²⁾).

Что Кириловъ горячо любилъ науки и искренно желалъ успѣховъ имъ, то свидѣлствуютъ его близкія отношенія къ нашей Академіи Наукъ. Вскорѣ послѣ учрежденія ея, онъ вступилъ въ обширную переписку съ академикомъ Николаемъ Іосифомъ Делилемъ касательно географіи Россіи и составленія точ-

¹⁾ См. его «Исторія оренбургская» въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ», январь, 1759 г. стр. 1 — 47; февраль, стр. 100—112. Къ Кирилову поступилъ и отецъ Рычкова «для установленія и утвержденія новой коммерціи». Онъ пріѣхалъ въ Самару уже послѣ смерти Кирилова, и Татищевъ поручилъ было ему сочинить купеческій тарифъ и уставъ; но старикъ Рычковъ, не успѣвъ этого исполнить, умеръ въ 1738 г., о чемъ есть въ Запискахъ сына и въ «Сочинен. и перев.» 1759 г., апрѣль, стр. 335.

²⁾ Ibid., мартъ 1759 г., стр. 223—224.

ныхъ картъ ея. Даже въ бытность свою въ оренбургской экспедиціи, посреди тяжелыхъ заботъ и безпокойствъ, не забывалъ сообщать Академіи извѣстій по части естественной исторіи и съ любопытствомъ освѣдомлялся о ходѣ работъ по части русской картографіи, столь близкой его сердцу ¹⁾).

Вскорѣ по прибытіи въ оренбургскій край, Кириловъ убѣдился, что предположенія, которыя такъ легко составляются въ кабинетахъ за тысячи верстъ отъ мѣста событій, трудно осуществлять на дѣлѣ. Правда, ему удалось основать городъ, но башкирцы, видя въ томъ рѣшительный ударъ ихъ независимости, взбунтовались. Основателю Оренбурга, вмѣсто распространенія торговли съ Азіею, вмѣсто поисковъ рудъ для обогащенія государства, пришлось вести упорную борьбу съ полудикимъ народомъ, рѣшившемся на все, чтобы отстоять послѣдніе остатки своего господства надъ обширною страной. Среди тревогъ и несбывшихся надеждъ, Кириловъ умеръ 14 апрѣля 1737 года въ Самарѣ, гдѣ и похороненъ при церкви св. Николая Чудотворца ²⁾).

Мѣсто Кирилова заступилъ Василій Никитичъ Татищевъ—другая, еще болѣе выдающаяся личность въ исторіи русской литературы и просвѣщенія XVIII столѣтія. Куда бы ни заносила судьба Татищева, онъ всюду оставался вѣренъ своей привязанности къ научнымъ разысканіямъ и вообще ко всему, что относилось къ просвѣщенію. Въ поѣздку по казенному порученію

¹⁾ Такъ напр. 14 декабря 1734 года, Кириловъ писалъ къ вновь назначенному тогда президенту Академіи Наукъ, барону Корфу: «поздравляю ваше превосходительство, получа высшую дирекцію надъ учрежденною Академіею и несумнѣнно надѣюсь, чрезъ прилежное руководство ваше, въ лучшемъ состояніи оную увидѣть и плодами ея всему обществу пользоваться. При случаѣ жъ моего пути обрѣтенныхъ разныхъ родовъ травъ и коренья, кои обрѣтающіеся со мною господа ботаникъ и аптекаръ мимоходомъ усмотрѣли, о тѣхъ принялъ смѣлость вашему превосходительству каталогъ сообщить, и ежели оный угоденъ покажется, тогда господамъ академическимъ членамъ приказать отдать. Впрочемъ какіе сысканы на пути разные камни, и металы и минералы, о томъ впредь донесу, а паче уповаю услужить, когда въ наилучшихъ мѣстахъ будущю весною буду»... (Eingekommene Briefe von 1734 bis 1736 въ архивѣ акад. конференціи). Переписка Кирилова съ Академіею по части географіи Россіи въ первый разъ стала извѣстна только въ прошломъ году изъ труда г. Свенске: «Матеріалы для исторіи составленія атласа російской имперіи, изд. Акад. Наукъ въ 1745 г.» См. Прилож. № 2 къ IX т. Записокъ Акад. Н. 1866 года.

²⁾ «Сочиненія и переводы» 1759 г., мартъ, стр. 223.

въ Швецію онъ знакомится съ тамошними учеными, пишетъ для нихъ статью о мамонтовыхъ костяхъ, разыскиваетъ и списываетъ разные матеріалы для древней русской исторіи; въ Сибири собираетъ массу историческихъ и географическихъ извѣстій о Россіи; поручаетъ тамъ составлять словари инородческихъ языковъ; отыскиваетъ древности и рѣдкости въ могилахъ; служба въ Екатеринбургѣ, устраиваетъ школу. Во время двухлѣтняго управленія оренбургскимъ краемъ, онъ заводитъ также школу въ Самарѣ для татаръ и калмыковъ, и здѣсь, по его указаніямъ, начали переводить книги съ восточныхъ языковъ на русскій и сочинять татарско-калмычскій словарь. Въ Астраахи, его пытливый умъ занимали остатки жилищъ прежнихъ властителей золотой орды.

Рычковъ такъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ о службѣ своей въ первые годы пребыванія своего въ оренбургскомъ краѣ: «будучи въ той экспедиціи какъ отъ него, Кирилова, такъ и бывшихъ послѣ его генералитетовъ, употребляемъ я былъ всегда (кромя одного перваго года) и почти безотлучно къ нужнѣйшимъ военнымъ дѣламъ. Они (т. е. начальники), по тогдашнимъ башкирскимъ безпокойствамъ, о томъ, какъ бы счетныя книги по регулѣ бухгалтерской установить, почти и думать уже перестали; но усмотря, что я въ такихъ строгихъ случаяхъ къ правленію канцелярскихъ дѣлъ другихъ былъ способнѣе, все канцелярское правленіе на меня одного положили. При такихъ обстоятельствахъ имѣли они меня всегда и во всѣхъ походахъ безотлучно при себѣ и подлинно содержали меня въ отмѣнной милости»...

Несомнѣнно, что молодой Рычковъ поддался вліянію такихъ людей, какими были первые два начальника его, и этимъ только можно объяснить себѣ, почему онъ впоследствии приобрѣлъ себѣ у современниковъ довольно обширную извѣстность какъ писатель и любитель наукъ. Къ Татищеву Рычковъ питалъ чрезвычайное уваженіе и, вспоминая о немъ уже гораздо послѣ его кончины, называлъ не иначе, какъ отцемъ и благодѣтелемъ своимъ. Удаленіе Татищева отъ оренбургскихъ дѣлъ не прекратило сношеній его съ бывшимъ подчиненнымъ, и послѣдній велъ съ нимъ дѣятельную переписку.

«Милостивѣйшій государь мой и отецъ Василій Никитичъ, писалъ къ нему Рычковъ изъ Самары 25-го февраля 1741 года.

Вашего превосходительства милостивое писаніе отъ 10 и 21 числа сего февраля удостоился получить, за которое, якожь и за всѣ вашего превосходительства неизреченныя милости, рабское приношу благодареніе. Что же принадлежитъ до переводу предисловія нѣмецкаго переводчика Дергамова ¹⁾, оный я оставлявать не намѣренъ былъ, да и труда надъ нимъ не много, ибо не великъ, только поохотился напередъ самого автора переводить. Окончавъ же онаго, и то предисловіе перевесть не премину».

«Отъ 18-го числа сего до вашего превосходительства странно писалъ, нынѣ же къ тому прибавить имѣю, что къ начатому въ татаро-калмыцкой нашей школѣ лексикону (съ русскими началами татаро-калмыцкой) уже двѣ литеры дѣйствительно сдѣлали и, кажется, съ добрымъ успѣхомъ продолжаются. Не худо-ли, милостивѣйшій государь мой, что я такимъ образомъ русскія слова переводить велѣлъ, чтобъ татарское и калмыцкое прежде русскими и калмыцкими, а потомъ уже и тѣми языки писать, ибо разсудилъ, что у насъ въ напечатаніи татарскихъ и калмыцскихъ литеръ произойдетъ великое затрудненіе. А когда будетъ и русскими литерами изображенное, то и умѣющимъ и неумѣющимъ тѣхъ языковъ чтеніемъ будетъ во употребленіе, и въ напечатаніи всего онаго русскими литерами труда будетъ не столько. Сіе мое предпріятіе годится-ль, всепокорно васъ, милостивѣйшаго государя, прошу наградить меня своимъ милостивымъ увѣдомленіемъ. Наипаче же прошу къ его сіятельству ²⁾ отписать, чтобъ я въ такихъ моихъ стараніяхъ вспомогаемъ былъ. Хотя и такъ его сіятельству натолковалъ, что все оное не токмо для здѣшнихъ мѣсть, но и для всего общества дѣло пренужное, и онъ тому согласуетъ уже и не оставляетъ; но вашего превосходительства одно слово всего моего лучше представленія. Я нынѣ особливо радъ, что его сіятельство всѣ заведенныя здѣсь школы, надъ коими никакого почти призрѣнія не было, приказалъ во одинъ бывшій князь Ми-

¹⁾ Вильямъ Дергамъ (Derham) род. 1637 (1660?) г., умеръ каноникомъ въ Уэстминстерѣ 1735 (1738) г. Его сочиненія *Physico-Theologie* и *Astrologie* были переведены и изданы на нѣмец. яз. въ первой половинѣ XVIII вѣка. (Pierer's *Universal Lexicon*, 4-е изд., т. IV, 855).

²⁾ Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ, которому ввѣрено было управленіе оренбургскимъ краемъ послѣ увольненія Татищева.

хаила Андреевича ¹⁾ домъ собрать и все надсматривать приказалъ. Въ высочайшій кабинетъ не безъ основанія отъ его сіятельства представлено о распространеніи здѣшнихъ училищъ: ежели бы милостивая резолюція воспослѣдовала, то бъ я надѣялся не малому плоду отъ того произрасти... ²⁾

Съ своей стороны князь Урусовъ, увѣдомляя (въ мартѣ 1741 года) Татищева, что заботы его о татарско-калмыцкой школѣ въ Самарѣ не остались безплодными, упоминалъ о лексиконѣ и переводахъ: «во всемъ томъ старается у меня г. Рычковъ, и ему оное поручено, котораго въ томъ охота и прилежность, надѣюсь, вашему превосходительству извѣстна... ³⁾. Въ одно время съ княземъ Урусовымъ, Рычковъ извѣщалъ Татищева:

«Школа, о которой ваше превосходительство изъ прежнихъ моихъ писемъ извѣстны, время отъ времени къ лучшему состоянію приходитъ. Особливо же нынѣ по письму вашего превосходительства къ его сіятельству всякаго споспѣшествованія надѣюсь, ибо онъ великую къ тому охоту показывать началъ. А когда его свѣтлость князь Алексѣй Михайловичъ ⁴⁾ о томъ отпишетъ, то и большаго во всемъ приращенія уповаемъ. Нынѣ его сіятельство посылаетъ къ вашему превосходительству нѣсколько тетрадей сочиняемаго здѣсь татарско-калмыцкаго лексикона, въ которомъ сочиненіи я, нижайшій, имѣя малое участіе, всепокорнѣйше прошу сіе наше начало милостиво разсмотрѣть, годится-ль въ дѣло? увѣдомленіемъ не оставить. Что касается въ ономъ до русскаго, то хотя оное набираю изъ лексикона поликарповскаго,

¹⁾ Князь Михаилъ Андреевичъ Бѣлосельскій, бывший, по словамъ Рычкова въ Запискахъ, въ Самарѣ и Оренбургѣ «по нѣкоторымъ несчастнымъ его случаямъ». Въ 1736 г., по оговору ссыльнаго Егора Столѣтова, этого князя Бѣлосельскаго судили за рассказы его о царевнѣ Екатеринѣ Иоанновнѣ, Биронѣ и пр. Онъ впрочемъ ни въ чемъ не сознался. Въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны Рычковъ зналъ его въ Петербургѣ генералъ кригсъ-коммиссаромъ.

²⁾ Входящія письма 1740—1743 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій (род. 1680 † 1742 г.) имѣлъ тогда званіе великаго канцлера.

однакъ греческіе мокронизмы ¹⁾, необыкновенныя словенскія званія выкидываны, а напротивъ того многое, что припамятовалось, объяснено простыми рѣчами, а въ иномъ и прибавлено. Только кажется мнѣ топерь, грамматическія изъясненія (которыя отчасти въ сочиняемомъ уже употреблены), предлоговъ и союзовъ нашихъ не нужны. Да и толмачи переводить ихъ не умѣютъ, и для того ихъ оставлю и буду тѣдиться, чтобъ во всемъ томъ сочиненіи болѣе простотѣ подражать, которая у насъ съ вышешомянутыми языки довольно согласуется, особливо же, что въ татарскомъ усматриваются многія такія званія, кои съ нашими во всемъ сходны».

«Ахунъ нашъ ²⁾ по персидски и по турецки говоритъ умѣеть, чего ради буду стараться, чтобъ хотя не мнѣ и не вдругъ, то со временемъ и по маленьку оба сіи языки къ предназначеннымъ сообщить. И хотя въ затѣяхъ моихъ многіе предосуждаютъ, вѣдаючи кромѣ того многія мои несвободности, но доброму намѣренію Богъ помогаетъ. Нынѣ при семъ всенижайшемъ моемъ письмѣ, по любопытству вашего превосходительства, прилагаю реестръ арабскимъ наукамъ, которыя мнѣ ахунъ, по татарски записавъ, далъ и сказывалъ, что нѣкоторыя книги о тѣхъ наукахъ изъ Бухарь достать возможно. Не изволите-ли повелѣть, чтобъ о тѣхъ, которыя надобнѣе, постараться и о томъ меня увѣдомить. Онныя хотя не въ употребленіе, но къ довольной куріозите служить могутъ».

«Ахунъ уложенъ весьма прилежно переводить и перевелъ уже двѣ главы на татарской языкъ первую и середка (такъ ему сперва захотѣлось, но я нынѣ приказалъ сначала ничего не пропускать переводить) о татевныхъ дѣлахъ, а другую начальную о молитвенномъ омываніи. Первая хотя на русской языкъ и переведена, токмо переводъ весьма нечистъ; къ тому требуются на

¹⁾ «Лексиконъ триназычный, сирѣчь реченій словенскихъ, еллино-греческихъ и латинскихъ сокровище» изданъ Фѣдоромъ Поликарповымъ въ Москвѣ 1704 г. Подъ *мокронизмами* Рычковъ разумѣлъ греческія выраженія Поликарпова, которыя считалъ несвойственными нашему языку (*masconpée*).

²⁾ Магометанскій духовный, называвшійся, какъ увидимъ ниже, Махмудомъ Абдрахмановымъ. Татищевъ упоминаетъ о немъ въ «Ист. рос.» Кн. I, часть 2, стр. 278 и слово ахунъ переводить—епископъ магометанскій.

многое примѣчанія, которыя по растолкованіямъ ахунovýmъ потщусь сочинить, и затѣмъ ее до вашего превосходительства не послалъ. Прилагаю же токмо нѣсколько статейекъ первыхъ, ибо сіи безъ примѣчаній не очень ясны»...¹⁾

Съ конца 1745 года, Татищевъ, удаленный отъ службы, жилъ въ своихъ помѣстьяхъ. Памятниками его административной дѣятельности остались множество официальныхъ донесеній и разнородныхъ представленій. По нимъ можно судить о неутомимой дѣятельности, о его умѣ, знаніяхъ, опытности и — должно сознаться — о его недостаткахъ, бывшихъ, правда, непремѣнно принадлежностью едва-ли не всѣхъ администраторовъ его времени, но тѣмъ не менѣе неприятно поражающихъ историка. По мыслямъ, которыя высказывалъ Татищевъ, по своей любви къ знаніямъ и просвѣщенію онъ шелъ впереди своего вѣка, стоялъ выше окружающей его среды; по образу же дѣйствій на служебномъ поприщѣ онъ не отличался ни чѣмъ отъ стариннаго воеводы въ отдаленномъ городкѣ. Изъ сенатскаго доклада, представленнаго императрицѣ Елизаветѣ не задолго до удаленія его отъ должности астраханскаго губернатора, оказывается, что онъ не дѣлалъ часто различія между деньгами казенными и своими и допускалъ злоупотребленія и за рубли, и за башкирскихъ иноходцевъ, даже за овчинки и волчьи мѣха (см. приложение I).

Эта двойственность въ Татищевѣ, какъ администраторѣ и писателѣ, исчезла только тогда, когда онъ лишился мѣста. По выѣздѣ своемъ изъ Астрахани, Татищевъ написалъ къ барону Черка-

¹⁾ Входящія письма 1740 — 1743 гг., въ архивѣ академической конференціи. При письмѣ Рычкова приложены слѣдующія статьи: 1) «Науки, которыя на арабскомъ языкѣ ученымъ людямъ принадлежать». Здѣсь перечислены названія ихъ. 2) Отрывокъ изъ мухаметанскаго уложенія, гл. 12: «О татевныхъ и воровскихъ дѣлахъ». 3) Съ заглавіемъ: «Хвала высшему Богу, сотворшему небо и землю и вся предѣлы, и божеская его милость пророку Мохамету со всѣми его послѣдователями. Я, всенижайшій и многогрѣшный рабъ, ахунъ Махмутъ Адрахмановъ, по просьбѣ моего почтеннаго друга, призывая всемогущаго Бога въ помощь, перевелъ съ арабскаго на татарскій языкъ сію малую книжицу о бывшихъ въ прешедшихъ лѣтахъ царяхъ, ханахъ и салтанахъ, наипаче того ради, что въ нашемъ государствѣ арабскаго языка не многіе искусны, и дабы всенародно татарскому языку оная книжка известна быть могла, которая состоитъ въ трехъ токмо главахъ, еже учинено въ Оренбургѣ по махаметанскому счисленію 1153, а по христіанскому 1740 года. Съ татарскаго на русской языкъ переведена при учрежденной въ оренбургской комиссіи татаро-калмыцкой школѣ въ февралѣ мѣсцѣ 1741 г.»

сову письмо, гдѣ изобразилъ, какъ непривлекательна была тогда жизнь въ отдаленныхъ захолустьяхъ и какъ чувствовалась тамъ необходимость «правосудіе возставить, немощнымъ обиды и коварныя ябеды пресѣчь»¹⁾. При чтеніи этого письма нельзя не прийти въ недоумѣніе, какъ могло оно быть писано человѣкомъ, за нѣсколько недѣль удаленнымъ за злоупотребленія отъ губернаторской должности? При занятіяхъ русскою исторіею XVIII вѣка часто возникаютъ такіа недоумѣнія.

Послѣднія пять лѣтъ жизни, проведенныя Татищевымъ вдали отъ дѣлъ, мало извѣстны. Чтò занимало его въ это время, можно видѣть только изъ переписки его съ Академіею Наукъ, а также съ Рычковымъ. Собственноручныя письма его къ послѣднему уцѣлѣли въ семейныхъ бумагахъ потомка его, Д. Н. Рычкова, и здѣсь будетъ кстати воспользоваться ими, такъ какъ онѣ, знакомя съ отставнымъ Татищевымъ, даютъ понятіе и о бывшемъ его подчиненномъ.

«Государь мой Петръ Ивановичъ, писалъ Татищевъ изъ села своего Болдина 18-го августа 1749 г., ваше тщаніе къ исторіи обнадеживаетъ меня многое, ко извѣстію достойное, получить. Въ той надеждѣ прилагаю, посылаю (sic) изъ первой части моя исторіи гл. 18 и прошу, оную разсмотря, погрѣшности исправить, недостатки дополнить и, колико заблагоразсудите, яснѣйшею и полнѣйшею сдѣлавъ, ко мнѣ прислать, чтобъ прочее за тѣмъ не остановилось. И если вамъ потребно, то могу вамъ и болѣе главъ, вчернѣ написанныхъ, прислать».

«Лексиконъ историческій, надѣюся, прежде сего посланный 13-го числа, уже получили²⁾. Я вамъ еще рекомандую выписать ландкарты Птолемеевы или Пеутингеровы для знанія, какъ тогда о положеніи народовъ, областей и пр. разумѣли³⁾. Я ихъ

¹⁾ Приложение № 4 къ IV т. Записокъ Акад. Наукъ, 1864 г., стр. 45, 46.

²⁾ Въ библиотекѣ Татищева находится Allgemeines Historisches Lexicon въ четырехъ томахъ. По всей вѣроятности это былъ нѣмецкій, сдѣланный Готшедомъ переводъ знаменитаго Dictionnaire historique et critique Бэйля. На нѣмецкомъ языкѣ онъ изданъ въ Лейпцигѣ въ четырехъ томахъ въ 1741—1744 годахъ.

³⁾ Географическое сочиненіе грека Клавдія Птолемея (жилъ въ первой половинѣ II вѣка по Р. Х.) извѣстно во многихъ изданіяхъ и на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Конраду Пеутингеру (род. 1465 † 1547 г.) обязаны сохраненіемъ древней карты, относимой нѣкоторыми ко временамъ императора

имѣлъ двѣ, да архіепископъ московскій ¹⁾ недавно у меня одну выпросилъ, а другая при мнѣ каждадневно надобна».

«Прежде вы начали татарскій лексиконъ сочинять, и весьма бы нуженъ, къ чему Менинскій ²⁾ много служить можетъ; но у меня мало употребляемъ, для того что татарскаго и арабскаго читать не умѣю. Еслибъ кто взялся оный перевести, я бы не пожалѣлъ дать 100 руб.»

«Весьма мнѣ нужно изъясненіе нѣкоторыхъ словъ изъ тѣхъ языковъ, если въ оныхъ нѣкоторыя не сарматскія; но оныя могутъ чуваша, черемиса, мордва и вотяки изъяснить. Прошу, если можно, оныя мнѣ изъясня, прислать, объявляя при каждомъ, какого языка»...

6-го сентября 1749 года: «... Лексиконъ историческій въ 4-хъ том. fol. до васъ давно послалъ въ Москву и велѣлъ съ надежнымъ ѣздокомъ отправить, ибо на почтѣ не приняли. Нынѣ же писалъ — если не посланъ, чтобъ секретарю Конпяжеву отдать. Переводы прошу, не спѣша, исправно списать, и, мои примѣчанія уничтожа, по вашему лучшему знанію сочинить и сюда прислать, хотя бы то не весьма скоро учинилось»...

21-го сентября 1749 года: «Прежде послалъ вамъ изъ первой части Исторіи гл. 18 о татарѣхъ и просилъ, чтобъ оную исправили и дополнили по вашему большому о томъ извѣстію. Но что древностей принадлежитъ, то я, изъ многихъ авторовъ переводя, изъяснялъ, которыя и вамъ не бесполезны быть могутъ. Для того при семъ, выбравъ къ вашему предпріятію ³⁾ нужнѣйшія Птолемея географа, Константина Порфиrogenита и Геродота, посылмаю съ моими изъясненіями: не можете-ли что поправить или пополнить, ибо такъ пословица увѣряетъ: умъ добро, а два лучше»...

Еоѳодосія и извѣстной подъ именемъ Tabula Peutingeriana. Грессе (Trésor de livres rares et précieuses, T. V, 246) указываетъ всѣ изданія ея XVI, XVII и XVIII вѣковъ.

¹⁾ Платонъ Малиновскій, архіепископъ московскій съ 14 апрѣля 1748 г. по 14 іюня 1754 года. Исторія Росс. іерархіи, М. 1807 г., I, 91.

²⁾ Францъ Менинскій (род. 1623 † 1698 г.), авторъ арабско-персидско-турецкаго словаря, изд. въ первый разъ подъ заглавіемъ Thesaurus linguarum orientialium, 1680—1687, въ трехъ частяхъ.

³⁾ Ниже будетъ говорено, что Рычковъ занимался собираніемъ извѣстій о татарахъ. Извѣстно также, что глава 18 «Исторіи рос.» Татищева озаглавлена: «Остатки скиевъ, турки и татара».

12-го октября 1749 года: «Ваше пріятное письмо отъ 13-го сент. сей день получилъ и за присланную ландкарту благодарствую. Токмо въ сибирской сторонѣ многая неисправность, и что назначенъ древній протокъ изъ Арала въ Каспійское—оное мною басня. Въ бытность мою въ Астрахани, какъ были трухменскіе послы, которые съ тѣмъ были присланы, чтобъ ихъ принять въ подданство и построить у нихъ крѣпости, я прилежно ихъ о томъ спрашивалъ, ибо они по всему берегу Каспійскаго моря обитають отъ Эмбы до Красныхъ Водъ или Агурчинскаго залива. Они сказали, что проходъ былъ, да горы, спешдись, завалили; а между обоими великія горы, какъ и русскіе, ѣздившіе съ ними до Хивы, увѣряли, что возможно тому быть. Заливъ Балханской и Астрабатской прилежно посыланнми отъ меня описанъ, но никакого знака не найдено, для того остается недостовѣрное южнаго берега Арала описаніе. Ежели возможность дастся, хотя бы на то денегъ не пожалѣтъ трухменцамъ, когда къ вамъ прибудуть. А понеже вы объявили, что оную карту исправите и дополните, того ради прошу меня оною снабдить»...

«... О ландкартахъ Птоломеевыхъ такожде въ Петербургъ сей день съ нарочно посланнымъ писалъ, и ежели есть, то къ Рождеству или прежде получу и пришлю. Ихъ всего 28, и онѣ весьма вамъ нуждны»...

2-го ноября 1749 года: «Прежде послалъ я вамъ нѣсколько главъ Исторіи Русской первой части, но которыя не памятую. Нынѣ же, по требованію вашему, посылаю еще, которыя переписаны бѣляе. Другія ово не переписаны, ово не довольно разсмотрѣны лежатъ, которыя со временемъ пришлются».

«Я васъ прошу внятно разсмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ какой погрѣшности, и о томъ дать знать, а оныя, не сообщая другимъ, а паче несмысленнымъ, ко мнѣ возвратить, ибо хотя я ни о чемъ болѣе прилежу, какъ ясною исторіею моему отечеству славу и честь пріумножить, а невѣдущимъ дать спознаніе, вѣдущимъ же болѣе и лучше причину къ ббльшему изъясненію и исправленію погрѣшностей, которыхъ человекъ, какъ бы отъ природы мудръ и науками просвѣщенъ ни былъ, избѣжать не можетъ; какъ Давидъ говорилъ: всякъ человекъ — ложь. Да сіе бываетъ, что и правое дѣло другимъ является не правымъ и погрѣшнымъ,

какъ тому тысячи примѣровъ сыскать можно. Въ язычникахъ видимъ Сократа и другихъ за признаніе истиннаго Бога, обличеніе невѣжества, наставленіе къ благоправію пострадали. Не меньше того видимъ въ христіанствѣ, какъ Аѳанасія Великаго, Златоустаго и другихъ великихъ учителей не токмо изгоняли, чиновъ и чести лишали, но нечестивые соборы, яко еретиковъ и безбожниковъ, проклинали. Для такихъ злостныхъ потребна мудрость осторожности, какъ я въ предисловіи отчасти изъяснилъ»...

1-го декабря 1749 года: «За присланное разсмотрѣніе о имени татаръ при письмѣ вашемъ отъ 11 октября, вчера полученномъ, весьма благодарствую, ибо много въ немъ полезнаго нахожу, хотя притомъ нѣчто изъ древнихъ греческихъ басенъ взято, яко горы Имай. Греки о нихъ писали разнo: ибо меотическую, отъ Тауроcа идущую въ Индію ¹⁾, по которому славный испанскій географъ Мартиніе ²⁾ разумѣетъ тѣ горы, что между Персіи и Вавилона проходятъ; а Птоломей точно такъ положилъ какъ ахунъ говорить, но имя Имай есть греческое; а можетъ и въ тамошнихъ языкахъ что либо значить. Равно рѣка Татаръ или Тата, которую Павелъ Венетъ вымыслилъ, вашъ ахунъ отъ европейскихъ взялъ, что Рубрикъ и Карпейнъ въ ихъ ѣздахъ писали. Хотя весьма далеко простираются, однако довольно видно, что Рубрикъ далѣ Кіева не былъ, а Карпейнъ, Волги не переѣзжал, потомъ писали, что многіе ученые довольно примѣтили. Что ахунъ въ Китайхъ татаръ кладетъ, то паки отъ слышанія европейцовъ, ибо тамо оное имя неизвѣстно, а сказываютъ Манжуръ Иманчу древнѣйшимъ ихъ званіемъ. И сіе точно такъ, какъ вы изъяснили о имени нѣмецъ, данномъ отъ славянъ германяномъ, которое и греческіе историки, Константинъ Порфирогенитъ, Анна Комнина и другіе употребляли. Такъ европейцы, оскорбясь отъ татаръ нашедшихъ, всѣ неизвѣстные народы, власно какъ у грекъ варвары, отъ египтянъ скиои именованы, въ которыхъ разные народы, яко: славяне, германяне, сарматы и чуть именованы. Да имя татаръ вошедшіе въ Европу сами

¹⁾ Здѣсь и въ подлинникѣ что-то пропущено.

²⁾ Антоній-Августинъ Брузенъ де ла Мартиньеръ, авторъ Dictionnaire géographique, котораго первое изданіе вышло въ 1726 году.

не употребляли, но писались могулы, какъ Батыевы и внуковъ его граматы свидѣлствуютъ. Сему примѣръ Плиній: о имени моря Каспійскаго писавъ, сказаъ, что оно имѣеть много разныхъ званій отъ прилежащихъ предѣлъ, и римляномъ отъ народа Каспиевъ, жившихъ по рѣкѣ Курѣ; Каспи — грекомъ; какъ Александръ чрезъ Иранію ко оному приближился Иранское стало вѣдомо; русскимъ отъ народа хвалисовъ — Хвальнское. Болгары отъ козаръ, или разбойниковъ, Козаромъ и пр. именовали».

«Равно Руссія или Россія такъ много разныхъ названій отъ разныхъ народовъ имѣеть. Литва, имѣя крайній къ нимъ предѣлъ Креви, или Смоленскъ, именуеть Русь кривитами; финны отъ вендовъ, обладавшихъ ихъ, — венеенма; сѣверные, яко отъ нихъ нихъ на востокъ, — остерики и остерунгъ и пр. Но я надѣюсь, что вы изъ Бухаріи можете лучшія извѣстія получить и оную темноту изъяснить».

«Вы упомянули о персидской исторіи: оную весьма бы нужда перевести, токмо при переводѣ надобно въ исторіи искусство дозвольное, чтобъ имена людей, народовъ и урочищъ не перевелъ, какъ-то многіе погрѣшаютъ, напр. греки Переяславль именовали Меганолисъ. Порфирогенитъ, описуя пороги днѣпровскіе и города русскіе, клалъ по два и по три имени: 1) славянское; 2) русское или сарматское и 3) греческое. Напр. народъ греч. Мелайхлені, русск. Муставами, слав. черны порты, а сами зовутся Мустаинъ, а послѣднее значить черный народъ»...

Это письмо можетъ служить комментариемъ къ тому, что потомъ высказалъ Татищевъ въ 18-й главѣ своей «Исторіи российской», кн. 1, часть 2, стр. 274 — 278, гдѣ также приводятся свидѣтельства «любомудраго ассессора оренбургскаго господина Рычкова», а также и знакома оренбургскаго ахуна.

Слѣдующее за тѣмъ письмо Татищева ¹⁾ писано въ концѣ декабря 1749 года по поводу присылки къ нему Рычковымъ своего «Краткаго извѣстія о татарахъ», которое хранится въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

Въ февралѣ 1750 года: «Абулгасіеву исторію я сожалѣю, что вы оной не поправили и погрѣшностей не изъяснили, а за

¹⁾ Оно напечатано въ приложеніи къ настоящей біографіи подъ № II.

тѣмъ она, по желанію многихъ въ печать не годится, развѣ вы потрудитесь оное впредь исполнить и любопытный міръ удивлять, а наипаче о положеніяхъ тамошнихъ вы паче всѣхъ правильнѣе изъяснить, а Страленберговы погрѣшности исправить можете.

О торгахъ русскихъ и промыслахъ сочиненіе ваше ¹⁾ хвалы достойно, хотя нѣгдѣ недостаточно и индѣ погрѣшно, для того я послалъ оное въ Москву, чтобъ переписать и потомъ дополнить. Междо оными первое и главное: вмѣщены латинскія и французскія слова, что всѣ ученые за гнусно почитаютъ.

2. Половцевъ вы именовали русскими: оные были, яко и печенеги, сарматы и подъ властію русскою не были. Бористень рѣка Днѣпръ — имя сарматское и градъ, греками построенный, отъ рѣки названъ, а не славенское.

Кремки градъ — имя турецкое, яко Кремль и Крымъ ничто иное, какъ крѣпость или укрѣпленіе.

Недостатокъ же о торгахъ отъ неимѣнія при васъ сѣверныхъ и греческихъ писателей, въ которыхъ, яко и у Порфирогенита, нѣчто находится, что русскіе великіе подарки золотомъ и серебромъ отъ грекъ брали. А сѣверные сказуютъ, что въ области русской Курляндіи великой ярмаркъ бывалъ, на которомъ много золота продавали и парчей дорогихъ.

Греки главные русскіе товары кладутъ: кожи звѣрей и скотовъ, бобровую струю и медъ. Изъ Болгаріи они получали шелковыя и бумажныя парчи, а о соли погрѣшено, ибо русскіе около Новограда имѣли свои варницы издревле, потомъ въ Галичѣ и Москвѣ, изъ Галича къ Соливычегодской, отгуду въ Пермь. А малая Русь, яко и греки, изъ Крыма получали. Что Страленбергъ въ Перми портъ положилъ, то явно совралъ, но были порты Гордорики нынѣ Старая Ладога да Алденбургъ при морѣ, но гдѣ точно никто не знаетъ, а думаю гдѣ были Канцы. О портѣ и торгѣ архангельскомъ Саверій ²⁾ достаточно показалъ, которая

¹⁾ О немъ будетъ говорено ниже.

²⁾ Philemon Louis Savary, авторъ Dictionnaire universel de commerce изд. въ первый разъ въ 1723 году. Въ 1747 г. Академія наукъ издала переводъ Сергѣя Волчкова «Экстрактъ Саваріева лексикона о коммерціи», въ 4^о.

прошлаго года переведена и напечатана, и есть чтанія достойна. О новгородскомъ торгу въ Либикѣ Исторія анзеатская такожь многое показуетъ, чего по нашимъ исторіамъ не находится, что я надѣюсь при исправленіи онаго вашего труда пространнѣе показать.

О лексиконѣ историческомъ я всегда подтверждаю, чтобъ къ вамъ хотя по одной книгѣ сослали, и если вашъ курьеръ потребуетъ, то конечно отдадутъ. Если бы вамъ случай былъ самимъ приѣхать, то бѣ вы могли книгъ потребныхъ довольно получить. За тѣмъ пребываю

Р. S. Еще напоминаю, если не утрачена посланная отъ меня 18 глава о татарѣхъ, оную мнѣ возвратить»....

5-го марта 1750 года: «Я по объявленію вашему сердечно желаю, чтобъ Ивана Ивановича ¹⁾ и васъ здѣсь видѣть, и совѣтую, если бы его не уволили, какъ и не надѣюсь, то вамъ для его и своей пользы не худо бы побывать и новыхъ строеній посмотрѣть и какъ старыя гниютъ и валятся.

Абулгаси ханова исторія получена ²⁾ и я за оную прежде васъ благодарилъ, но еще послалъ бы къ вамъ Андрея Лызлова Скиескую ³⁾ исторію, токмо опасуюсь, чтобы въ пересылкѣ не утратить, а оная къ татарской исторіи много потребна. О посланной отъ меня къ вамъ 18 главѣ изъ русской исторіи я доднесъ ни отвѣди не получилъ. Если утрачена, то прошу меня увѣдомить. За тѣмъ пребываю».

22-го марта 1750 года: «ваше пріятное письмо отъ 10 числа съ приложеніемъ получилъ; въ отвѣтъ же на оное сообщаю: 1) о коммерціи древней въ чемъ ваше сочиненіе недостаточно, то я вамъ прежде внятно показалъ, развѣ то письмо до васъ не дошло. Я для лучшаго вамъ усмотрѣнія нѣкоихъ обстоятельствъ

¹⁾ Неплюевъ, опредѣленный «главнымъ командиромъ оренбургской комиссіи» въ началѣ 1742 года. «Сочиненія и переводы» июнь, 1759 года, стр. 501, 502.

²⁾ Сочиненіе Абуль-гази Мухамедъ Багадуръ хана, хивинскаго историка (род. 1605 † 1664 г.), было тогда извѣстно по французскому изданію, сдѣланному съ перевода нѣмецкой рукописи шведа Шёнстрема, въ Брюсселѣ 1726 г., подъ заглавіемъ: «Histoire généalogique des Tatars.

³⁾ Первая часть труда Лызлова издана въ 1776 году, а во второй разъ 1787 г., въ трехъ частяхъ.

одну главу при семъ посылаю токмо прошу, оную не утратя, возвратить.

2) О исторіи русской ваше намѣреніе есть презрядное, токмо весьма трудное и такое, что или басни принужденъ за истину принять, или начавъ, оставить, для того-что вамъ многихъ потребныхъ тому извѣстій не достанетъ, не токмо необходимо нужныхъ иностранныхъ, яко польской, венгерской, шведской и прусской, съ которыми наша древняя исторія много связана, но паче русскихъ разныхъ временъ и по разнымъ мѣстамъ писанныхъ собрать не можете. Вы мнѣ упомянули о манускриптѣ древнемъ, писаннымъ бѣлорусскимъ письмомъ, изъ коего выписку прислали. Я прошу меня обстоятельно увѣдомить, въ которое время онъ конченъ, а по нач(ал)у видно, что сочиненъ въ царство Іоанна Вас. II или послѣ. Въ немъ показуется басня первая о родѣ Августовѣ, другая о Рюрикѣ изъ Прусь, что вымыслилъ князь Михаилъ Глинскій, дѣдъ царя Іоанна II-го, а Макарій митрополитъ, повѣря сему польскому вралю, за истину принялъ, что уже давно людьми мудрыми за басню принято. Другихъ вракъ въ оной не поминаю, напр. Ольга шуриня Рюрикова, князя урманскаго, именуетъ племянникомъ. Въ порядкѣ великихъ князей болѣе всѣхъ погрѣшность, ибо по Владимірѣ I-мъ Святополкъ, по немъ Ярославъ, по Ярославѣ Изяславъ, Святославъ II, Всеволодъ I, Святополкъ II, Владиміръ II, Ярополкъ II, Мстиславъ Великій, Всеволодъ II, Изяславъ II, Георгій II, изъ чего вы уразумѣете, какая въ той лѣтописи проронка: Я мню, что она по Степенной сочинена, гдѣ только родословіе наблюдалось, а исторіи всѣ смѣшаны»....

28-го марта 1750 года: «ваше письмо отъ 20 февраля сейчасъ получилъ, и за увѣдомленіе благодарствую, и въ отвѣтъ сообщая :

1. О Россѣ въ сынѣхъ Виніаминихъ я имѣю библию острожскую, а московской, не чая такой несогласности, не посмотрѣлъ, да хотя и есть оное, въ доводъ о Россіи не касается.

2. О коммерціи я послалъ князю Борису Юсупову, который великую къ тому охоту имѣетъ... Стрыковскаго Исторію на польскомъ я имѣю, и можно сказать, что она болѣе о Руси и Литвѣ сочинена, но какъ онъ былъ поета, такъ часто далеко отъ

порядка и правости отдалялся. Онъ сказываетъ, что имѣлъ 15 разныхъ русскихъ исторей, однакожъ у него многое весьма нужное пропущено, а невѣроятное внесено, хотя онъ русскихъ исторій лучше польскихъ и старѣе почитаетъ.

Геродотъ о пенькѣ сказуетъ, что много родится и лучшая, а чтобъ тѣмъ въ Греки торговали, не нахожу, хотя то быть могло. Тѣ, которые особливо торгъ въ Грецію сихъ странъ описывали, товары знаемы кладутъ: кожи звѣрей и скотовъ, медь, бобровая струя, воскъ, а болѣе не нахожу; но они подъ именемъ Индіи и Серики иногда разумѣли болгаръ и хвалисовъ, отъ которыхъ получали парчи и шолкъ, какъ вы въ посланной главѣ 16 и 17 усмотрите. Геродотъ о множествѣ орѣховъ и масла у болгаръ сказуетъ, именуя дерево понтикумъ, какъ я въ гл. 12 изъяснилъ, но оное они для себя употребляли, какъ и нынѣ въ казанской губерніи орѣхами изобильно.

О исторіи, которую вы отъ пріятеля получили мною сочиненія князя Глинскаго, который басню о Августовѣ отродіи изъ Литвы принеши Рюрика изъ Прусь произвелъ, что въ главѣ 32, посланной къ вамъ, усмотрите, и сія басня у насъ давно опровергнута, какъ я вамъ и прежде писалъ»....

P. S. «Я удивился, что пасторъ о кораблѣ соломоновѣ мнитъ; оному строену быть на Черномъ мори 3 цар. гл. 10, чему Иосифъ Флавій согласуетъ; но Калметъ ¹⁾ или паче Байль доводно отвергаетъ, что оное бы было египетской власти, гдѣ Соломонъ никакого участія не имѣлъ и, какъ малой владѣтель, сильному египетскому противно учинить не могъ. А жида, прославляя себя, писали, что въ голову пришло, какъ у насъ враль слагатель Синописиса многія безпутства внесъ, на примѣръ: въ Мамаевѣ битвѣ не было русскихъ войскъ въ собраніи съ Литвою болѣе 42.000, а татаръ 30.000, побитыхъ татаръ мильонъ 200.000, русскихъ 253.000, чего никогда въ Руси не бывало и собрать не можно. Явная ложь, что въ Новѣградѣ посадникъ былъ одинъ, развѣ по нуждѣ въ войскѣ другой, а побито ихъ 30. Умѣли бо есмы выдучать грамоту Александрову и проч.!»

¹⁾ Augustin Calmet авторъ Commentaire sur tous les livres de l'Ancien et du Nouveau Testament, 1707 — 1716; Dictionnaire historique et critique de la Bible, 1722—1728 etc.

На это письмо Рычковъ отвѣчалъ изъ Оренбурга 5-го мая 1750 года слѣдующимъ длиннымъ посланіемъ:

«Милостивый государь мой и отецъ Василій Никитичъ.

«Вашего превосходительства милостивое писаніе отъ 22 числа марта я, со вседолжнымъ почтеніемъ, получилъ. За которое, купно же и за премносія милости, которыя продолжать и умножать ко мнѣ изволите, низжайшее благодареніе приношу и при томъ довошу:

«Разсмотрѣніе на сочиненіе мое о коммерціи я уже получилъ, по которому, ежели время допустить, намѣренъ еще письмо написать и въ томъ несправности онаго, по наставленію вашего превосходительства, поправить и недостатки пополнить. Я же, по написаніи онаго (2-го №), еще касающагося до сей матеріи нѣсколько собралъ. Къ тому жъ конректоръ Апицъ (который находится въ Москвѣ при школѣ новой лютерской кирки) прислалъ ко мнѣ на то свои ремарки, въ которыхъ достойное ко внесенію есть, то я не премину изъ онаго надлежащее внести и, прежде приступа къ настоящему о коммерціи разсмотрѣнію, елико мнѣ можно, потщуся сію матерію повывести. Мнѣ разсудилось сіе дѣло труда достойнымъ наипаче по тому, что объ ономъ у насъ едва кто писывалъ ли, толь наипаче, что любопытныя вашего превосходительства собранія, которыми меня награждать изволяли и еще жалуєте, наипаче всѣхъ у меня имѣющихся книгъ способствуютъ. Какъ скоро оное письмо (№ 3) сочиню, то я къ вашему превосходительству въ милостивое разсмотрѣніе немедленно сообшчу. Прямнутыхъ же присланныхъ ко мнѣ ремарковъ, тако жъ и съ письма онаго конкретора и какую я къ нему при письмѣ послалъ нынѣ записку, съ того прилагаю копіи.

2. Оный же конректоръ прислалъ ко мнѣ атласъ, въ нѣсколькихъ картахъ состоящій, тому какъ о свѣтѣ издревле разумѣли, Онъ кажется весьма не худъ и достойнъ смотрѣнія. При которомъ на всякую карту довольно пространное описаніе на латинскомъ языкѣ (туть же приложилъ). Отъ него жъ при томъ же получилъ я еще карту, г. профессоромъ Бееромъ изъ исторіи Геродотовой учиненную; но сія, надѣюсь, у вашего превосходительства есть. Я стараюсь изъ того атласа о скиѣахъ и прочее, къ нашей исторіи надлежащее, на нѣмецкій, а потомъ въ русскій языкъ пере-

вести. О чемъ, ежели достойное явится, впредь вашему превосходительству донесу.

3. Что я въ письмахъ и сочиненіяхъ моихъ иностранныя иногда слова включаю, сіе не отъ чего иного происходитъ, какъ отъ недовольнаго знанія нашихъ, свойственно къ тѣмъ дѣламъ надлежащихъ терминовъ, въ чемъ низжайше прошу милостиваго оставленія. Я никогда безъ крайней нужды такихъ иноязычныхъ словъ не употреблялъ, а впредь буду стараться, чтобъ въ лучшее свѣдѣніе нашихъ придти и оныхъ, ежели можно, никогда уже не употреблять.

4. Милостивѣйшій государь! я охотно бѣ принялся за сочиненіе русской исторіи тѣмъ методомъ, о коемъ напредь сего вашему превосходительству доносилъ, и хотя авторами, требующимися къ тому, подлинно недостаточенъ, но въ тѣхъ манускриптахъ, которыми ваше превосходительство, по отеческой своей милости, снабдить меня изволили, уповаю бѣольшая часть нужнѣйшихъ обстоятельствъ есть. Ежели похочетъ кто разсматривать Пуфендорфову шведскую гисторію, или Любнегновы вопросы о политической гисторіи, то и въ нихъ, елико до древности надлежитъ, также многія неясности и несовершенства, что въ нашей тѣмъ паче незазорно есть. Довольно, когда токмо методъ вообще апробуется, ибо уже къ начатому и не перемѣняя формы, дополнки чинить не трудно. У меня нынѣ три лѣтописца: 1) тотъ, о которомъ я прежде вашему превосходительству доносилъ, содержащій въ себѣ сперва греческую исторію, въ кою отъ времени царя Константина Брадатаго нѣкоторыя славенскія, а паче болгарскія дѣянія вношены, и продолженъ до 1531 году. О древности онаго болѣе не могу донести какъ сіе, что на послѣднемъ листу есть тутъ украинскаго письма разныя записки, въ которыхъ упоминаются годы 1629, 1634 и 1657. 2) Такого жъ письма получилъ я недавно чрезъ великую просьбу отъ одного, здѣсь находящагося офицера. Онъ тотъ же, что и вышеписанной, токмо въ первомъ находится сокращеніе къ русской исторіи, кое я прежде къ вашему превосходительству послалъ, а въ семь нѣтъ, и сербская исторія въ немъ нѣсколько сокращена; токмо сей предпочитаютъ первому для того, яко онъ подписанъ на первомъ листу хорошимъ письмомъ тако: «Петръ Могила, архіепископъ».

скопъ метрополи кievской, рукою власною», и кажется нѣтъ сумнѣнія, что та рука сего въ literalной нашей гисторiи толь знатнаго прелата. 3) Получилъ я отъ заводчика Осокина съ великимъ трудомъ, а онъ досталъ его изъ раскольниковскихъ рукъ: писанъ уставомъ на лощеной бумагѣ съ юсами. По штилю и по письму можно мнить, что онъ въ древности первымъ двумъ не уступаетъ, а кажется и старѣе. На первыхъ листахъ есть на немъ подпись русскимъ полууставнымъ, но плоховатымъ письмомъ тако: «архіепископъ Θεодосій великаго Новгорода и Пскова». Онъ сначала сходенъ со обоими вышенисанными, но въ послѣднихъ вѣкахъ россійская гисторiя въ немъ гораздо обстоятельнѣе¹⁾. Я какъ на второй и на сей, а къ тому и на синопсисъ кievской печати (только изъ онаго послѣдніе листы у меня утрачены), на страстной недѣлѣ упразднившись отъ канцелярскихъ дѣлъ, сочинилъ реестры по наставленію вашего превосходительства, за которое нижайше благодарствую. Со оныхъ реестровъ, такожь и со оглавленія, при третьемъ имѣющагося, для познанія вашему превосходительству тѣхъ книгъ, а притомъ уже и на синопсисъ съ сдѣланнаго, осмѣлимся при семъ приложить копiя, но въ томъ милостиваго оставленія прошу, что оныя реестры не чисто переписаны, ибо на бѣло написанные вклеилъ я въ тѣ книги. Ваше превосходительство изъ оныхъ реестровъ изволите усмотрѣть достоинство тѣхъ книгъ, о чемъ увѣдомленія буду ожидать. Я еще обнадеженъ получить лѣтописецъ Нестеровъ, ежели не солгутъ мнѣ тѣ люди, которые меня присылкою онаго увѣрили. Къ тому жъ въ исецкую провинцію къ прiятелямъ писалъ, чтобъ ихъ, у тамошнихъ раскольниковъ развѣдывая, даставить постарались, и когда получу, то на каждой учиня реестры по предназначенному, вашему превосходительству увѣдомить не премину.

5. Сколько главъ имѣю я изъ гисторiи вашего превосходительства и чего не достаетъ, тому при семъ прилагаю роспись. Полученныя переписавъ и, когда они вашему превосходительству потребны, долженствую возвратить. Я не только всякой вашего превосходительства манускриптъ, какъ бы черно онъ ни написанъ,

¹⁾ Объ этихъ двухъ спискахъ лѣтописей Рычковъ упоминаетъ и дѣлаетъ изъ нихъ выписки въ своемъ «Введеніи къ Астраханской топографіи», М. 1774 г., стр. 6, 7.

но и тѣ письма, гдѣ токмо поправленія рукою вашего превосходительства приписанныя есть, между моими книгами за сокровище имѣю; но когда оныя главы вашему превосходительству надобны, то я ихъ всѣ, переписавъ, съ вѣрною оказіею къ вашему превосходительству отошлю. Между тѣмъ же рабски прошу остальными главами, въ знакъ вашей отеческой ко мнѣ милости, меня наградить. Какъ оныя, такъ и всѣ тѣ, кои ваше превосходительство мнѣ уже пожаловали и еще отчески жаловать обѣщать изволите, въ рукахъ моихъ тунѣ и безплодно не останутся, токмо дай Боже, дабы я чрезъ отеческія ваши милости въ такое состояніе былъ приведенъ, чтобъ въ сихъ дѣлахъ съ лучшимъ способомъ и беззазорно простираться могъ не для меня, но для пользы любезнаго отечества. А 18 главу я уже давно къ вашему превосходительству послалъ, но нынѣ въ запасъ вторично посылаю.»

6. «Впрочемъ, что до исполненія надлежитъ сего вашего превосходительства приказу, дабы мнѣ, разсмотрѣя вашего превосходительства сочиненія, донести, какія гдѣ дополненіе или изъясненіе надлежитъ, сіе дѣло выше моей мѣры и свѣдѣнія, да и не чаю, чтобъ кто съ резонномъ могъ какую либо критику на оную учинить, развѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя въ настоящія политическія дѣла имѣютъ свое втеченіе, на примѣръ, проповѣдь св. апостола Андрея и другія тому подобныя окрестности, а паче въ томъ, что отчасти къ церковной исторіи касается, купно же и въ штатскихъ дѣлахъ имѣя полное свѣдѣніе, сами все то совершенно предусмотрѣть изволите, чего я выяснить не въ состояніи. Да и сіе дерзнулъ означить не иначе, какъ въ надеждѣ вашего превосходительства отеческой ко мнѣ милости, которой я подвергаюсь.»

7. Бухарскихъ семянъ, въ томъ числѣ хлопчатой бумаги и дынные, досталъ я отъ Абдула Сейтова, которые при семъ до васъ, милостивѣйшаго государя, посылаю. А книгу персидскую перевести здѣшній ахунъ хотя и можетъ, токмо на татарскій языкъ, а со онаго уже толмачи и подьячіе могутъ перевести на русской, и штиль развѣ мнѣ поправлять, ибо здѣсь чистоту онаго знающихъ нѣтъ. Къ томужъ потребно вѣдать, какой матеріи та книга и коль великая. По причинѣ сего разсудилъ я писать и себя рекомендовать къ господину Шумахеру, къ которому при семъ

два письма включаю: одно русское, а другое нѣмецкое. Ежели изволите признать сіе за непротивно, то низжайше прошу при милостивой вашей рекомендаціи оба оныя къ нему отправить. А буде негодятся или ненадобны, то ихъ уничтожить. На конецъ сего, все должное мое благодареніе приношу за гисторической лексиконъ, который я при письмѣ служителя вашего Ташлыкова въ апрѣлѣ исправно получилъ. За всѣмъ же тѣмъ рабски прошу содержать меня въ отеческихъ вашихъ милостяхъ неотмѣнно, которыми подвергаюсь и желая вашему превосходительству всецѣлаго здравія съ самопожелаемыми благополучіями есмь и до конца жизни моей пребуду

вашего превосходительства

милостивѣйшаго государя моего и отца

всепокорнѣйшій слуга

Петръ Рычковъ.

P. S. «Низжайше прошу не прогнѣваться на меня, что сіе моею рукою не писалъ за многими суетами при отправленіи почты. Его превосходительство Иванъ Ивановичъ ¹⁾ самъ къ вамъ, милостивѣйшему государю, писать обѣщалъ какъ на писаніе ваше, такъ и за поклонъ, которой отъ меня его превосходительству, по приказанію вашему, объявленъ» ²⁾.

Татищевъ еще въ 1741 году старался расположить въ пользу Рычкова совѣтника Академіи наукъ Шумахера и для того посылалъ къ нему списки съ писемъ и статей бывшаго своего подчиненнаго. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы Академія наградила усердіе Рычкова серебряною медалью: «онъ самъ будетъ прилежать чимъ долѣе служить, и другіе тому поревнуютъ».... И другой разъ: «еще къ вамъ, моему государю, на поминаню, не возможно ли ему отъ Академіи хотя небогатой, но видной подарокъ послать»....³⁾.

Въ 1744 г., Рычковъ составилъ для правительственныхъ

¹⁾ Нейлюевъ, о котомъ упоминалось уже въ письмахъ Татищева.

²⁾ Входящія письма 1750—1751 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

³⁾ Письма Татищева къ Шумахеру 11 марта и 27 августа 1741 года, во входящихъ письмахъ 1740—1743 гг., въ архивѣ академической конференціи.

цѣлей подробное описаніе г. Оренбурга, которое впоследствии послужило основаніемъ послѣдующихъ его трудовъ объ оренбургскомъ краѣ¹⁾. Татищевъ спрашивалъ въ 1747 г. Шумахера, есть ли въ Академіи этотъ трудъ и обѣщалъ доставить съ своими «дополнками и изясненіями»²⁾. Когда же Татищевъ получалъ отъ Рычкова его извѣстіе о татарахъ, то сталъ просить Шумахера, чтобы онъ похлопоталъ для автора званіе совѣтника или почетнаго члена Академіи наукъ. Извѣстіе о татарахъ (оно, какъ будетъ сказано ниже, уцѣлѣло въ рукописи до нынѣ) было далеко не такое произведеніе, за которое можно бы было избрать Рычкова въ члены ученаго общества, а потому Шумахеръ, по своей обычной увертливости, не высказывая этого прямо, совѣтовалъ только Рычкову самому обратиться къ президенту Академіи наукъ, графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому, или же къ Теплову, бывшему въ большой довѣренности у него: «послѣдній, писалъ онъ 9 апрѣля 1750 г., всегда около г. президента и имѣетъ наилучшій способъ представлять о подобныхъ вещахъ его сіятельству»...³⁾. Между тѣмъ Шумахеръ спрашивалъ Татищева, не знаетъ ли онъ когонибудь, кто бы взялся перевести на русскій языкъ какую-то персидскую исторію? Когда о томъ узналъ Рычковъ, то писалъ уже прямо къ Шумахеру, что переводчика можно найти и что онъ къ тому предлагаетъ свои услуги⁴⁾.

Письмо Рычкова Татищевъ послалъ 30 мая 1750 года къ Шумахеру и въ тоже время писалъ къ нему:

«Хотя я прежде вамъ неоднократно писалъ о г. Рычковѣ, чтобъ учинить его почтеннымъ (sic) членомъ, но вашъ отвѣтъ я тогда не могъ ему сообщить.... Я хотя разумѣю что г. профессоръ Миллеръ, какъ человѣкъ преученный, и многимъ чтаніемъ

¹⁾ Оно хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ киргизъ-кайсацкихъ дѣлахъ 1744 г. № 5. См. «В. Н. Татищевъ и его время» г. Н. Попова (М. 1861 г.), стр. 553.

²⁾ Письмо Татищева 23 декабря 1747 г. во Входящихъ письмахъ 1744—1747 годовъ архива академической конференціи.

³⁾ Исходяція письма 1749 — 1751 годовъ въ архивѣ академической конференціи.

⁴⁾ Письма Рычкова одно на русскомъ, другое на нѣмецкомъ языкахъ, оба отъ 5 мая 1750 г., въ архивѣ академической конференціи во Входящихъ письмахъ 1750—1751 годовъ.

преисполнился, памятью и разсужденіемъ преодаренъ, однакожь неудобно въ древней исторіи все одному изслѣдовать для того, если бы сей Рычковъ, яко великій къ тому охотникъ и способъ имѣеть, много бы могъ послужить, если бы членомъ былъ удостоенъ. Для котораго я въ запасъ письмо г. ассесору Теплому положилъ; если разсудите, что оное можетъ быть дѣйствительно, прошу ему съ вашею рекомендаціею вручить»....¹⁾ Шумахеръ снова отвѣчалъ, 30 іюля 1750 г., что онъ не добился отъ Теплова никакого рѣшенія о Рычковѣ, а потому и остается въ невѣдѣніи по этому предмету²⁾. Письмо Шумахера не застало въ живыхъ Татищева: онъ умеръ 15 іюля 1750 года.

Что касается до сочиненія Рыčkова о татарахъ, то оно дошло до Академіи только 3 сентября 1750 года и доннынѣ хранится въ русскомъ отдѣленіи ея библіотеки³⁾, съ такимъ заглавіемъ: «Краткое извѣстіе о татарахъ и о ныншнемъ состояніи тѣхъ народовъ, которые въ Европѣ подъ именемъ татаръ разумѣются. Собрано въ Оренбургѣ изъ книгъ турецкихъ и персидскихъ и по сказкамъ бывалыхъ въ тѣхъ мѣстахъ людей къ разсмотрѣнію при сочиненіи обстоятельнаго о сихъ народахъ описанія»⁴⁾.

«Сіе, говоритъ Рычковъ въ предисловіи, хотя и довольно вѣдомая изъ гисторіи древностей, отъ многихъ искусныхъ людей уже изслѣдованная правда, что называемые татарскіе народы суть сущее отродіе древнихъ скиѳовъ; но что собственно къ имени ихъ принадлежитъ, то есть: когда, отъ кого или отчего началось, какое имѣеть знаменованіе, и нынѣ оное имя коимъ народамъ свойственно есть, сіе (какъ мнѣ мнится) по европскимъ гисторіямъ, видя въ нихъ толь много различныхъ сказаній, изъяснить не только трудно, но кажется и едва возможно ль, ибо изъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Исходяція письма 1749 — 1751 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

³⁾ Рычковъ полагалъ, что это сочиненіе его потерялось, потому что 18 января 1762 года писалъ къ Миллеру: «Описаніе о татарахъ, кое я сочинилъ изъ словъ и переводовъ бывшаго въ Оренбургѣ ахуна Ибраима, въ прошломъ годѣ умершаго, въ пожарной мой случай знатно утратилось, ибо я между собраніемъ тетрадокъ не нашель»...

⁴⁾ Рукопись въ листъ, на 41 стр.; на концѣ значится, что сочинена Рычковымъ въ Оренбургѣ 10 апрѣля 1750 года.

всѣхъ вѣдомыхъ мнѣ вояжей, по нынѣшнему состоянію тѣхъ азіатскихъ народовъ, которыхъ мы татарами именуемъ, кажется, что бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ европейцы (ежели позволительно сказать) подъ симъ именемъ болѣею частію такіе народы описывали, которые сами сего имени никогда не употребляли, увѣряясь токмо сказаніямъ, а иногда и по своимъ разнымъ мнѣніямъ, не бывъ въ тѣхъ сторонахъ и не зная орижена, гдѣ подлинно татарской народъ начался, какъ и куда распространялся. Сіе сомнительство, по моему послѣднему мнѣнію, ничимъ столько изъяснено и истолковано не можетъ быть, какъ прилежнымъ снисканіемъ и исправными переводами древнихъ азіатскихъ гисторій, а паче такими, какія у самихъ тѣхъ народовъ находятся, которыхъ ежели у живущихъ въ Россіи нѣтъ, то изъ Бухарь и изъ другихъ тамошнихъ землицъ достать не невозможно, что особъ зависитъ отъ мудраго предусмотрѣнія всероссійской императорской Академіи Наукъ, а паче когда по благоизобрѣтенію и соизволенію ея въ здѣшней сторонѣ такіе люди будутъ къ тому употреблены, которые къ гисторіи натуральную склонность и охоту имѣютъ съ свѣдѣніемъ европейскихъ языковъ, безъ чего въ сочиненіяхъ оной прямой методъ познать не безъ труда, ибо одинъ переведенной изъ сего роду на европскіе языки Абулгази Багадуръ ханъ, по многимъ окрестностямъ, едва доволенъ-ли всѣ тѣ трудности и потребности изъяснить, которыя у любопытныхъ въ разсужденіи сихъ народовъ происходятъ. Нужность сего изъясненія тѣмъ паче уважается, что не только скиское, но и татарское имя въ россійскую нашу гисторію имѣетъ нѣкакую инфлюенцію. И хотя я, по волѣ одного моего милостиваго благодѣтеля¹⁾ и по моей особой склонности къ гисторіи, съ недавно отправленными изъ Оренбурга до Бухары и далѣе купцами заказалъ, чтобъ, не жалѣя денегъ, о тамошнихъ народахъ гисторическія книги, хотя бъ онѣ и на арабскомъ языкѣ были, даставить; кои въ заведенной при Оренбургѣ школѣ съ арабскаго на татарской, а съ татарскаго на русской перевести не невозможно; но получу-ль и какъ скоро, того не знаю. Между тѣмъ же имѣя отъ него повелѣніе, чтобъ о сихъ народахъ вѣдомое мнѣ объявить къ тому, еже онъ прежде изо-

¹⁾ Конечно Татищева.

бразиль, не могъ преминуть, дабы въ разсмотрѣніе не донестъ того, что я чрезъ мою не маловременную здѣсь бытность отъ ученыхъ махOMETанъ слыхалъ и изъ ихъ книгъ чрезъ переводы, таже и по званію моему изъ дѣлъ извѣстился»...

О различныхъ названіяхъ татарскихъ народовъ, происхожденіи и первоначальныхъ мѣстахъ ихъ жительства Рычковъ почерпалъ изъ источниковъ, которые описываетъ такъ: «все вышесказанное не съ словъ, но изъ книгъ собрано, а по большей части изъ печатнаго турецкаго атласа, который по турецки именуется *Джиганнаме* и учиненъ изъ гисторическихъ и географическихъ арабскихъ и латинскихъ книгъ географами турецкими *Ибрагимомъ* и *Абубекиромъ*, по повелѣнію султана *Магомета*, употребля притомъ разныя на персидскомъ языкѣ гисторическія книги и описанія авторовъ *Ларунса Батламяюса* и *Фялгуса*, которыя здѣсь въ Оренбургѣ у вышешомянутаго ахуна и у переводчика *Уразлина* находятся».

III.

1751 — 1758 годы.

Пѣздка Рычкова въ Петербургъ съ представленіями о торговлѣ съ Индіею. Значеніе чиновъ въ прошедшемъ столѣтіи. Переводы Рычкова съ нѣмецкаго. Посылка къ Ломоносову, въ рукописи «Оренбургской Топографіи». Недоразумѣніе по поводу періодическаго изданія «Ежемесячныя сочиненія». Начало переписки съ академикомъ *Миллеромъ*.

Сотрудничество Рычкова въ «Ежемесячныхъ сочиненіяхъ».

Послѣ князя *Урусова* и генераль-лейтенанта *Соймонова*, въ 1742 году, начальникомъ Рычкова сдѣлался *Иванъ Ивановичъ Неплюевъ*, извѣстный въ исторіи русской литературы какъ авторъ *Записокъ*, которыя впоследствии напечатаны въ журналѣ *Свиньина «Отечественныя Записки»*. Рычковъ, находясь при *Неплюевѣ* «безотлучно», не распространяется однако въ автобіографіи своей о служебной дѣятельности: «сколько, гдѣ и при какихъ дѣлахъ былъ я, говоритъ онъ, употребляемъ — сіе описывать оставляю, избѣгая тщеславія. Все сіе по дѣламъ оренбургской комиссіи, а потомъ губернской канцеляріи останется вѣдо-

мо»... Изъ «Исторіи оренбургской» видно, что въ 1744 году Неплюевъ брать Рычкова съ собою въ Москву, и въ эту поѣздку ихъ въ сенатѣ были утверждены разныя предположенія по будущему управленію Оренбургскимъ краемъ. Между прочимъ 15 марта 1744 года учреждена Оренбургская губернія, въ которую первымъ губернаторомъ назначенъ тотъ же Неплюевъ.

Въ 1751 г. Рычковъ былъ отправленъ своимъ начальникомъ въ Петербургъ «съ представленіями объ оренбургской коммерціи и о распространеніи оной въ полуденную Азію даже до Индіи. При сихъ представленіяхъ я жь, замѣчаетъ Рычковъ въ Запискахъ, былъ употребленъ»....¹⁾ Въ Петербургѣ, 11 іюля 1751 г., Рычковъ былъ награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника, о чемъ и упомянуто имъ въ автобіографіи, какъ о событіи чрезвычайной для него важности. Еще въ 1743 году, Неплюевъ ему выхлопоталъ за усердную службу земли въ Оренбургскомъ краѣ, на которыхъ, между прочимъ, онъ и поселилъ

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ спустя, Рычковъ рассказывалъ объ этомъ: «Учрежденная въ Оренбургѣ съ хивинцами и бухарцами и съ другими азіатскими народами коммерція толико приумножилась, что не упоминая о вывозѣ многога числа золота и серебра, и самыя дорогія каменья и другіе, изъ Индіи выходящіе товары въ привозѣ быть стали, чимъ твердость и важность полезныхъ намѣреній премудраго и самимъ Богомъ просвѣщеннаго ея (императрицы Елизаветы) родителя самимъ уже дѣломъ объявились. Приращеніе годъ отъ году толь сильной и для россійскихъ подданныхъ весьма полезной коммерціи оренбургскимъ главнымъ командирамъ, по даннымъ инструкціямъ и указамъ, всегда было предметомъ и побужденіемъ умножать ее посылкою россійскихъ каравановъ въ Хиву и Бухарію и приласканіемъ азіатскихъ купцевъ, дабы чрезъ то отъ времени до времени отворять путь въ Восточную Индію, отводя между тѣмъ киргизъ-кайсацкой народъ отъ обыкновеннаго имъ купеческихъ каравановъ грабительства и склоня оный разными средствами къ спокойному житію и къ безопасному тѣхъ каравановъ препровожденію... Съ представленіями по этому предмету Неплюевъ и генералъ-маіоръ Тевкелевъ послали Рычкова. «И хотя на все то (въ сенатѣ и иностранной коллегіи)... благосклонныя опредѣленія учинены; по особливому же той коллегіи разсмотрѣнію его, Рычкова, ... для произведенія того въ дѣйство, какъ знающаго всѣ тѣ дѣла и порядки употребить разсуждено; но, по опредѣленію правительствующаго сената, для другихъ резоновъ и нужднѣйшихъ надобностей, онъ, Рычковъ, удержанъ при тайномъ совѣтникѣ Неплюевѣ товарищемъ, а вмѣсто его велѣно было опредѣлить къ тому другаго на томъ же основаніи, какъ объ немъ, Рычковѣ, вышерѣченная коллегія представляла. Однакожъ все то, за разными обстоятельствомъ, продолжалось и понынѣ (1763 г.) осталось безъ исполненія»... См. статью Рычкова: «Мнѣніе о распространеніи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіатскія стороны и о средствахъ, къ тому надлежащихъ» при письмѣ къ Миллеру отъ 13 декабря 1763 года, въ Письмахъ къ послѣднему, портфель XXIV въ архивѣ академической конференціи.

деревню, впоследствии село Спасское; но эту награду, какъ легко замѣтить изъ Записокъ Рычкова, онъ считалъ далеко не такъ важною, какъ полученіе на сороковомъ году жизни чина коллежскаго совѣтника. Оставивъ на память своимъ дѣтямъ и докладъ по этому случаю Неплюева и форменный указъ, онъ пишетъ притомъ: «И понеже сіе чрезвычайное, послѣдовавшее мнѣ пожалованіе почитаю я за особое божеское смотрѣніе и ея величества къ вѣрнымъ поданнымъ за щедрое милосердіе и за великое въ жизни моей благополучіе, то какъ съ онаго о мнѣ отъ его превосходительства представленія (въ коемъ всѣ мои службы сокращенно означены), такъ и съ воспослѣдовавшаго на то именнаго ея императорскаго величества высочайшаго и всемилостивѣйшаго указа вамъ (т. е. дѣтямъ) для знанія и памяти прилагаю при семъ копію. Я признаюся, что, по слабости человѣческой, не рѣдко случалось мнѣ въ грусть и въ сожалѣніе приходитъ, разсуждая о моей службѣ и часто видя, что мои сверстники, въ полковой службѣ находящіеся, по одной ихъ линіи и по старшинству чинами меня превосходили и въ благополучіяхъ своихъ предугадывали; но по той воспослѣдовавшей со мною божеской и монаршей милости остается вамъ собственной и домашней примѣръ, какъ Богъ трудящихся призываетъ и склоняетъ монаршескія сердца къ милосердію и награжденію оныхъ. Совѣтую и подтверждаю вамъ: вѣренныя вамъ дѣла (не смотря на то, что другіе съ меньшимъ трудомъ и достоинствомъ васъ чинами превосходятъ), по присяжной вашей должности, не ослабѣвая, но тщательно и трудолюбиво во всѣхъ случаяхъ съ неизмѣнною надеждою божеской и монаршеской милости наблюдать и исполнять и простую нашу пословицу: за Богомъ молитва, а за государемъ служба никогда не пропадаетъ, — за достовѣрную въ памяти имѣть и вѣрить словамъ премудраго Сираха: царево сердце въ руцѣ божіи. Я вамъ сіе за правило и наставленіе предаю и еще подтверждаю: несмотря ни на какія затрудненія и помѣшательства, въ должностяхъ вашихъ прилежность умножать и трудъ къ трудамъ прилагать, крѣпко надѣясь о событіи оной пословицы, которая на мнѣ, отцѣ вашемъ, самымъ дѣломъ исполнилась!»....

Рычковъ отмѣтилъ также въ автобіографіи, что въ тогдашнее пребываніе его въ Петербургѣ графъ Алексѣй Петровичъ

Бестужевъ-Рюминъ, всѣ сенаторы и въ особенности упомянутый въ предыдущей главѣ (стр. 11) князь Михаилъ Бѣлосельскій принимали его очень милостиво. Впрочемъ, служебные хлопоты и чиновничество не помѣшали Рычкову удѣлять досуги и на дѣла, не похожія на канцелярскія. Въ ожиданіи отъѣзда въ Оренбургъ, онъ, по его словамъ въ Запискахъ, «увидѣлъ въ академической книжной палатѣ одно нравоучительное письмо, съ греческаго на германскій языкъ переведенное. Оно хотя отъ язычника и прежде Рождества Христова лѣтъ за 300 отъ оратора Сократа къ Денонику (сыну его друга Гиппоника) писано, но, просмотрѣвши, нашелъ въ немъ много общихъ и такихъ правилъ, которыя я, ... не читавши еще письма того, въ мысляхъ воображалъ»... Поэтому Рычковъ купилъ письмо и въ Петербургѣ же перевелъ его, исключивъ послѣ изъ него все то, что по его мнѣнію казалось излишнимъ для русскаго читателя.

Нѣтъ сомнѣній, что тогда же Рычковъ познакомился и съ Ломоносовымъ, который въ то время уже пользовался, какъ писатель, огромною извѣстностью. Въ 1755 году Рычковымъ была окончена первая часть главнѣйшаго изъ его трудовъ «Оренбургская топографія», и онъ поспѣшилъ отправить ее въ рукописи къ Ломоносову (2 февраля, 1755 года). Напоминая въ письмѣ о благосклонности, которую Ломоносовъ выказывалъ ему во время пребыванія его въ Петербургѣ, Рычковъ просилъ рассмотреть его трудъ, исправить погрѣшности и, наконецъ, представить Академіи Наукъ¹⁾. 1-го іюня 1755 года, онъ препроводилъ «Оренбургскую Топографію» прямо отъ себя въ Академію, при чемъ писалъ, что въ предисловіи къ изданному ею 1745 года Атласѣ россійской имперіи приглашались любители географіи содѣйствовать ученому обществу къ усовершенствованію и исправленію картъ Россіи, и что именно по этому онъ приступилъ, по правиламъ, изложеннымъ въ томъ же предисловіи, къ составленію специальныхъ картъ оренбургскаго края, а для объясненія ихъ написалъ «Оренбургскую Топографію»²⁾.

Карты и сочиненіе Рычкова разсматривались въ академической конференціи 31 іюля и 2 августа 1755 года. Въ оба раза

¹⁾ Записки Академіи Наукъ 1865 г., т. VIII, прил. № 7, стр. 68, 69.

²⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга, іюль 1755 г. за № 201.

присутствовалъ Ломоносовъ, и собраніе одобрило къ изданію труды Рычкова¹⁾. Впослѣдствіи времени онъ рассказывалъ: «Михайло Васильевичъ Ломоносовъ персонально меня знаетъ. Онъ получа первую часть моей «Топографія», письмомъ своимъ весьма ее расхвалилъ; далъ мнѣ знать, что она отъ всего академическаго собранія апробована; писалъ, что пріятельи и непріятельи (употребляю точныя его слова) согласились, дабы ее напечатать, а карты вырѣзать на мѣди...²⁾».

Между тѣмъ, еще въ 1751 году при Академіи Наукъ списано было начало статьи Рычкова (но безъ указанія его имени): «Разговоры о коммерціи», той самой, о недостаточности которой писалъ Татищевъ автору въ февралѣ 1750 года (см. выше стр. 19). Рукопись до 1755 года лежала въ Академіи безъ употребленія, а въ этомъ году академикъ Миллеръ, начавъ издавать «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія», въ февральскомъ и апрѣльскомъ нумерахъ журнала помѣстилъ статью Рычкова, подъ заглавіемъ «Переписка между двумя пріятельями о коммерціи»³⁾ и подписалъ подъ нею, вмѣсто имени сочинителя, буквы N. N. Въ концѣ выражена была надежда издателя, что авторъ «не оставитъ продолжать свои разсужденія, которыя ожидать мы будемъ тѣмъ нетерпѣливѣе, чѣмъ больше надѣмся внесеніемъ оныхъ въ сіи наши сочиненія показать любопытствующимъ въ дѣлахъ, до коммерціи касающихся, пріятную услугу». Прочитавъ это, Рычковъ 3 мая 1755 года успѣшилъ довести до свѣдѣнія Академіи, что авторъ Письма о коммерціи — онъ: «и хотя я не свѣдомъ, какъ и чрезъ кого то мое письмо императорской Академіи Наукъ сообщено, но по благосклонному ея разсмотрѣнію, увидѣлъ его въ печать изданное, не мало тѣмъ обрадованъ»⁴⁾. Рычковъ прислалъ тогда и потомъ 28 іюня того же года продолженія статьи. При этомъ ему вообразилось, что издателемъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій и переводовъ» не можетъ быть кто нибудь другой кромѣ его петербургскаго знакома —

¹⁾ Протоколы академической канцеляріи 1754—1757 годовъ.

²⁾ Письмо къ Миллеру 17-го мая 1760 г., въ Запискахъ Академіи Наукъ 1865 года, т. VIII, прил. № 7, стр. 68, 69.

³⁾ Ежемѣсячныя сочиненія 1755 г. стр. 105—122, 307—338.

⁴⁾ Архивъ академической канцеляріи, книга іюль 1755 г., № 201.

Ломоносова, такъ благосклонно отозвавшася объ «Оренбургской топографіи». Вслѣдствіе того онъ послать прямо къ нему третье письмо о коммерціи, вмѣстѣ съ замѣчаніями касательно исправленія русскаго атласа. Это недоразумѣніе провинціала возбудило неудовольствіе Ломоносова. Извѣстно изъ обнародованныхъ въ послѣднее время матеріаловъ, что онъ, по непріязни къ Миллеру, съ самой первой книжки академическаго журнала, враждебно относился къ нему и старался затруднять изданіе его всѣми зависящими способами. Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру, рассказываетъ самъ, какъ принялъ Ломоносовъ его послѣднее письмо: «онъ отозвался ко мнѣ, оказывая свое неудовольствіе объ этихъ книжкахъ (т. е. Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ) и что оныя мои пьесы подлежатъ нѣкоторой критики (хотя я ихъ, да и всѣ мои сочиненія дѣлалъ не ради того, чтобъ имъ въ печати быть, но для разсмотрѣнія отъ искуснѣйшихъ); совѣтовалъ мнѣ трудиться и его увѣдомлять о принадлежащемъ къ исторіи натуральной. Съ того времени прекратилъ я мою съ нимъ переписку. Я примѣтилъ, что онъ мѣсячныя изданія порочилъ напрасно, а отъ меня требовалъ того, что мнѣ, по незнанію моему, исполнить было трудно. Не сіе-ль приводитъ его въ движеніе, когда мое имя упоминается, но можетъ быть я и ошибаюсь?»...¹⁾

Продолженіе «Писемъ о коммерціи» напечатано Миллеромъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», декабрьской книжкѣ 1755 года (стр. 493 — 515). Въ первомъ рассказывается о торговлѣ по свидѣтельствамъ въ книгахъ Св. Писанія и древнихъ писателей, а потомъ слѣдуетъ весьма поверхностный историческій очеркъ русской торговли. Въ четвертомъ, послѣднемъ письмѣ сообщены, по словамъ Рычкова «тѣ мои примѣчанія, которыя я, по моей въ купеческихъ дѣлахъ небольшой практикѣ, всегда признавалъ за важныя»... Здѣсь есть свѣдѣнія, полезныя и для нашего времени, такъ какъ они даютъ понятіе о потребностяхъ и нуждахъ въ дѣлѣ русской торговли болѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до насъ. Помѣщенное въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1757 года²⁾ «Про-

¹⁾ Записки Академіи Наукъ, 1865 г., т. VIII, прил. № 7, стр. 71. Отвѣтъ Рычкова Ломоносову (26 августа 1755 г.) напечатанъ въ «Матеріалахъ для біографіи Ломоносова» г. Биллярскаго, стр. 299.

²⁾ Январь, стр. 50—60.

долженіе переписки о коммерціи» написано уже самимъ Миллеромъ, чтобы подбить, какъ онъ говорилъ, Рычкова на дальнѣйшую присылку статей о торговлѣ. Въ томъ же журналѣ¹⁾ Миллеръ напечаталъ «Предложеніе, какъ исправить погрѣшности, находящіяся въ иностранныхъ писателяхъ, писавшихъ о российскомъ государствѣ», гдѣ говорится, что для русскихъ уже наступило время, когда имъ надобно своими сочиненіями опровергнуть всѣ ошибки и невѣрности иностранныхъ писателей о Россіи и что прежде всего необходимо составить покрайней мѣрѣ краткія русскія исторію и географію. «Но къ сему дѣлу требуется много времени и едва остается надежда, чтобы обстоятельная исторія и достаточное описаніе Россіи могли когда на свѣтъ быть изданы, развѣ во всякой губерніи будетъ человѣкъ искусствомъ и прилежаніемъ подобный г. совѣтнику Рычкову въ оренбургской губерніи, который въ прошедшемъ году прислалъ въ Академію Наукъ описаніе помянутой губерніи съ презирядными ландкартами»...

Для привлеченія Рычкова къ сотрудничеству въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», Миллеръ не ограничился однѣми печатными похвалами, но вступилъ съ нимъ въ переписку. Въ написанномъ по русски 28 іюля 1757 года письмѣ (послѣ Миллеръ писалъ къ Рычкову по нѣмецки), исторіографъ просилъ о доставленіи подробностей о торговлѣ въ Оренбургѣ, Астрахани и Темерниковѣ по образцу составленнаго имъ описанія о сибирскихъ торгахъ.

«Я бы желалъ, писалъ при томъ Миллеръ, чтобы ваше высокородіе описали особливо оренбургскую коммерцію по всѣмъ ея обстоятельствамъ, взявъ въ примѣръ мое описаніе²⁾ о сибирскихъ торгахъ, а буде во извѣстіяхъ не появится недостатокъ, то и астраханскую и темерниковскую. Нѣкоторый мой пріятель у города Архангельскаго обѣщаль описать архангелогородскую, а другимъ надобно описать украинскую, бѣлогородскую, и малоросійскую, смоленскую, рижскую, ревельскую, выборгскую и тѣмъ

¹⁾ 1757, мартъ, стр. 124.

²⁾ Бантышъ Каменскій, въ «Словарѣ достоп. людей», СПб. 1847 г., III, стр. 279, несправедливо приписалъ это сочиненіе Ф. И. Соймонову. Ошибка въ «Словарѣ» перешла потомъ въ «Пермскій сборникъ» (Москва, 1860 г.), въ приложеніи ко 2-й книжкѣ, стр. III, IV.

подобныя части коммерціи, не упоминая о санктпетербургской, понеже я оную, получивъ свободное время, самъ для себя оставляю. Такимъ образомъ можно будетъ со временемъ собрать полное описаніе коммерціи всея россійскія имперіи, яко дѣло не мало-важное, въ чемъ мы имѣли по сіе время недостатокъ. Я не могу также оставить, чтобъ васъ не просить о сообщеніи второй части Оренбургской вашей Топографіи. Первая часть давно всѣмъ академическимъ собраніемъ апробована, чтобъ напечатать, а карты — вырѣзать на мѣди; токмо за многими другими дѣлами оное еще не учинено. Вы изволите вѣдать по Росписи губерніямъ, что я употребилъ въ пользу нѣкоторыя, въ первой части находящіяся извѣстія¹⁾. Бжели вы найдете сверхъ того что къ прибавленію и поправленію, то прошу мнѣ оное сообщить, а я къ вамъ посылаю при семъ описаніе о торгахъ и роспись губерніямъ, въ особливыхъ книгахъ напечатанныя для лучшей способности при употребленіи оныхъ»...²⁾.

Рычковъ былъ чрезвычайно доволенъ и предложеніями и тѣмъ, что Миллеръ печатно отозвался съ похвалою о немъ. Послѣ благодареній за то, въ письмѣ 6 сентября 1757 г. онъ писалъ къ нему:

«О коммерціи оренбургской въ Топографіи моей кратко отъ меня уже упомянуто, но когда потребно обстоятельнѣйшее, то сіе сочиненіе большаго труда не сдѣлаетъ, потому что на тотъ торгъ, который въ Оренбургѣ съ азіатскими народами на подобіе ярмарки производится, въ оренбургской губернской канцеляріи установленныя отъ меня по алфавету подробныя вѣдомости есть. А и провинціальныя торги описать не трудно, что я намѣрялся внести во вторую часть моей Топографіи. Можетъ быть, что въ состояніи буду я астраханскую коммерцію такъ, какъ вы желаете, описать; но ко описанію темерниковской, по ея новости и отдале-

¹⁾ «Роспись губерніямъ, провинціямъ, городамъ, крѣпостямъ и другимъ достопамятнымъ мѣстамъ, въ россійской имперіи находящимся» помѣщалась въ академическихъ календаряхъ, а потомъ съ поправками непечатана въ первыхъ книжкахъ «Ежемѣсячныхъ сочиненій» 1757 года.

²⁾ П портфель Писемъ Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 годовъ въ архивѣ академической конференціи.

нію, никакого способу у насъ не находится....¹⁾). Въ надеждѣ оказанной ко мнѣ вашей благосклонности, осмѣлился я нынѣ на ваше разсмотрѣніе послать одну пьесу о деревенскомъ житіи. Не годится-ль она съ дополненіемъ и поправленіемъ вашимъ въ мѣсячныя сочиненія, безъ употребленія моего имени? Я ее, какъ вы сами изволите усмотрѣть, по ббольшей части собралъ изъ книги г. фонъ-Рора, названной Haushaltungs-Bibliothek, употребляя на то въ здѣшнемъ деревенскомъ житіи свободные часы²⁾). Еще другую, такую жъ пьесу о земледѣліи такъ какъ оно въ здѣшнихъ мѣстахъ производится, надѣюсь скорѣ окончить, которую въ свое время до васъ же отправлю; а затѣмъ и о другихъ частяхъ экономическихъ, ежели время допустить, намѣренъ вѣдомое мнѣ писать и, буде дозволите, къ вамъ же на разсмотрѣніе сообщать; ибо я за самое нужное и полезное дѣло почитаю, чтобъ оно такъ, какъ и коммерція по губерніямъ или провинціямъ, описано было, изъ чего можетъ со временемъ и у насъ собственная экономическая книга составлена быть; вмѣсто того, что понынѣ почти все иностранныя употребляются, въ коихъ съ состояніемъ нашихъ мѣсть сходственнаго весьма мало находится).

Въ ноябрьской книжкѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» на 1757 годъ, стр. 405 — 430, посланная Рычковымъ статья напечатана, подъ заглавіемъ «Письмо о упражненіи въ деревенскомъ житіи». Здѣсь, какъ и самъ авторъ ея сознается, сущность заимствована изъ названнаго выше сочиненія Рора. Между прочимъ Рычковъ тамъ прибавилъ отъ себя такое замѣчаніе: «ежели бъ у нашихъ дворянъ къ береженію лѣсовъ и къ содержанію въ нихъ всякаго рода животныхъ такія учрежденія были, какія въ Европѣ дѣлаются, и какъ о томъ въ экономическихъ книгахъ пишутъ, а дворовыхъ людей, коихъ у насъ обыкновенно въ излишествѣ и въ

¹⁾ Въ «Географическомъ лексиконѣ російскаго государства» Ө. Полунина (М. 1773 г.) о Темерниковѣ сказано, что это была казачья станица на лѣвомъ берегу р. Дона отъ Черкасскаго внизъ въ 30-ти верстахъ, при устьѣ рѣчки Темерника. Здѣсь при императрицѣ Елизаветѣ начата постройкою крѣпость св. Дмитрія, а при Екатеринѣ II учреждена таможня для торга съ Турціею. Въ 1765 г. здѣсь было получено таможенныхъ доходовъ съ приходившихъ изъ Константинополя судовъ и съ отпущенныхъ за границу товаровъ 43.867 руб. 4½ коп. Свѣдѣнія о томъ въ Государств. архивѣ, разрядъ XIX.

²⁾ Письмо это Рычковъ писалъ изъ своего села Спасскаго.

праздности не мало бываетъ, и отъ того они часто тунейддами дѣлаются и въ безпутное житіе впадаютъ, — къ егерству такъ, какъ гдѣ состояніе мѣсть требуетъ, обучать, то по моему мнѣнію и отъ сего не малая бѣ польза послѣдовать могла»...

Рычковъ послалъ также къ Миллеру и переводы свои съ нѣмецкаго: Письмо Сократа къ Денонику, о которомъ уже было говорено (стр. 34), а другое отъ матери къ дочери изъ изданія *Der Welt-Bürger*. Оба перевода напечатаны въ апрѣльской книжкѣ «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» 1758 г., стр. 326 — 358, безъ обозначенія имени переводчика, какъ онъ самъ о томъ просилъ. Эти переводы Рычковъ въ автобіографіи своей предлагаетъ читать дѣтямъ и подражать ему въ жизни: «хотя, говоритъ онъ, во мнѣ, любезные мои дѣти, такихъ совершенствъ подлинно нѣтъ; добродѣтелью и знаніемъ во многомъ оскудѣваю, однако ласкаю себя надеждою, что не всѣ васъ возненавидятъ и не всѣ васъ будутъ охуждать, когда вы въ молодыхъ своихъ лѣтахъ и всегда также себя поведете, какъ я съ молодю жилъ. Да и нынѣшнее мое, вами видимое и понятное уже поведеніе безчестно и бесполезно вамъ не будетъ, когда вы также поступать станете»...

IV.

1759 — 1769 годы.

Избраніе Рычкова въ члены корреспонденты Академіи Наукъ. Нерасположеніе Ломоносова. Отставка и жизнь Рычкова въ деревнѣ. Начало автобіографіи. Хлопоты о поступленіи вновь на службу. Представленіе императрицѣ Екатерицѣ II. Возвращеніе на службу въ Оренбургъ.

Выше было уже говорено о ходатайствѣ Татищева, чтобы Рычковъ былъ принятъ въ почетные члены Академіи Наукъ. По вступленіи послѣдняго въ переписку съ Миллеромъ, у него снова явилась надежда достигнуть того, что не удалось сдѣлать для него Татищеву. Въ письмѣ къ Миллеру, безъ года и числа, но очевидно писанномъ въ концѣ 1759 года, Рычковъ такимъ образомъ изъяснялся по этому предмету:

«Государь мой! Вашему высокоблагородію довольно извѣстно, что въ оренбургской губерніи, гдѣ я при дѣлахъ съ 1734 году нахожусь, какъ внутри оной, такъ и въ смежныхъ къ ней провинціяхъ, т. е. въ Хивѣ, въ Бухаріи, въ Балхѣ и далѣе, весьма много такихъ обстоятельствъ, кои въ разсужденіи всѣхъ частей гисторіи достойны описанія. И хотя я сначала бытности моей тамъ по охотѣ моей, старался и всегда стараюсь, дабы чрезъ посылаемыхъ въ тѣ мѣста, гдѣ что-либо куріозное есть, достовѣрно развѣдывать, а иногда и описывать, какъ то нѣсколько видно изъ первой части Топографіи моей, коя по вашему увѣдомленію, уже и академическимъ собраніемъ апробована; но еще болѣе, уповаю, окажется во второй ея части при подробномъ описаніи тамошнихъ мѣстъ; кою желательно мнѣ въ наступающемъ годѣ вашему жъ высокоблагородію на разсмотрѣніе сообщить. Критика и негодованіе, которымъ новыя дѣла часто подвержены бывають, и у насъ въ тѣхъ моихъ стараніяхъ не рѣдко самыя лучшіе случаи изъ рукъ у меня отнимають, ибо почитается то иногда за ненадобное, а иногда къ должности моей за непринадлежащее. И такъ я, видя вашу ко мнѣ особливую благосклонность и ласкаясь тѣмъ милостивымъ признаніемъ, кое въ разсужденіе гисторіи обо мнѣ напечатать и тѣмъ въ публику явить уже изволили ¹⁾, осмѣлился нынѣ на ваше разсужденіе то самое сообщить, что желалось мнѣ на словахъ вашему высокоблагородію донести.

«Ежели бъ возможно и непротивно было, стараніемъ и предстательствомъ вашимъ въ разсужденіе первой части описанія моего объ оренбургской губерніи (кою толь милостиво принять и апробовать уже соизволили), по силѣ регламента императорской Академіи Наукъ причислить меня за то въ титулярные ея члены для гисторіи и объ ономъ въ оренбургскую губернскую канцелярію дать знать, то тѣмъ не только бъ подались мнѣ лучшіе и удобнѣйшіе способы все то свободно и охотно исполнять, что въ нашей сторонѣ оная Академія признаетъ и меня опредѣлить (sic), но и отъ всякаго нареканія и негодованія совершенно бъ уже свободенъ я былъ».

Миллеръ взялся хлопотать объ этомъ и 30 марта 1758 года

¹⁾ См. выше, стр. 37.

представлялъ академической канцеляріи, что Рычковъ — «человѣкъ такой, отъ котораго Академія впредь имѣть можетъ не малую пользу»: онъ обѣщаль доставлять карты, составлявшіяся при оренбургской губернской канцеляріи, и успѣлъ уже сообщить нѣсколько статей, напечатанныхъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и переводахъ». «Токмо онъ, прибавляя Миллеръ, въ награжденіе за сію службу просить о опредѣленіи его въ академическіе почетные члены. Того ради канцеляріи Академіи Наукъ представляю: не соблаговолено ли будетъ о томъ учинить опредѣленіе»... Сначала это представленіе имѣло мало успѣха, и Миллеръ писалъ къ Рычкову 30 мая 1758 года: «дѣло о принятіи вашего высокородія почетнымъ членомъ нашей Академіи еще въ прежнемъ состояніи. Его сіятельство г. президентъ обѣщаль, но примѣра еще такова нѣтъ и не безъ охотниковъ, которые того желаютъ. И больше кажется, что надлежитъ прежде почтить симъ званіемъ нѣкоторыхъ изъ первѣйшихъ господъ здѣшнихъ...¹⁾».

Въ ноябрѣ 1758 г. Миллеръ повторилъ свое представленіе уже на имя президента Академіи Наукъ, а 21 января 1759 года академическая канцелярія составила докладъ, подписанный Ломоносовымъ, Таубертомъ и Штелинымъ, въ которомъ послѣ выписки изъ ходатайства Миллера о Рычковѣ, слѣдуетъ: «а по мнѣнію канцеляріи академической кажется, что для важности и славы Академіи Наукъ безъ дальняго разсмотрѣнія въ оную членомъ не принимать, а особливо тѣхъ, кои общаго въ ученомъ свѣтѣ латинскаго языка основательно не знаютъ и главныхъ, ученому человѣку необходимо нужныхъ словесныхъ наукъ, также математики по послѣдней мѣрѣ элементарной и философіи

¹⁾ П портфель писемъ истор. Миллера къ разнымъ особамъ 1757 — 1759 гг. въ архивѣ академической конференціи. Вообще съ 1758 г. у Миллера возникла довольно оживленная и обширная переписка съ Рычковымъ. Первый обыкновенно писалъ по нѣмецки, второй ствѣчалъ по русски и сначала извинялся въ томъ. Такъ напр. 20 августа 1758 г. онъ сообщалъ Миллеру: «я на ваше нѣмецкимъ языкомъ написанное отвѣтствую моимъ природнымъ, да и то не моею рукою. Сему причина съ одну сторону слабость и погрѣшности, которыя я, пишучи по нѣмецки, въ себѣ нахожу, а съ другую настоящая недосужность; но я всегда не только за равное, но еще и за большее мое удовольствие буду почитать, когда вы на мои письма, по русски писанныя, на нашемъ природномъ языкѣ писать изволите, чрезъ что въ лучшемъ стилѣ онаго не мало пропитовать надѣюсь»...

не разумѣютъ; но только тѣхъ по разбору въ члены вписывать, которые въ вышепомянутомъ знаніе имѣютъ, а особливо себя показали въ чемъ ученому свѣту. Но ежели кто хотя вышепомянутыхъ знаній, требуемыхъ для надлежащаго члена, не имѣетъ, а можетъ какими записками и извлеченіями служить Академіи, такихъ принимать въ корреспонденты, и для того по примѣру парижской Академіи Наукъ, не соблаговолено ли будетъ учредить классъ корреспондентовъ, которымъ на то давать дипломы». Гр. Разумовскій утвердилъ этотъ докладъ, и академическая канцелярія, 28 января 1759 г., давая звать конференціи объ учрежденіи корреспондентовъ, присовокупила: «а онымъ корреспондентамъ давать дипломы, и начать сіе учрежденіе принятіемъ въ такіе корреспонденты, съ даніемъ дипломы, коллежскаго совѣтника Рычкова ¹⁾»).

По полученіи увѣдомленія объ этомъ, Рычковъ нѣсколько разъ усиленно просилъ Миллера о скорѣйшей высылкѣ къ нему диплома. Полученіе его отмѣчено въ запискахъ Рычкова между достопамятными событіями въ жизни его 1759 года. Подлинныя дипломы на латинскомъ языкѣ и нѣмецкое письмо о немъ Миллера, сохраняются у потомка Петра Ивановича — Дмитрія Николаевича Рычкова. Переводы съ этихъ бумагъ помѣщены также въ запискахъ. Здѣсь приводится письмо Миллера въ переводѣ на русскій языкъ самого Рычкова.

«Высокоблагородный господинъ совѣтникъ! При семъ получаете вы диплому о принятіи васъ въ число академическихъ корреспондентовъ. Оно служитъ въ доказательство, коимъ образомъ Академія, съ одну сторону уважая заслуги вашего высокоблагородія, которія вы къ поспѣшествованію наукъ и къ пользѣ отечества уже учинили, а съ другую, сколько желаетъ она впредь имѣть пользы отъ прилежанія и искусства вашего. Вы еще первые въ Россіи, которому отъ нея сія честь отдается. Оную получаете вы не чрезъ исканіе ваше, ниже по представленію вашихъ друзей, ибо вы сами персонально Академіи незнаемы, но свѣдомы единственно по вашимъ письмамъ, которія вы, для распространенія наукъ и для споспѣшествованія общей пользы, со-

¹⁾ Архивъ академической канцеляріи, кн. № 239.

чинили, такожъ и чрезъ вашу, бывшую со мной корреспонденцію, чрезъ которую Академія различными образы пользы свои имѣла. Сія обстоятельство изъясляютъ нынѣ сущее достоинство тоя дипломы. Теперь зависитъ отъ вашего высокоблагородія ту надежду, которая Академія на васъ имѣеть, отъ времени до времени наиболѣе возвращать. Впрочемъ, ежели что есть и Академія найдется въ состояніи что либо въ угодность вашу учинить, то какъ его сіятельство г. президентъ, такъ и все наше собраніе и каждый членъ онаго почтутъ то за свое удовольствіе. Я же и пр.

Говоря о Рычковѣ, Миллеръ печатно придавалъ ему первоначально титулъ «члена корреспонденціи» вм. члена корреспондента, и это для Ломоносова было поводомъ къ нападкамъ на Миллера. Послѣдній 17 апрѣля 1760 г. писалъ Рычкову: «при семь имѣете вы получить двадцать отдѣльныхъ отисковъ описаніе пещеры... Вы замѣтите переимѣну въ вашемъ титулѣ; но это произошло не отъ меня, а отъ г. совѣтника Ломоносова. Онъ распорядился такъ въ типографіи, а я замѣтилъ это не прежде, какъ мнѣ были принесены совсѣмъ уже отпечатанные экземпляры. Впрочемъ, это мелочи, которыя вамъ нисколько не вредятъ¹⁾: свѣтъ, напротивъ, всегда будетъ признавать великія ваши заслуги»²⁾.

«Я, отвѣчалъ на это Рычковъ 17 мая 1760 года, не признаю никакой дифференціи въ томъ, чтобъ именовать корреспондентомъ или членомъ корреспонденціи. Мнѣ кажется первое еще и преимущественнѣе, развѣ въ вашихъ академическихъ поведеніяхъ инаково. Но и послѣднее въ вашихъ изданіяхъ, а именно въ Краткомъ содержаніи вашихъ Комментаріевъ и въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ уже есть. Чрезъ что и то, и другое явно, а я никакихъ высшихъ преимуществъ не требую, но еще и прошу, дабы для избѣжанія критики и всякихъ споровъ, при сочиненіяхъ моихъ имени не ставить»....

¹⁾ Въ черновомъ письмѣ было первоначально написано, а потомъ зачеркнуто: «allein dasz sind Kleinigkeiten; über dergl. misgünstige Streiche werden»...

²⁾ III портфель писемъ исторіогр. Миллера къ разнымъ особамъ, 1759—1760 гг., въ архивѣ акад. конференціи.

Въ 1758 г. Неплюевъ получилъ увольненіе отъ управленія оренбургскою губерніею, а въ 1759 г. на его мѣсто прибылъ въ Оренбургъ тайный совѣтникъ Аванасій Романовичъ Давыдовъ. При немъ Рычковъ, въ письмахъ къ Миллеру, сталъ настаивать на необходимости для него формальной бумаги изъ Академіи объ оказаніи ему содѣйствія при исполненіи ученыхъ порученій, а 16 марта 1760 г. писалъ: «увѣдомляю васъ, какъ друга и милостивца моего, что на послѣдней почтѣ, по моему желанію и прошенію, полученъ здѣсь указъ, коимъ я уволенъ отъ здѣшнихъ дѣлъ для рекреаци и излеченія моихъ болѣзней на годъ... чимъ я не мало порадованъ, ибо съ одну сторону въ здоровьѣ моемъ подлинно слабъ, а съ другую — желалось мнѣ отъ нынѣшнихъ здѣшнихъ суетъ и хлопотъ поотдаваться и пожить съ покоемъ, а за тѣмъ и въ Санктпетербургѣ побывать для разныхъ моихъ надобностей. Сіе не токмо не препятствуетъ мнѣ ни мало съ вашимъ высокоблагородіемъ толь пріятную и полезную корреспонденцію продолжать, но доставляетъ еще и лучшіе къ тому способы. Село мое, называемое Спасскимъ, на самой московской почтовой дорогѣ между Казанью и Оренбургомъ, отъ Бугульмы въ 15-ти верстахъ»...

Съ мая 1760 г. Рычковъ началъ жить въ этомъ селѣ, откуда 3 іюня того же года писалъ къ Миллеру: «Я наслаждаюсь и пользуюсь деревенскимъ житьемъ. Домашняя моя экономія даетъ мнѣ столько же упражненія, какъ и канцелярія, но безпокойства здѣсь такого, какъ въ городѣ, не вижу. Дай Боже исправиться мнѣ въ моемъ здоровьѣ и въ нуждахъ, а потомъ отправиться къ вамъ узнать съ вашимъ высокоблагородіемъ, съ другомъ и милостивцомъ, котораго никогда не видывалъ, но одолженъ благостью вашею, кою чувствовать и благодарить долженъ»...

Въ январѣ и февралѣ 1761 года Рычковъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ получилъ окончательное увольненіе отъ службы. Между хлопотами о томъ, онъ успѣлъ, впрочемъ, побывать въ академическомъ засѣданіи 12 февраля, когда тамъ былъ извѣстный впоследствии своими записками о Россіи аббатъ Шаппъ, а также Ломоносовъ. «Я, рассказываетъ между прочимъ Рычковъ въ Запискахъ о своемъ пребываніи тогда въ Петербургѣ, не могу здѣсь пременить и сего, что небольшими моими трудами и сочи-

неніями, которыя отъ меня посылаемы въ Императорскую Академію Наукъ, и отъ нея, по апробаціи, въ печать уже выданы, а особливо жъ сочиненіемъ оренбургскаго историческаго и географическаго описанія, какъ отъ Академіи, такъ и отъ многихъ знатныхъ особъ удостоился похвалу и благодарность получить, и тѣмъ тамъ не мало жъ пользовался»...

Извѣстно, что въ январѣ 1761 года Ломоносовъ представилъ президенту Академіи обвиненія противъ Миллера. Тамъ, въ первомъ пунктѣ значилось: «г. Миллеръ не токмо пишетъ, но и печатаетъ ложь и общество обманываетъ, напр. Рычкова представилъ почетнымъ членомъ. А какъ его по справедливости сдѣлали только корреспондентомъ, то Миллеръ печаталъ его членомъ корреспонденціи въ противность опредѣленія и обыкновенія. Изъ сего и изъ многихъ примѣровъ видно, коль несправедливы бываютъ протоколы конференціи, кои онъ одинъ подписываетъ». Изъ другихъ обвиненій достойны примѣчанія тѣ, въ которыхъ Ломоносовъ ставитъ въ преступленіе Миллеру, что этотъ въ статьяхъ о Россіи пишетъ «заношныя рѣчи» и «печатаетъ на нѣмецкомъ языкѣ смутныя времена Годунова и Разстригины — самую мрачную часть російской исторіи!»¹⁾.

Въ то самое время, какъ Ломоносовъ послалъ къ президенту Академіи свое представленіе противъ Миллера, Рычковъ еще былъ въ Петербургѣ, откуда выѣхалъ въ мартѣ того же 1761 года. Миллеръ, не получая послѣ того около двухъ мѣсяцевъ писемъ отъ него, подозрѣвалъ, что Рычковъ прекратилъ переписку вслѣдствіе внушеній Ломоносова, а потому въ черновомъ письмѣ къ Рычкову, 14 іюня 1761 года, писалъ: «я считалъ невозможнымъ, чтобы такой усердный корреспондентъ былъ въ состояніи не писать такъ долго, если бы только не охладѣлъ ко мнѣ въ своей пріязни. Я предполагалъ, что здѣсь виною тому одинъ человекъ, о которомъ вы очень хорошо знаете, чего могу я навѣрное ожидать отъ него, и что можетъ быть онъ васъ убѣдилъ не имѣть со мною болѣе переписки; можетъ статься, что вы повѣрили ему, когда онъ говорилъ вамъ о моей погибели, надъ чѣмъ онъ сильно трудился во время вашего пребыванія

¹⁾ Матеріалы для біографіи Ломоносова, Билярскаго, стр. 488—492.

здѣсь, и вы рѣшились выжидать, что изъ этого выйдетъ? Если я во всемъ этомъ ошибся, то мнѣ это будетъ столько же пріятно, сколько достовѣрно, что его клеветы мнѣ не повредятъ. Однако онъ добился—таки того, что я не смѣю продолжать новой русской исторіи. Вотъ и все, и я тѣмъ доволенъ: это былъ опытъ, который и безъ того я хотѣлъ продолжать только до тѣхъ поръ, пока не узнаю, какъ онъ будетъ принятъ»... Осторожному Миллеру вѣроятно показалось, что высказываться такъ будетъ слишкомъ откровенно, а потому онъ зачеркнулъ сейчасъ сдѣланную здѣсь выписку и вмѣсто нея написалъ слѣдующее: «но что за причина, почему вы такъ долго не писали? Объ этомъ вы ничего не сообщаете, хотя вамъ извѣстно, что для отпущенія въ грѣхахъ необходимо покаяніе. Не могу отрицать, что весьма желалъ бы узнать рѣшеніе этой загадки (die Auflösung dieses Räthsel zu erfahren)...¹⁾».

«При возобновленіи корреспонденціи нашей, отвѣчалъ Рычковъ 9 іюля 1761 г., ничто больше не препятствовало какъ распустье внешнее, за которымъ я, паче моего чаянія, принужденъ былъ въ разныхъ мѣстахъ продолжаться. Sie есть существенная правда, und kein Räthsel dabei!».

Ко времени пребыванія Рычкова въ Спасскомъ относится начало его семейныхъ Записокъ, выписки изъ которыхъ не разъ уже приводимы были въ настоящемъ изслѣдованіи. Эта автобіографія начинается такимъ обращеніемъ къ своимъ дѣтямъ:

«Должность отцовская, съ которою я для васъ отъ Провидѣнія божія опредѣленъ, и любовь моя родительская издавна и часто побуждали меня написать вамъ такое письмо, которое бъ къ честному и добродѣтельному житію было вамъ нѣкоторымъ правиломъ и наставленіемъ, оставленнымъ отъ отца вашего. Притомъ желалось мнѣ и сіе вамъ сообщить, чрезъ чтобъ вы имѣли хотя нѣкоторое познаніе о вашихъ предкахъ, а особливо о приключеніи моего и вашего отца, которые вамъ по крови ближайшіе есть. Я такое познаніе почитаю за особливо нужное въ фамиліяхъ, потому что оно составляетъ нѣкоторый родъ собственной и домашней исторіи, коя съ какими бы случаями соединена ни была, но здра-

¹⁾ IV портфель писемъ истор. Миллера, 1761 — 1762 гг., въ архивѣ академической конференціи.

вому разсужденію потомкамъ роду не безпотребна, но и полезна въ безпристрастномъ разсмотрѣніи случаевъ, которымъ жизнь человѣческая подвержена бываетъ. Пребывая по сіе время въ трудахъ и попеченіяхъ, съ должностію чина моего соединенныхъ, не возможно было мнѣ удовлетворить оному моему желанію. Нынѣшнее же, правительствующимъ сенатомъ для рекреациі и излеченія моихъ болѣзней отъ канцелярскаго присутствія пожалованное мнѣ увольненіе и спокойная деревенская жизнь подають изрядный къ тому случай, который я, по возможности моей, буду употреблять въ вашу и въ мою пользу сочиненіемъ сего письма»...

Послѣ разсказа о своихъ предкахъ и приступая къ описанію приключеній изъ собственной жизни, Рычковъ замѣчаетъ: «мнѣ случилось читать, что въ Швеціи недавно такое учрежденіе учинено и опубликовано въ народъ, дабы не только изъ знатныхъ, но и изъ посредственныхъ бы людей всякъ житія своего Записки содержалъ и оныя въ публичный архивъ на сохраненіе отдавалъ въ томъ разсужденіи, что въ такихъ Запискахъ современемъ нужнаго для народной гисторіи много будетъ. Сіе шведское учрежденіе подлинно оуждать нельзя. Не излишнее бъ было, ежели бы и у насъ такія записки всѣмъ въ обычай вошли. Я, какъ вашъ отецъ, каждому изъ васъ о такихъ Запискахъ совѣтъ мой даю»...

Краткія извѣстія о службѣ и занятіяхъ, указанія дней рожденій, браковъ, кончины членовъ многочисленнаго семейства автора, также различные переѣзды и хлопоты его, а иногда отступленія съ правоучительными наставленіями — таково содержаніе семейныхъ Записокъ Рычкова, доведенныхъ до 20 марта 1777 года, слѣдовательно оканчивающихся за семь только мѣсяцевъ до смерти его. Надобно сознаться, что онъ, увлекшись узкою задачею — писать записки исключительно для своего семейства — не успѣлъ выразиться въ нихъ вполне. Здѣсь онъ является преимущественно провинціальнымъ чиновникомъ, успѣвшимъ достигнуть значительнаго для своего времени чина (Рычковъ умеръ статскимъ совѣтникомъ) и нѣкотораго достатка. Впрочемъ, Записки Рычкова полезны какъ второстепенный и дополнительный матеріалъ послѣ обширной переписки Рычкова съ Миллеромъ.

Не прошло полутора лѣтъ житія Рычкова въ деревнѣ, какъ у него начались тамъ разныя непріятности. Такъ 8 декабря 1761

года онъ писалъ къ Миллеру: «несчатіе, случившееся съ моимъ домою, не допускаетъ меня нынѣ пространно писать, ибо 5 числа по утру здѣшній мой домъ (который гораздо былъ немалъ) весь до подошвы выгорѣлъ, и я принужденъ теперь трудиться, чтобъ какъ нибудь на зиму объюртоваться, а лѣтомъ новый домъ строить.... Богу благодареніе, что нужнѣйшія домашнія вещи успѣли выгаскаты. Главный мой убытокъ состоитъ въ книгахъ моихъ, коихъ у меня до 800 было. Хотя ихъ ббольшую часть выбросалъ въ окна, но въ такомъ ужасномъ случаѣ съ надлежащимъ береженіемъ не могли то дѣлать, да и бросали ихъ въ мокрый снѣгъ и на разныя стороны, какъ кому удалось, то надѣюсь многія испортились и передраны. Особливо жаль мнѣ многихъ манускриптовъ, мисцеляней и переводовъ, мною самимъ учиненныхъ. Сей убытокъ почитаю я невозвратнымъ»....

Пожаръ въ деревнѣ и дороговизна жизни въ Оренбургѣ побудили Рычкова думать о поступленіи вновь на службу: «между прочаго слышно мнѣ, писалъ онъ къ Миллеру 27 декабря 1761 года, что г. ассесоръ Веревкинъ, которой былъ при казанской гимназіи директоромъ съ полученіемъ жалованья по 600 р. въ годъ, отудова паки отлучился. И хотя его нѣкоторые опять туда ожидаютъ, но другіе мнятъ, что онъ не возвратится, что по его обстоятельствамъ и статья иногда можетъ ¹⁾). Сіе мѣсто, ежели оно сдѣлается порозжимъ, по моимъ лѣтамъ и по моимъ склонностямъ, а особливо для воспитанія малолѣтнихъ моихъ дѣтей, кажется для меня не несходно бѣ, ибо большихъ трудовъ и безпокойствъ такъ, какъ я въ Оренбургѣ имѣлъ, не востребуетъ. Буду я не въ дальности отъ моихъ деревень и заводовъ, кои, будучи въ Казани, править мнѣ не трудно. Чтожъ до гимназіи принадлежить, то ласкаюсь надеждо предъ нынѣшнимъ ея состояніемъ въ лучшее привести. А между тѣмъ и для вашихъ академическихъ дѣлъ, а особливо въ разсужденіи сея обширныя и многонародныя губерніи былъ бы я тутъ не безпотребенъ: по меньшей мѣрѣ не меньшее бѣ и не худшее бѣ описаніе учинилъ ей, какъ и орен-

¹⁾ Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ, бывши ассессоромъ московскаго университета, съ 1758 по февраль 1760 года находился директоромъ казанской гимназіи, а потомъ губернаторскимъ товарищемъ въ Казани. См. Москвитинъ 1842 года, № 12, Истор. Мат., стр. 398—402.

бургское».... Рычковъ въ заключеніе просилъ Миллера хлопотать за него въ этомъ случаѣ и у президента Академіи Наукъ и у куратора московскаго университета И. И. Шувалова. Миллеръ однако скоро увѣдомилъ, что на мѣсто директора казанской гимназіи уже назначенъ Шуваловымъ другой¹⁾.

Побывавъ въ концѣ 1762 года въ Москвѣ (повидимому для хлопотъ о полученіи чина статскаго совѣтника, слѣдовавшаго ему при отставкѣ) и съѣздивъ въ началѣ слѣдующаго въ Ростовъ «для молебствія новоявленному чудотворцу Димитрію», Рычковъ возвратился въ Спасское, гдѣ вскорѣ потомъ случилось у него происшествіе, часто повторявшееся при существованіи крѣпостнаго права.

«Въ іюлѣ мѣсяцѣ сего 1763 году, записано въ семейныхъ Запискахъ Рычкова, въ селѣ Спасскомъ и въ деревнѣ Верхоудьѣ произошелъ мятежь и безпокойства отъ нѣкоторыхъ крестьянъ, которые, принявъ намѣреніе къ отбывательству, стали отваживаться на побѣги, и бѣжало ихъ около двадцати человекъ, въ томъ числѣ и староста села Спасскаго Абрамъ Лонгиновъ. Изъ коихъ семь человекъ, явясь въ Оренбургъ и подавъ въ губернскую канцелярію челобитныя, показали, яко бы они не крѣпостные, но вольные люди; но какъ сему не повѣрено было, и до присылки крѣпостей отданы они были въ каторжную работу, то другіе, узнавъ про то, раскаялись и изъ бѣговъ воротились; а нѣкоторые были переловлены и успокоены были уже тѣмъ, что нѣкоторые изъ нихъ кнудомъ, а другіе плетями, по опредѣленію оренбургской канцеляріи, въ селѣ Спасскомъ, при собраніи всѣхъ крестьянъ, наказаны. Для котораго наказанія и заплочный мастеръ изъ Оренбурга нарочно былъ присыланъ». 31 августа 1763 года о томъ же Рычковъ такъ писалъ къ Миллеру: «у меня здѣсь въ селѣ очень конфузно: между крестьянами человекъ двѣнадцать бѣжало. Сіе меня не мало безпокоитъ и не допускаетъ о дѣлахъ вашихъ мыслить и писать порядочно, ибо отъ плутовъ нѣсколько и въ опасности нахожусь. Стараюсь, чтобъ они были умирены въ силѣ указовъ канцелярскимъ опредѣленіемъ»..

¹⁾ IV портфель писемъ истор. Миллера 1761 — 1762 годовъ, въ архивѣ академ. конференціи.

Осенью 1763 года до Рычкова дошелъ слухъ о назначеніи его директоромъ казанской гимназіи, и поэтому онъ, 20 октября 1763 г., писалъ къ Миллеру:... «Подлинно способы ко описанію казанской и астраханской губерній тутъ были бы хорошіе. А при томъ, не хвалясь, могу сказать и гимназія бѣ тамошняя другой видъ возымѣла».... 20 декабря 1763 г.: «о казанской гимназіи слышу, что она нынѣ еще въ худшемъ состояніи противъ прежняго, ибо профессоръ бывшій тутъ человекъ хотя и ученый, но смиренный и безгласный¹⁾. А нынѣ и о томъ сказывали мнѣ, яко бы онъ, пріѣхавъ изъ Москвы, недавно умеръ. Я бы радъ былъ ежели бѣ предпріято было изъ сего училища сдѣлать что нибудь познатнѣе и дать ему иную форму, но мнѣ не разсуждается самому на то напрашиваться. Развѣ не буду ль я нынѣшнею зимою самъ въ Москвѣ, тогда переговорю съ Васильемъ Евдокимовичемъ²⁾. Сказываютъ и то, что учителя уже болѣе полугода жалованья своего не получали, и насовалось тутъ людей незнающихъ много»....

Въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II было дѣлано много попытокъ къ преобразованію разныхъ отраслей государственнаго управленія. По свидѣтельству Шлецера, то было золотое время для всѣхъ прожектеровъ. Между прочимъ тогда поднять былъ вопросъ, занимавшій еще Петра Великаго — о торговлѣ Россіи съ Индіею. Поэтому поводу въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ»³⁾ явилась статья «Изыясненіе о способахъ къ произведенію російской коммерціи

¹⁾ Данила Савичъ, директоръ казанской гимназіи и въ то же время экстра-ординарный профессоръ московскаго университета, былъ сынъ сотника слободскаго сумскаго полка Василья Савича; сначала учился въ кievской духовной академіи, а потомъ — за границей съ 1750 по 1754 годъ. Онъ хотѣлъ было поступить на службу при Академіи Наукъ, но послѣ опредѣлился въ московскій университетъ. Архивъ акад. канц. кн. № 189 и Протоколы конференціи 10 іюня 1754 г.

²⁾ Адогуровъ, воспитанникъ и адъютантъ Академіи, а впослѣдствіи наставникъ русскаго языка великой княгини Екатерины Алексѣевны. По прикосновенности его къ дѣлу о канцлерѣ гр. А. П. Бестужевѣ-Рюминѣ, мечтавшемъ при императрицѣ Елизаветѣ о переворотѣ въ пользу супруги тогдашняго великаго князя Петра Федоровича, Адогуровъ подвергся почетной ссылки въ Оренбургъ, гдѣ и познакомился съ Рычковымъ. Въ 1768 г., когда послѣдній писалъ о казанской гимназіи, Адогуровъ былъ уже кураторомъ московскаго университета.

³⁾ Ноябрь, 1763 г., стр. 401—408.

изъ Оренбурга съ бухарскою, а изъ оной и съ индѣйскими областями». Здѣсь предлагалось: товары въ Бухару отправлять по Яику до Гурьева городка, а отсюда Каспійскимъ моремъ до залива Красноводскаго; для склада товаровъ имѣть крѣпость на Огурчинскихъ островахъ, и оттуда отправлять ихъ сухимъ путемъ до Балхи и Бадакшана. Въ упоминаемой статьѣ нѣсколько разъ говорилось съ похвалами о Рычковѣ, который уже писалъ объ этомъ предметѣ въ Оренбургской Топографіи. Это возбудило въ Рычковѣ желаніе напомнить правительству о предположеніи, сдѣланномъ имъ и генераль-маіоромъ Тевкелевымъ еще въ 1759 году касательно постройки города на устьѣ р. Эмбы, отчего они надѣялись не только распространенія русской торговли до Индіи, но и окончательнаго покоренія киргизовъ, а, стало-быть, прекращенія грабежей каравановъ и пр. 13 декабря 1763 г. Рычковъ послалъ къ Миллеру «Мнѣніе о распространеніи оренбургской коммерціи въ дальнѣйшія азіатскія стороны и о средствахъ, къ тому надлежащихъ». Вскорѣ потомъ онъ узналъ, что въ Петербургѣ учреждена особая коммиссія о коммерціи, и вслѣдствіе того часто писалъ къ Миллеру о своей готовности ѣхать въ Петербургъ, когда бы его туда потребовали. Такъ какъ въ коммиссіи однимъ изъ главныхъ дѣятелей былъ Григорій Тепловъ¹⁾, то Рычковъ просилъ Миллера поговорить ему о немъ, доставить посланное «Мнѣніе» и пр. Исторіографъ отвѣчалъ ему (8 іюля 1764 г.), что по отзыву Теплова «Мнѣніе» Рычкова не скоро еще понадобится, потому что коммиссія намѣрена сначала обрабатывать общія положенія. «И такъ, прибавлялъ Миллеръ, не думайте быть скоро вызваннымъ для того. Да и зачѣмъ вамъ желать этого? Не лучше ли спокойно проводить свою старость дома и въ своемъ семействѣ? По крайней мѣрѣ я думалъ бы такъ, бывши на вашемъ мѣстѣ. Имѣй я клочекъ земли, которая бы могла меня прокормить, какъ бы скоро бѣжалъ тревоженій²⁾!»...

По видимому это письмо охладило охоту Рычкова къ дальнѣйшимъ искательствамъ, и, 7 августа 1764 г., не говоря уже болѣе о планахъ участвовать въ работахъ коммиссіи о коммерціи,

¹⁾ Также адъютантъ, а потомъ ассессоръ въ канцеляріи нашей Академіи.

²⁾ У портфеля писемъ истор. Миллера, въ архивѣ академической конференціи.

онъ распространяется въ письмѣ къ Миллеру о своемъ деревенскомъ житѣ-бытѣ въ Спасскомъ:

«Вы означили мнѣ ваши трудности. Я, напротивъ того, о моихъ вамъ доношу. Здѣсь въ деревнѣ съ женою и съ меньшими дѣтьми, коихъ при мнѣ шестеро, сплю сколько хочу. Напившись съ ними чаю, хожу или ѣзжу на мѣдной мой заводъ, которой отъ дому моего не далѣе двухъ сотъ саженой. Тамъ бываю съ часъ или и больше. Возвратясь оттоль, смотрю церковное строенье (церковь каменная изрядною архитектурою здѣсь строится, и сіе лѣто окончить ее надѣюсь). Иногда схожу на винокурной мой заводъ и на мельницу. Ёзжу въ деревню мою, которая отсель верстахъ въ пяти-шести, или на поле, гдѣ сѣвъ хлѣбный, съ женою и дѣтьми. За столъ обѣдать сажусь съ своими въ шести или семи человекъ; но рѣдкой день проходитъ, чтобъ проѣзжаго не случилось, ибо живу на большой дорогѣ и имѣю у себя пріятелей. Вотъ жизнь моя, которую я здѣсь препровождаю. Три сына вмѣсто меня служатъ отечеству. Огорченія и досады, какія въ деревенскомъ житѣ бывають, сноситѣ городскихъ, да и нѣтъ надѣюсь, въ свѣтѣ такого мѣста и состоянія, гдѣ бъ ихъ не было»... 2 октября 1764 г.: «я, изъ гостей отъ сына моего Андрея возвратясь домой, нашель у себя самую любезную компанію. Всѣ дѣти и внучата его превосходительства г. генераль-маіора Алексѣя Ивановича Тевкелева ¹⁾ ко мнѣ пріѣхали. Ёзда ихъ была сюда не менѣе 200 верстъ. Вотъ какъ у насъ въ деревняхъ друзья и пріятели живутъ! Теперь у меня здѣсь маленькой Римъ (по Цицероновымъ словамъ) тѣмъ наипаче, что вчерась и севодня мимо села моего марширующіе азовскаго полку офицеры, заѣзжая ко мнѣ, умножаютъ у меня людство и компанію»...

Описаніе событій 1764 года Рычковъ въ своей автобіографіи заканчиваетъ такимъ образомъ: «знатнѣйшимъ приключеніемъ сего году, да и жизни моей къ великому благополучію надлежитъ почестъ то, что я, по высочайшему ея императорскаго величества

¹⁾ Этотъ Тевкелевъ, при Петрѣ Великомъ старшій переводчикъ иностранной коллегіи, принималъ при императрицахъ Аннѣ и Елизаветѣ главное участіе въ подчиненіи Россіи киргизъ-кайсаковъ. Разсказъ его о своихъ службахъ, также извѣстія о родѣ, къ сожалѣнію не конченныя, во «Временникѣ моск. общества исторіи», кв. XIII, 1852 г. Смѣсь, стр. 15—21.

именному указу, декабря 16 числа пожалованъ статскимъ совѣтникомъ по докладу правительствующаго сената»...

Въ 1766 г. Рычковъ опять начинаетъ свои хлопоты о поступленіи на службу... «Недостатки мои, писалъ онъ къ Миллеру 15 апрѣля, что долѣ, то болѣ усиливаются. На сихъ днямъ бѣжалъ у меня съ заводу слуга, кой былъ тутъ прикащикомъ: унесъ съ собою и послѣднія мои деньжонки. И такъ не знаю, какъ исправляться. Продаю оренбургскій мой дворъ, но и на то купца нѣтъ—я уже за половины цѣны радъ бы его отдать. Мое намѣреніе въ томъ нынѣ состоитъ, чтобъ распродавъ всѣ заводы (кои одни только хлопоты, а не прибыли приносятъ) и вступя въ службу съ жалованьемъ, предать всего себя на услуги отечеству»....

Въ мартѣ 1767 года Рычковъ ѣздилъ въ Москву и въ Запискахъ о своемъ тамъ пребываніи отмѣтилъ слѣдующее: «12 числа марта имѣлъ я счастье предстать ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей моей монархинѣ (Екатеринѣ II) и удостоился изъ устъ ея величества услышать слѣдующія слова: «я извѣстна, что вы довольно трудитесь въ пользу отечества, за что вамъ благодарна». Послѣ того поднесъ я ея величеству сочиненія моего печатную книжку, подъ именемъ «Опытъ казанской исторіи», съ приобщенною къ ней на высочайшее ея императорскаго величества дедикаціею, которую сама принявъ изъ рукъ моихъ, изволила еще болѣе благодарить и болѣе часа въ парадной своей опочивальнѣ разговаривала со мною, спрашивая меня о городѣ Оренбургѣ, о ситуациі тамошнихъ мѣстъ, о хлѣбопашествѣ и о коммерціи тамошней такъ снисходительно и милостиво, что сей день наилучшимъ и счастливѣйшимъ въ жизни моей почитать мнѣ надлежитъ. Предводителями къ сему счастью были мнѣ въ началѣ г. коллежскій совѣтникъ, историографъ и профессоръ Федоръ Ивановичъ Миллеръ и его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ».

Изъ писемъ этого періода отъ Рычкова къ Миллеру видно, что первому сильно надоѣли уже неудачи по деревенскому хозяйству и онъ часто напоминалъ своему пріятелю ходатайствовать за него то у того, то у другаго изъ милостивцевъ. Такъ 1 сентября 1767 года писалъ о выгодности для него мѣста губерна-

торскаго помощника въ Казани. «Не возможно ли вамъ самимъ, ежели пристойно и обстоятельства дозволятъ, побывать у его сіятельства генераль-прокурора и употребить ваше въ томъ ходатайство? Я часто удивляюсь, разсуждая о себѣ и о нынѣшнемъ состояніи дѣлъ. Мое намѣреніе и желаніе ни къ чему иному не клонится какъ токмо усердно служить отечеству. Партикулярнаго моего ничего тутъ больше нѣтъ, какъ лучшій способъ къ воспитанію дѣтей моихъ. 600 рублей не велико жалованье. Къ лакомству и къ нажиткамъ я не склоненъ. Со всѣмъ тѣмъ очень я несчастливъ. Утѣшаюсь иногда словами евангельскими: миръ убо свое любилъ бы. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ. Благодарю еще Вышняго, что не лишенъ я моего пропитанія».

«Радуюсь, что уложенная комиссія имѣетъ благополучное начало и хорошій успѣхъ. Оренбургскаго депутата для любопытства не изволите-ль узнать? Онъ фаворитъ губернаторскій—безъ сумнѣнія по его видамъ инструированъ¹⁾. Какъ ни желали прочіе дворяне, чтобъ я выбранъ былъ въ депутаты, но губернаторская сторона превозможе. Онъ, сказываютъ, передо мною два бала лишнихъ имѣлъ. Сіе мнѣ не обидно, ибо въ числѣ балатированныхъ два генераль-маіора и нѣсколько полковниковъ находились. Предводитель выбранъ такой же»...

Еще въ началѣ 1769 г. Рычковъ продолжалъ жаловаться Миллеру на неполученіе мѣста. «Я, писалъ онъ 31 января, по прежнему продолжаю жизнь мою деревенскую и, взирая на обращенія нынѣшнія, часто удивляюсь, а иногда и тужу объ моей судьбинѣ; но мы не всегда познаваемъ прямо что для насъ хорошо или худо!»...

Наконецъ 21 августа 1769 года Рычковъ сообщалъ Миллеру: «Топерь получилъ я отъ оренбургскаго губернатора письмо отъ 20 числа сего. Пишетъ онъ ко мнѣ, что въ разсужденіи соляныхъ дѣлъ, кои нынѣ, за недостаткомъ въ Украинѣ соли, весьма уважаются и поручены въ главную дирекцію генераль-

¹⁾ Оренбургскимъ губернаторомъ былъ тогда Иванъ Андреевичъ Рейнсдорпъ, а депутатомъ въ комиссія о сочиненіи проекта новаго уложенія отъ дворянъ оренбургскаго уѣзда секундъ маіоръ Иванъ Толстой, сдавшій потомъ свою обязанность, 4 августа 1768 года, фурьеру преображенскаго полка Матвѣю Толстому. Русскій Вѣстникъ 1861 г. № 12; прилож. стр. 59.

поручику, сенатору и кавалеру Еропкину (кой нынѣ въ Москвѣ находится) писалъ, что для учрежденія съ лучшимъ порядкомъ поставокъ илецкой соли протить прежняго, опредѣлить меня съ жалованьемъ по 1000 руб. въ годъ, и притомъ весьма много и сильно меня рекомендовалъ. Я уповаю, что сей генераль вамъ или вашимъ друзьямъ не незнаемъ есть. Прошу васъ, какъ милостивца и друга, съ вашей стороны пристойнымъ образомъ и елико возможно вамъ будетъ способствовать оному дѣлу и тѣмъ меня одолжить еще; а что услышите или увѣдаете увѣдомленіями меня не оставить»...

V.

Печатныя сочиненія и статьи Рычкова по части Исторіи и Географіи Россіи. Недостатокъ въ нихъ критики источниковъ. Указанія на то Шлецера. Историко-географическія извѣстія въ письмахъ Рычкова къ Миллеру.

Скорое помѣщеніе въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» статей Рычкова, а также настояніе Миллера о доставленіи разныхъ извѣстій видимо поощряли перваго къ дальнѣйшимъ работамъ. Въ началѣ 1758 года онъ послалъ къ Миллеру «Описаніе о началѣ оренбургской комиссіи» и статью о тамошнемъ земледѣліи.

«Исторія ваша о оренбургской комиссіи, отвѣчалъ Миллеръ 30 мая 1758 года, весьма достойна печатанія. Я бы желалъ оную, для ускоренія, вносить по частямъ въ «Ежемѣсячныя Сочиненія», токмо безъ позволенія вашего не смѣю. Прошу ко мнѣ отписать, что ваше о томъ мнѣніе. Потомъ она можетъ вторымъ изданіемъ печатана быть вмѣстѣ съ Топографіею вашею оренбургскою. Что надлежитъ письма о земледѣльствѣ, то я внесъ уже первую часть онаго въ нынѣшній мѣсяцъ Сочиненій, который впредь сообщить имѣю, когда весь будетъ отпечатанъ»....¹⁾).

Послѣдняя статья Рычкова напечатана въ «Сочиненіяхъ и

¹⁾ П портфель писемъ историографа Миллера къ разнымъ особамъ 1757—1759 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

переводахъ» 1758 года ¹⁾, подъ заглавіемъ: «Письмо о земледѣльствѣ въ казанской и оренбургской губерніяхъ», гдѣ заключаются довольно обстоятельныя извѣстія о положеніи хлѣбопашества въ означенныхъ губерніяхъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до нашего времени, о тогдашнихъ земледѣльческихъ орудіяхъ, о способахъ обработки земель, посѣвѣ и уборкѣ хлѣбовъ.

Что касается до другаго сочиненія, то Рычковъ, 26 іюня 1758 г., благодаря Миллера за обѣщаніе издать въ свѣтъ его трудъ, намекалъ также и о томъ, чтобы притомъ Миллеръ присовокупилъ что-нибудь въ похвалу автора. «Вы уже по милости своей, говорилъ онъ, довольною честь учинили мнѣ засвидѣтельствомъ моихъ малыхъ трудовъ сочиненіемъ вашимъ о поправленіи историческихъ погрѣшностей, у иностранныхъ писателей находящихся ²⁾. И хотя я не требую сего, чтобъ при ономъ напечатаніи мое имя было точно употреблено, однакъ почитаю не за излишнее, ежели ко обѣимъ онымъ частямъ соизволите учинить и напечатать краткое предрѣчіе по вашему разсужденію въ тотъ видъ, чтобъ къ такимъ сочиненіямъ въ другихъ мѣстахъ находящіеся охотники могли быть прихожены»...

Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію слушающихъ» 1759 года помѣщена сначала «Исторія оренбургская по учрежденіе оренбургской губерніи», гдѣ разсказаны событія, касающіяся этого края отъ временъ Петра Великаго до 15 марта 1744 года, т. е. до окончательнаго образованія оренбургской губерніи. Въ «предъизвѣщеніи» Рычковъ говоритъ, что онъ это сочиненіе «не такъ для настоящаго, какъ для будущаго, т. е. потомственнаго времени» писалъ.... Дѣла человѣческія, если о нихъ не сохранится письменныхъ извѣстій или забываются, или же искажаются въ устныхъ пересказахъ. «И о новой нашей оренбургской губерніи, ежели о ея началѣ и происхожденіяхъ не останется достовѣрнаго описанія, въ послѣдующихъ вѣкахъ такое жъ забвеніе или неосновательныя мнѣнія могутъ происходить»...

Если къ «Исторіи оренбургской» примѣнять нынѣшнія требованія науки, то нельзя не признать ее крайне одностороннею.

¹⁾ Май и іюнь, стр. 410—428 и 483—524

²⁾ Здѣсь Рычковъ напоминаетъ о статьѣ Миллера «Предложеніе о исправленіи погрѣшностей» и пр., о которой см. выше, стр. 37.

Авторъ ея, какъ чиновникъ и притомъ принимавшій самъ участіе въ осуществленіи бѣльшей части тогдашнихъ административныхъ мѣръ, которыя онъ описываетъ, придаетъ особенно важное значеніе имъ и только объ нихъ считаетъ нужнымъ распространяться. Поэтому понятно, что въ «Исторіи оренбургской» нельзя найти разъясненія отношеній испоконныхъ обывателей края къ русскимъ, переходившимъ туда въ позднѣйшія времена; тамъ нѣтъ указаній на истинныя причины частыхъ возстаній инородцевъ и того взаимнаго ожесточенія, съ которымъ велась борьба предъ окончательнымъ подчиненіемъ края русскому господству. Матеріалы для всего этого остаются пока не разработанными въ рѣдко затрагиваемыхъ еще въ наше время архивныхъ дѣлахъ, а въ трудѣ Рычкова можно только найти обзоръ административныхъ распоряженій въ данную эпоху. При всемъ томъ и теперь «Исторія оренбургская» уже тѣмъ полезна, что избавляетъ отъ труда разыскивать такіе источники, которые, не заключаая въ себѣ извѣстій первой важности, необходимы однако для соображеній при оцѣнкѣ событій, совершавшихся въ оренбургскомъ краѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Самъ Рычковъ очень мѣтко указалъ на недостатки своего труда, замѣтивъ въ концѣ своего «предъизвѣщенія»: «отъ сего, хотя и неискускаго изображенія самыя искуснѣйшіе люди возымѣютъ причину все оное не только въ исторической порядокъ привести, но и самую основательную исторію, т. е. о положеніи и о натуральныхъ свойствахъ оренбургскихъ мѣстъ, о состояніи и раздѣленіи внутри и внѣ оренбургской губерніи находящихся народовъ, и о прочихъ знатнѣйшихъ случаяхъ и дѣйствахъ, собирая надлежащія къ тому извѣстія, наилучшимъ образомъ сочинять и продолжать».

Для Рычкова было весьма лестно видѣть напечатанною свою «Оренбургскую исторію». Сообщая о томъ Миллеру 20 марта 1759 года, онъ писалъ также: «Въ примѣчаніяхъ, которыя въ сей исторіи положены, съ Топографіею моею, уповаю, могутъ оказаться нѣкоторыя небольшія разности, потому что я объ оренбургской комиссіи писалъ еще въ 743 и 744 годахъ и тогда о здѣшнихъ мѣстахъ и народахъ не былъ въ такомъ свѣдѣніи, какъ послѣ при другомъ помянутомъ сочиненіи. Но мню, что весьма тѣ разности невелики и непримѣтны, которыя одною ремаркою

на все то легко поправлены быть могутъ. Сожалѣю токмо я о семъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшней исторіи нескладности въ сенсѣ. Видно, что въ моемъ экземплярѣ, который я до вашего высокоблагородія послалъ, находятся описки, которыхъ я не усмотрѣлъ, или то погрѣшности типографскія, однакожь онѣ весьма рѣдки»....

Миллеръ намѣревался издать «Исторію оренбургскую» на нѣмецкомъ языкѣ, «При чемъ думаю, писалъ онъ Рычкову 19 апрѣля 1759 г., можно упомянуть и о имени вашемъ, да для ббольшей вѣрности и надобно, развѣ вы, по чрезвычайной вашей modestiи, инако прикажите»¹⁾).

«Когда ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Рычковъ 20 мая 1759 года, за потребно извелили признать, дабы Оренбургскую Исторію для иностранныхъ напечатать и на нѣмецкомъ языкѣ, то при оной, ежели надобно, мое имя означить можете. Она подлинно такъ ведена, какъ дѣла происходили; но въ разсужденіи разныхъ бывшихъ здѣсь командировъ, изъ которыхъ нѣкоторые понынѣ здравствуютъ, при русской имя мое упоминать, кажется, нужды нѣтъ, ибо многіе знаютъ, что оное описаніе мною учинено. Къ тому жъ какъ бы не возмнилось изъ нихъ, что про одного съ ббольшею похвалою и съ лучшими обстоятельствами писано, не жель про другаго. И такъ могутъ толковать за пристрастіе. Сіе я вашему высокоблагородію, какъ уже дознанному моему благодѣтелю и милостивцу, изъясняю»...

5 августа 1759 г. Рычковъ доставилъ Миллеру продолженіе «Исторіи оренбургской», обнимавшее событія въ краѣ съ 1744 по 1751 годъ. «Казалось мнѣ, говорилъ онъ притомъ, ежели продолжаемо будетъ сіе, то можетъ оно служить къ немалой пользѣ не только по канцеляріи для новыхъ командировъ, но и для историческихъ сочиненій... Сверхъ того прилагаю табель вмѣсто той, которая на концѣ прежде посланной книги приложена. Сію я дополнилъ тѣмъ, что въ прежней не доставало. Можетъ статья, что вы въ разстояніяхъ противъ оной въ нынѣшней нѣкоторое несходство усмотрите; но сіе отъ того, что здѣсь по дорогамъ

¹⁾ П портфель писемъ истор. Миллера, 1757 — 1759 годовъ, въ архивѣ академической конференціи.

неоднократно разныя мѣры были, а всѣ одна противъ другой разноту имѣютъ. Къ тому жъ нѣкоторыя крѣпости и форпосты съ мѣста на мѣсто перенесены. Сіе я ради того означиваю, дабы вы въ усмотрѣнной разнотѣ извѣстны были о причинахъ. Нынѣшняя табель, какъ я мню, учинена съ надлежащею исправностію, о чемъ я канцелярскимъ служителямъ весьма рекомендовалъ»....

Князь М. Оболенскій¹⁾, указывая, что упомянутое «Прибавленіе къ оренбургской исторіи» съ 1744 по 1751 г. хранится въ рукописяхъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, замѣчаетъ, что оно въ «Исторіи пугачевского бунта» Пушкина не напечатано. Чтò оно не помѣщено въ сейчасъ названномъ сочиненіи, то это, конечно, случилось отъ того, что перепечатывать его въ другой разъ не было надобности, такъ какъ «Прибавленіе къ оренбургской исторіи» издано въ свѣтъ еще Миллеромъ въ тѣхъ же «Сочиненіяхъ и переводахъ» въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ за 1759 годъ. Что касается до «Табели о состояніи оренбургской линіи», то напечатанная Миллеромъ²⁾ во многомъ разнится отъ приложенной къ письму Рычкова (5 августа 1759 года), почему надобно предполагать, что Миллеръ напечаталъ бывшую у него прежде табель до полученія новой.

«Я, писалъ Рычковъ 11 ноября 1759 года, радъ, что понравилось вамъ описаніе здѣшнихъ дѣлъ по 750 годъ. Подлинно не худо бъ было, когда бъ во всѣхъ губерніяхъ знатнѣйшія заключенія такъ были описываемы; но притомъ нѣкоторая предосторожность нужна, а особливо при такихъ недавнихъ случаяхъ, какіе въ послѣднемъ описаніи отъ меня къ вамъ сообщены. Хотя и все вѣрно и безпристрастно описывано, а наипаче когда командиры и производители дѣла оныя описанія читаютъ, можетъ легко

1) «Историческія замѣчанія» въ Русскомъ Архивѣ 1865 года, № 3, стр. 337.

2) «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе» 1759 г. августъ, стр. 128—134. Изъ писемъ Рычкова въ 1774 году видно, что имъ, во время осады Оренбурга отъ Пугачева, составлено было продолженіе Оренбургской исторіи съ 1751 по 1774 годъ, и онъ просилъ Миллера о напечатаніи этого продолженія вмѣстѣ съ «Исторіею оренбургскою», изд. въ первый разъ въ 1759 г.; эта просьба, однако, не была осуществлена, такъ какъ Рычковъ отказался издавать книгу на свой счетъ, какъ предлагалъ ему это Миллеръ.

показаться и возмниться имъ, что объ одномъ мало и кратко, а о другомъ много и пространно писано, и причитать то въ вину сочинителю, хотя бъ онъ и съ доброю совѣстью писалъ»....

Въ январѣ 1760 г. поѣздка по дѣламъ службы въ Башкирію дала возможность Рычкову сообщить Миллеру 13 января того же года слѣдующее: «Въ нынѣшнюю мою бытность, хотя съ великимъ затрудненіемъ (ибо, собравъ башкирцевъ челоуѣкъ до тридцати изъ старшинъ и изъ лучшихъ людей, ѣздилъ верхомъ чрезъ глубокой снѣгъ безъ дороги верстъ двадцать) ѣздилъ я смотрѣть пещеру, въ бурзянской волости имѣющуюся, которой во всей Башкиріи славнѣе и больше нѣтъ; по меньшей мѣрѣ изъ описаній, которыя мнѣ вѣдомы, не нахожу. Я описаніе ее приобщу въ мою Топографію, а и прежде, какъ вещь чрезвычайную, съ рисункомъ ея, каковъ въ скорости возможно было мнѣ сдѣлать съ бывшимъ при мнѣ, инженеръ науку знающимъ челоуѣкомъ, не премину до васъ отправить такъ скоро, какъ время допустить оное описаніе, планъ и проспектъ мѣста сочинить».... Въ другомъ письмѣ отъ 19 января Рычковъ говоритъ о пещерѣ: «мнѣ мнится, что она курьёзнѣе той пещеры, коя *Vaumans Höhle* называется и во всей Германіи за славную почитается»...

Извѣстіе объ этой пещерѣ напечатано Миллеромъ¹⁾ подъ заглавіемъ: «Описаніе пещеры, находящейся въ оренбургской губерніи при рѣкѣ Бѣлой, которая изъ всѣхъ пещеръ, въ Башкиріи находящихся, за славную и наибольшую почитается». Это та самая статья, въ концѣ которой Ломоносовъ распорядился вмѣсто *члена корреспонденціи* напечатать титулъ *корреспондента* при имени Рычкова, о чемъ говорено уже выше въ главѣ IV, на страницѣ 44.

Въ III-й главѣ, на стр. 38, видѣли, что Миллеръ, съ самаго начала своей переписки съ Рычковымъ, напоминалъ ему

¹⁾ «Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащихъ», мартъ 1760 г., стр. 195—225. Въ приложенной къ статьѣ гравюрѣ теченіе р. Бѣлой стрѣлкою означено невѣрно, отчего пещера вышла на лѣвомъ берегу рѣки, тогда какъ она на правомъ. Рычковъ намѣревался также описать другую подобную пещеру на рѣкѣ Икѣ, но это впоследствии исполнилъ сынъ его Николай: см. «Журналъ, или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ російскаго государства, 1769, 1770 годовъ» (Спб. 1770, въ 4^о) I, стр. 94 и слѣд.

о доставленіи второй части Оренбургской Топографіи. Она получена была академикомъ при письмѣ отъ 4 мая 1760 года, гдѣ Рычковъ писалъ:... «Понеже въ приведеніи ея въ надлежащую исправность имѣлъ я великія трудности не только по слабости моего здоровья, которою давно уже одержимъ, но и по тому, что собирая требованныя для того извѣстія (хотя нѣкоторые изъ нихъ были и за секретарскими руками), находилъ въ нихъ многія погрѣшности, кои нужно было съ другими вѣдомостями сличать и поправлять по тому, что казалось мнѣ правильнѣе и сходнѣе, не упоминая штиль и метода, который совсѣмъ не годился. При такихъ затрудненіяхъ и неспособностяхъ можетъ статья, что иногда и въ моемъ сочиненіи какія либо ошибки окажутся; но я не могъ продолжать болѣе удержаніемъ у себя сея книги для неоднократныхъ учиненныхъ мнѣ отъ вашего высокоблагородія объ немъ напоминаній, рассуждая, что и самое несовершенное лучше нежели ничего; однакъ не чаю, чтобъ по нынѣшнему состоянію здѣшней губерніи многія погрѣшности въ ней нашлись, которыхъ я, сколько возможно было, остерегался».

«Оныя обстоятельства заставили меня въ предисловіи книги означить о томъ напередъ для того, дабы не подвергнуть себя бѣльшей критикѣ, которая бываетъ иногда въ модѣ. Вы мнѣ, какъ мой милостивецъ и другъ, простите сіе, что я тутъ имя вашего высокоблагородія и г. Гмелина упомянулъ въ сходство моего намѣренія, ибо не только оное, но и всю книгу посылаю я на ваше разсмотрѣніе. Вы во всемъ томъ и убавить, и прибавить по разсужденію вашему можете... Наконецъ повторяю я прежнее мое прошеніе, чтобъ при напечатаніи моего имени не ставить, развѣ въ нѣмецкомъ переводѣ, какъ то ваше высокоблагородіе напредъ сего изволили означить, ежели оный будетъ учиненъ съ вашими примѣчаніями».

Когда Рычкову стало извѣстно о началѣ печатанія его Оренбургской Топографіи, то онъ 13 февраля 1762 г. писалъ къ Миллеру:... «мнѣ мнится, что необходимо потребно приложить къ ней хотя краткое предисловіе и означить тутъ, что она еще въ 1754 году писана; въ которое время обстоятельства оренбургскія противъ нынѣшняго во многомъ были отмѣнны, что въ слѣдующей второй части хотя и изъяснено, но и затѣмъ нѣкоторые пе-

ремѣны есть. Чаятельно, что впредь и противъ нынѣшняго не безъ перемѣнъ будетъ по новости сея губерніи. Я много бѣ отъ вашего высокоблагородія одолженъ былъ, и книгѣ бѣ къ великому украшенію и одобренію послужило, ежели бѣ вы по вашему искусству такое предрѣчіе отъ себя къ ней приложить изволили и что еще къ ней въ дополненіе потребно тутъ же бѣ помянули. Можетъ быть и я въ томъ дополненіи потрудился бѣ со временемъ, ежели буду тамъ по прежнему при дѣлахъ. А когда мнѣ случая не будетъ, то тѣмъ другіе къ тому будутъ побуждены. Буде же вамъ, при многихъ вашихъ трудахъ, не достанетъ на сіе времени, то не присовѣтуете ль мнѣ отъ себя оное написать и къ вамъ на разсмотрѣніе прислать?»...

13 октября 1762 года: «для изъясненія Топографіи и для лучшаго повятія содержащихся въ ней матерій весьма нуженъ реестръ, который я, сочиня здѣсь, при семъ прилагаю и прошу приказать, ежели и вы за потребно его признаете, напечатать оный для всѣхъ экземпляровъ и, сколько надлежитъ для меня, ихъ прислать. Признаваюсь я, что по обстоятельнѣе ему бытъ надлежало—многія имена и званія, находящіяся въ книгѣ, пропустилъ для того, что сія работа очень мнѣ скучна показалась. Къ тому жъ о многихъ разсудилось мнѣ, что они ко изъясненію здѣшнихъ мѣстъ не весьма и нужны, а другія подъ общими званіями разумѣются, напр. звѣрь, рыба и пр.»...

Въ теченіе 1762 года въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» напечатаны обѣ части «Оренбургской Топографіи». Хранящаяся нынѣ въ русскомъ отдѣленіи академической библіотеки рукопись этого сочиненія разнится отъ печатнаго изданія тѣмъ, что въ ней видное мѣсто занимаютъ двѣнадцать картъ въ листъ большаго формата, къ которымъ извѣстія Рычкова служатъ объяснительнымъ текстомъ. Въ предисловіи, также не напечатанномъ при «Оренбургской Топографіи» на томъ, конечно, основаніи, что тамъ подробно говорится о составленіи тѣхъ картъ, замѣчено: «нельзя сказать, чтобъ всѣ оныя (карты) сочинены были такъ исправно и достаточно, якобъ впредь никакого дополненія и поправленія онѣ не требуютъ. Однако жъ то можно объявить, что онѣ (яко и сіе описаніе) болѣею частію сочинены съ прежнихъ ландкартъ, журналовъ и съ

репортовъ въ тѣ мѣста нарочно для разныхъ надобностей посланныхъ офицеровъ, знающихъ геодезію, и чрезъ особливыхъ геодезистовъ, исключая однѣ токмо дальнѣйшія заграничныя мѣста (но и сіи съ разныхъ же, прежде сочиненныхъ, а отчасти и съ иностранныхъ ландкартъ, нѣсколько жъ и съ словесныхъ объявленій, взятыхъ отъ достовѣрныхъ, въ тѣхъ мѣстахъ бывалыхъ людей, вношены), чего ради отъ губернской канцеляріи и приказано было на каждую ландкарту записку имѣть, откуда что взято и гдѣ впредь повѣрка или дополнка надобна».

Карты эти были составляемы прапорщикомъ геодезіи Красильниковымъ съ товарищами и имѣютъ нынѣ значеніе для занимающихся судьбами оренбургскаго края въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія. Карты позднѣйшихъ временъ, быть можетъ, болѣе исправны, но не въ состояніи дать понятія о прежнемъ оренбургскомъ краѣ, который быстро утрачивалъ свой первобытный характеръ и измѣнялъ первоначальный видъ вслѣдствіе сильнаго наплыва въ него переселенцевъ со всѣхъ концовъ Россіи. Къ этому надо присовокупить и то, что спеціальныя карты Красильникова и товарищей его отличаются своею обстоятельностью: тамъ занесены, напримѣръ, самыя незначительныя деревеньки и поселки ¹⁾. По этимъ уваженіямъ, здѣсь признано не-безполезнымъ помѣстить въ III-мъ приложеніи обстоятельное описаніе названныхъ картъ.

Обращаясь къ печатному изданію «Оренбургской Топографіи», находимъ, что при первой части ея нѣтъ никакого вступленія, но въ началѣ второй есть «предисловіе», гдѣ Рычковъ говоритъ:

¹⁾ Вотъ примѣръ тому: известно, что одинъ изъ близкихъ родственниковъ Карамзина отвергалъ преданіе, что исторіографъ родился въ селѣ Михайловкѣ-Карамзинкѣ, лежащей въ бывшей оренбургской, нынѣ самарской губерніи, только на голословномъ увѣреніи, что это село не существовало около 1765 года, когда родился Карамзинъ. Въ послѣдствіи дознано, что это селеніе уже было въ 1773 году въ сосѣдствѣ съ другими двумя: Ляховомъ и Путилово. (См. «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» изд. Отдѣленіемъ русск. языка и словесности, СПб. 1866 г., стр. 453, 454.) Карта Красильникова, составленная за десять лѣтъ до рожденія исторіографа и представляющая большую московскую дорогу отъ Оренбурга до Кичуевскаго Фельдшанца, окончательно рѣшаетъ, что помннутый родственникъ Карамзина ошибался: въ 1755 году деревня Карамзина уже значится здѣсь въ нынѣшнемъ бузулукскомъ уѣздѣ, рядомъ съ деревнями Путиловой и Ляховомъ.

.... «Великая за-яицкая степь, гдѣ располагаются двѣ киргизъ-кайсацкія и одна каракалпацкая многочисленныя орды, нынѣ подданныя россійской имперіи, и обширныя башкирскія мѣста, наполненныя разныхъ минеральныхъ и древнихъ признаковъ, которыя въ разсужденіи всѣхъ частей исторіи достойны осмотровъ и испытанія отъ людей, во всѣхъ наукахъ совершенныхъ. Россійская наша исторія могла бѣ изъ того имѣть знатное приращеніе тѣмъ паче, что отъ оныхъ обитающихъ здѣсь народовъ, между которыми никакихъ ученыхъ людей не бывало и нѣтъ, о такихъ мѣстахъ и вещахъ обстоятельно и достовѣрно вывѣдать невозможно. Въ разсужденіе сего не мало надлежитъ сожалѣть, что посланные отъ санктпетербургской императорской Академіи Наукъ гг. профессоры Миллеръ и Гмелинъ, за прежде бывшимъ башкирскимъ бунтомъ, здѣшней губерніи одинъ токмо край съ сибирской стороны, да и сего небольшую часть видѣли; а притомъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ не могло имъ быть безъ препятствій и опасностей въ ихъ намѣреніяхъ. Напротивужъ того сибирская губернія и самая отдаленнѣйшая Камчатка счастливѣе были тѣмъ, что отъ оныхъ, въ наукахъ толь славныхъ мужей безъ всякаго помѣшательства осмотрѣны и описаны. А между тѣмъ сіе мое первое и простое описаніе служить можетъ для извѣстія». Свое предисловіе авторъ заканчиваетъ такимъ желаніемъ: «Дажь, Боже! чтобъ главные правители здѣшнихъ дѣлъ и народовъ съ ихъ помощниками всегда просвѣщаемы были совершеннымъ знаніемъ всего того, что внутри и внѣ сей обширной губерніи для государственныхъ интересовъ надобно и полезно, и здѣшняя бѣ азіатская коммерція дѣйствительно распространялась и умножалась во всей полуденной Азіи до самой Индіи по извѣстнымъ намѣреніямъ блаженной и вѣчной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго, а чрезъ то бѣ и описаніе оренбургской губерніи отъ искуснѣйшихъ людей приведено было въ полное совершенство, чего я, какъ вѣрный рабъ и сынъ отечества, всеусердно желаю. Писано въ Оренбургѣ апрѣля 22, 1760 года».

Въ томъ же 1762 году сочиненіе Рычкова вышло отдѣльною книгою въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ: «Топографія Оренбургская, то есть обстоятельное описаніе оренбургской гу-

бернїи, сочиненное коллежскимъ совѣтникомъ и императорской Академіи Наукъ корреспондентомъ Петромъ Рычковымъ», въ 8°, I, 331; II, 262 стр. Миллеръ, извѣщая объ отдѣльномъ изданіи Топографіи, высказалъ о необходимости подобныхъ трудовъ и въ прочихъ губерніяхъ: «что же при такомъ сочиненіи наблюдать надлежитъ, въ томъ Оренбургская Топографія вѣрно и достаточно предводительницею служить можетъ»¹⁾.

Въ началѣ 1763 г. Рычковъ былъ въ Москвѣ и оттуда писалъ къ Миллеру, 9 января: «Топографія здѣсь у многихъ хорошо пріемлется».... 6 февраля:.... «Присланные мнѣ экземпляры Топографіи послужили мнѣ изряднымъ способомъ рекомендовать себя тутъ, гдѣ я еще не очень знакомъ былъ. Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой говорилъ: длячего при нихъ нѣтъ ландкартъ и чертежей? Я инако не могъ его сіятельству донести, что хотя оныя отъ меня въ Академію и посланы и апробованы къ печати, но знатно не исправились напечатаніемъ ихъ. Онъ на то отозвался, что они весьма бѣ нужны, и рекомендовалъ мнѣ, чтобъ я о тамошнихъ странахъ описанія мои продолжалъ»...

Появленіе въ свѣтъ «Топографіи Оренбургской» было для своего времени событіемъ замѣтнымъ и въ литературѣ, и въ обществѣ. Изъ нея въ первый разъ узнаны были разныя подробности о такомъ краѣ, который мало былъ извѣстенъ не только большинству публики, но и самому правительству. Последнее, отправляя туда главныхъ начальниковъ, давало имъ полномочія, въ силу которыхъ тѣ могли распоряжаться въ странѣ по собственному усмотрѣнію и не отдавая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ Россіи смутно знали, что въ оренбургскомъ краѣ идетъ отчаянная борьба между туземнымъ населеніемъ и новыми пришельцами изъ нашихъ; что тамъ непрерывныя возстанія; что туда требуются войска, и т. д. При такомъ положеніи края трудъ о немъ Рычкова былъ важною новостью для современниковъ. Нынѣ онъ, конечно, не имѣетъ уже этой цѣны, но все таки остается единственною справочною книгою, безъ которой нѣтъ никакой возможности обойтись, какъ скоро рѣчь заходитъ о состояніи оренбургскаго края въ прошломъ столѣтіи.

¹⁾ «Ежемесячныя сочиненія и извѣстія о ученыхъ дѣлахъ», мартъ 1763 г., стр. 269, 270.

Шлецеръ обратилъ на «Топографію Оренбургскую» особенное вниманіе и составилъ обширный обзоръ ея, который помѣщенъ въ *Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen* ¹⁾. «Къ достопамятствамъ сего жь 1766 году въ разсужденіи меня, записано въ автобіографіи Рычкова, и сіе причесть надлежитъ, что въ Геттингенскихъ объявленіяхъ объ ученыхъ дѣлахъ, подъ дирекціею королевскаго собранія наукъ, въ мартѣ мѣсяцѣ напечатана рецензія на Оренбургскую мою Топографію съ немалымъ выхваленіемъ. Я ее, переведа на русскій языкъ, приобщилъ къ той моей Топографіи, коя въ домашней моей библіотекѣ имѣется»...

Академикъ Палласъ, во время путешествія своего по оренбургскому краю въ 1769 году, принялся за переводъ Топографіи на нѣмецкій языкъ, о чемъ Рычковъ писалъ къ Миллеру 11 ноября 1770 года: «Г. профессоръ Палласъ пишетъ ко мнѣ, что онъ самъ зачалъ переводить на нѣмецкой языкъ Топографію Оренбургскую и намѣренъ приобщить къ ней свои примѣчанія, а потомъ напечатать ее въ Берлинѣ. Съ его переводу намѣряюсь я сдѣлать переводъ на русской языкъ только такъ, какъ онъ напишетъ. Увѣдомьте меня, милостивый государь мой, можетъ-ли сія книга вторично напечатана быть въ университетѣ ²⁾ на нашемъ языкѣ съ примѣчаніями г. профессора и съ моими дополненіями. Г. профессоръ по нѣскольку листовъ переводу своего хотѣлъ ко мнѣ присылать, а я ихъ, переводя на русской языкъ, стагъ бы къ вамъ присылать для напечатанія. И на сіе буду отъ васъ увѣдомленія ожидать»... 18 ноября 1770 года: «Г. Палласъ отъ 4 ноября пишетъ ко мнѣ: *mit Uebersetzung der Topographie bin ich bis in die Mitte des vierten Capitel gekommen, und werde, wann es Ew. Hoch... angenehm ist, eine Probe davon aber in Schwarzen zu überschicken die Ehre haben*»... 4 декабря 1770 года: «теперь получилъ я письмо отъ г. профессора Палласа и перевода его Оренбургской Топографіи пять листовъ мелкаго нѣмецкаго письма. Переводъ весьма прекрасной»...

Что Палласъ придавалъ особенное значеніе труду Рычкова, то можно видѣть изъ словъ его въ предисловіи къ «Путешествію

1) I Band, 1766, SS. 217—230; 249—254; 284—288.

2) Московскомъ, такъ какъ Миллеръ съ 1765 г. жилъ уже въ Москвѣ.

по разнымъ провинціямъ російской имперіи», гдѣ послѣ упоминанія съ похвалою о «Топографіи Оренбургской» замѣчено, что она «по справедливости достойна бытъ переведена на другіе языки». Продолженіе своего перевода «Топографіи Оренбургской» Палласъ вѣроятно оставилъ по тому, что въ 1771 и 1772 годахъ напечатаны два нѣмецкіе перевода этого сочиненія, а именно:

Въ V-й части извѣстнаго изданія Бюшинга *Magazin für die neue Historie und Geographie*, 1771, (стр. 457 sq.) — первая часть «Топографіи Оренбургской» въ переводѣ Христіана Генриха Газе, пастора въ Зульцѣ, а въ VI-й части—окончаніе ея (стр. 473 sq.). Бюшингъ въ общемъ предисловіи къ V-й ч. своего Магазина говоритъ: «переводъ описанія оренбургской губерніи г. Рычкова, безъ сомнѣнія, будетъ принятъ съ удовольствіемъ, такъ какъ, по важности этого труда, его давно желали видѣть на нѣмецкомъ языкѣ. Замѣчательно, что переводъ сдѣланъ проповѣдникомъ въ альтенбургскомъ княжествѣ, который былъ самъ себѣ учителемъ въ русскомъ языкѣ и изучалъ его при пособіи многихъ вспомогательныхъ источниковъ, найденныхъ имъ въ Вольфенбюттельской библіотекѣ»... Не удивительно поэтому, что въ переводѣ Газе не мало неточныхъ мѣстъ и промаховъ: они указаны Миллеромъ въ рукописной статьѣ его «Погрѣшности г. Газа въ переводѣ оренбургской исторіи»,—хранящейся, вмѣстѣ съ другими бумагами академика, въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾. «Могу сказать, писалъ Рычковъ къ Миллеру 14 сентября 1771 года, что не неприятно мнѣ было видѣть изъ письма вашего о переводѣ и о напечатаніи Топографіи моей въ Германіи. Вы много одолжите меня, милостивый государь мой, ежели г. Бюшинга Историческаго Магазейна тѣ части, въ коихъ оная Топографія будетъ, пожалуете мнѣ доставите. Деньги» и проч.—18 іюля 1773 года: «Переводъ Оренбургской Топографіи и Казанской Исторіи читаетъ г. губернаторъ, но не хвалитъ его, да и я примѣтилъ нѣкоторыя выраженія, съ моимъ подлинникомъ не очень сходныя. Г. профессора Палласа переводъ гораздо будетъ лучше и совершеннѣе»...

¹⁾ «Герардъ Фридрихъ Миллеръ» г. Соловьева въ *Современникѣ* 1854 года, т. XLVII, отд. II, стр. 148.

Секретарь и переводчикъ въ Ригѣ Родде издалъ тамъ *Orenburgische Topographië* въ двухъ частяхъ въ 1772 г. Въ предисловіи его сказано: «Топографія Оренбургская, какъ сочиненіе, отличающееся превосходными достоинствами, не требуетъ пространной оцѣнки. Образованной публикѣ извѣстно, что до сихъ поръ мало знали описанныя тамъ страны и что недоставало надлежащей достовѣрности тому немногому, что встрѣчалось въ отрывочныхъ описаніяхъ о нихъ. Господинъ сочинитель съ давнихъ уже поръ живетъ въ оренбургской губерніи и теперь находится тамъ же начальникомъ главнаго солянаго правленія. Слѣдовательно онъ имѣлъ случай почерпнуть извѣстія изъ оффиціальнаго дѣлъ оренбургской губерніи. Онъ часто ссылается на нихъ, и они носятъ на себѣ печать достовѣрности. Многіе предметы онъ самъ видѣлъ и изслѣдовалъ наблюдательнымъ окомъ, а то, что основано на устныхъ разсказахъ, оправдывается ссылками на заслуживающихъ довѣрія людей. Главное, что во всемъ сочиненіи видѣнъ безпристрастный человекъ, усердный желатель раскрытія истины и споспѣшествователь общественному благу».

Въ 1763 г. Миллеръ предложилъ русскимъ читателямъ на рѣшеніе вопросы: почему русскихъ государей называютъ бѣлыми царями, а часть Литвы Бѣлою Россією ¹⁾? Прочитавъ это приглашеніе, Рычковъ послалъ въ отвѣтъ Миллеру свою статью по этому предмету.

Академикъ былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что изъ читателей его изданія выискался наконецъ одинъ, который прислалъ отвѣтъ на печатно предложенный вопросъ: Миллеръ и прежде помѣщалъ въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ задачи на рѣшеніе любителей и знатоковъ, но таковыхъ въ тѣ времена не находилось. «Я получилъ, отвѣчалъ Миллеръ Рычкову 7 іюля 1763 года, два экземпляра вашей статьи о бѣломъ царѣ. Она меня очень обрадовала — вы одни доказываете, что мои старанія не тщетны ²⁾»...

Статья Рычкова въ формѣ письма къ Миллеру помѣщена

¹⁾ Ежемѣсячныя сочиненія, 1763 года апрѣль, стр. 381 — 383; май, стр. 478 — 480.

²⁾ V-й портфель писемъ историографа Миллера къ разнымъ особамъ въ архивѣ академической конференціи.

въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ ¹⁾ съ примѣчаніемъ; ...«хотя въ ономъ совершеннаго помянутаго задачи рѣшенія не находится, чего по видимому надѣяться и не можно, однако всякой признавать долженъ, что историческія и географическія розысканія, здѣсь сообщенныя, вѣщней похвалы достойны»... По мнѣнію Рычкова, титулъ бѣлаго царя придавался русскимъ государямъ потому, что «цвѣтъ бѣлой въ Россіи издревле былъ почтеннѣйшій, а напротивъ того черной значилъ всегда подлость и уничтоженіе»... Онъ утверждалъ также, что азіатскіе государи придавали русскимъ царямъ этотъ титулъ въ подражаніе русскимъ. Это же говорилъ и генераль-маіоръ Тевкелевъ. «Онъ, писалъ Рычковъ къ Миллеру 14 сентября 1763 г., подтвердилъ мое мнѣніе, что то званіе изъ Россіи къ нимъ пришло. Только-де сперва, когда татарскіе государи были сильнѣе россійскихъ, россійскихъ государей именовали акъ-біи, т. е. бѣлой князь и государь; а наконецъ изъ того уже акъ-падыша, т. е. бѣлый царь, или императоръ произошло»... Названіе Бѣлой Россіи Рычковъ производилъ отъ бѣлаго платья, «въ Россіи въ великомъ употребленіи бывшаго», и въ подтвержденіе тому ссылался на сочиненія Татищева. При этомъ Миллеръ сдѣлалъ слѣдующее справедливое возражаніе: «Г. Рычковъ да позволить намъ при семъ примѣчать, что свидѣтельства новѣйшихъ сочинителей о древнихъ происшествіяхъ доказательствомъ историческимъ служить не могутъ, если на свидѣтельствахъ древнихъ не основаны. Намъ не безызвѣстно было, что г. Татищевъ въ ономъ мнѣніи находился, хотя мы о томъ именно не объявляли. Почтеніе наше къ похвальнымъ заслугамъ сего искуснаго мужа по истиннѣ превелико, и не можемъ мы не сожалѣть о томъ, что изрядныя его сочиненія—тридцатилѣтнихъ трудовъ плоды—въ печать не производятся: но сего по нашему мнѣнію не довольно, чтобъ съ нимъ въ семъ дѣлѣ согласиться. Мы ссылаемся на всѣ россійскіе лѣтописцы, на Нестора преподобнаго съ его продолжателями. Изъ нихъ бы было доказать, что Бѣлая Русь до Москвы и далѣе простиралась, чего мы въ нихъ не нашли. И того ради остаемся мы при прежнемъ мнѣніи»...

Въ томъ же 1763 году Миллеръ предлагалъ рѣшить: отчего

¹⁾ 1763 года, августъ, стр. 120—133.

произошло названіе Черной Россіи ¹⁾? Рычковъ прислалъ отвѣтъ, заимствованный, по его словамъ, изъ сочиненій Татищева; но при этомъ онъ предупреждалъ Миллера (30 августа 1763 года): «мнѣ мнится весьма трудно и не надежно отгадывать древнія званія городовъ и мѣстъ, и не думаю, чтобъ то при всякомъ случаѣ нужно было. Кажется, что въ томъ весьма немного реальнова или существеннаго найдется къ исторіи. Сіе я вамъ, какъ истинному другу и милостивцу, осмѣливаюсь сказать... (31 августа 1763 года): «дѣла и вещи, которыя отъ гаданія нашего происходятъ, рѣдко вѣроятными бывають... Я по нынѣ того мнѣнія, что сія задача ваша (о бѣломъ царѣ), такъ какъ и о Черной Россіи съ Черною, суть нерѣшимыя. Вы сами лучше моего изволите знать, что о такихъ вещахъ въ старину не только у насъ, но и у другихъ народовъ весьма мало думали, и званія мѣстамъ и людямъ часто прилагались по одному воображенію безъ всякаго свойственнаго имъ резона»...

Когда была окончена печатаніемъ «Топографія Оренбургская», то Миллеръ совѣтовалъ Рычкову приняться за составленіе географіи Россіи.

«Я бѣ, отвѣчалъ онъ изъ Спасскаго 28 марта 1763 года, охотно взялся за то, чтобъ сочинить введеніе къ географіи все-россійской имперіи; но ежели оное обстоятельное надобно, то въ немъ гораздо больше трудности, нежели въ историческомъ сочиненіи. Что до исторіи надлежитъ, сіе можно брать изъ разныхъ книгъ и сочиненій, а въ географіи нужно будетъ справки и сношенія имѣть съ такими людьми, которые о принадлежностяхъ къ ней никакого почти понятія не имѣють. Довольно для меня, ежели бѣ я и Казанскую губернію подъ именемъ Топографіи Казанской описалъ. Сдѣлайте мнѣ отъ Академіи формальное предложеніе и доставьте мнѣ требующіеся къ тому способы, дабы я могъ свободную корреспонденцію имѣть и надобныя къ тому извѣстія получать, то бѣ я сію часть географіи россійской, а можетъ быть и астраханскую бѣ на себя взялъ; но не могу и тутъ снабдить васъ скорымъ исполненіемъ всего того, а буду отъ времени до времени продолжать сколько моя возможность, по слабости силъ

¹⁾ Ежемѣсячныя сочиненія 1763 г. июль, стр. 96.

можеть, допустить. Изъ такихъ частныхъ или мѣстныхъ описаній не трудно уже будетъ и всецѣлую географію сочинить»...

Вслѣдствіе этого письма, Миллеръ, 5 мая 1763 года, представлялъ академической канцеляріи, чтобъ изъ сената былъ выработанъ указъ объ оказаніи Рычкову содѣйствія при составленіи имъ географическихъ описаній казанской и астраханской губерній ¹⁾.

Донесеніе Миллера оставалось въ академической канцеляріи безъ помѣты и исполненія до 15 мая. Въ этотъ день Ломоносовъ далъ туда знать, что онъ уволенъ вовсе изъ Академіи ²⁾, а Таубертъ тогда же распорядился записать въ канцелярское постановленіе, чтобы о Рычковѣ представить въ сенатъ по возвращеніи его изъ Москвы въ Петербургъ. 26 августа 1763 года это дѣйствительно было исполнено, но сдѣлано ли что нибудь сенатомъ о Рычковѣ, изъ тогдашней переписки о немъ въ академической канцеляріи не видно.

Между тѣмъ Рычковъ продолжалъ писать къ Миллеру о необходимости оффиціального содѣйствія; такъ 26 мая 1763 года онъ сообщалъ ему: «Признаніе ваше въ ученыхъ извѣстіяхъ ободраетъ меня къ сочиненію географіи ³⁾»; но буду ожидать отъ васъ къ тому плана и наставленія, о чемъ я на предварившихъ почтахъ писалъ. Г. Волковъ ⁴⁾, нынѣ въ Оренбургѣ обрѣтающійся вице-губернаторомъ, не чаю, чтобъ мнѣ съ своей стороны доставлялъ къ тому хорошіе способы, хотя онъ мнѣ весьма уже давно знакомъ, а я его всегда считалъ моимъ пріятелемъ. Я къ нему при письмѣ, какъ къ другу, послалъ Оренбургскую Топографію, но онъ, сказываютъ, и не посмотря въ нее, отдалъ ее другому и на мое

1) Архивъ академической канцеляріи, книга подъ № 275.

2) Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ стр. 603.

3) Здѣсь Рычковъ разумѣетъ хвалебный о немъ отзывъ Миллера въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ 1763 г. мартъ, о чемъ говорено выше на стр. 64.

4) Дмитрій Волковъ пользовался особеннымъ значеніемъ на дѣла при императорѣ Петрѣ III, а по возшествіи на престолъ императрицы Екатерины II былъ назначенъ въ Оренбургъ вице-губернаторомъ на мѣсто возвращеннаго оттуда Адодурова. Въ Государственномъ Архивѣ хранится письмо къ Волкову Рыčkова 16 іюня 1762 года, писанное слѣдовательно до низложенія Петра III. Здѣсь Рычковъ напоминаетъ Волкову о его къ нему «нисходительствахъ», особенно же въ послѣднюю его бытность въ Петербургѣ, и проситъ содѣйствія объ опредѣленіи вновь на службу.

письмо отвѣту (sic) не удостоилъ. Не знаю тому причины, но сей опытъ худую надежду подаетъ мнѣ въ собраніи оттудова къ дополненію оной книжки. Сіе вамъ, какъ моему истинному другу, разсудилось сообщить»...

Изъ слѣдовавшихъ за тѣмъ писемъ Рычкова въ іюнѣ — августѣ 1763 года видно, что онъ приступилъ — было къ приготовительнымъ работамъ по составленію географическихъ описаній названныхъ двухъ губерній, но другія занятія и надежда быть вызваннымъ въ Петербургъ для участія въ работахъ по комиссіи о коммерціи отвлекли Рычкова отъ географіи. О кабинетныхъ своихъ работахъ онъ вспомнилъ только послѣ рѣзкаго замѣчанія Миллера о его суетномъ желаніи служить въ Петербургѣ (см. выше, гл. IV, стр. 52), и 31 іюля 1764 года увѣдомлялъ его: «Помнится я къ вамъ писывалъ о сочиненіи казанской исторіи, и вы сами меня къ тому ободряли исходатайствованіемъ указа о дачѣ мнѣ потребныхъ къ тому извѣстій. Я тогда же было-принялся за нее и нѣсколько главъ написалъ. Нынѣ у досугу разсматривалъ. Она доходитъ до времени царя Ивана Васильевича. Сожалѣю, что обстоятельнѣе не могъ я писать за недостаткомъ у меня потребныхъ къ тому извѣстій; но чтобъ и тотъ мой трудъ небольшой втунѣ не остался, думалъ я оное до васъ послать подъ именемъ «Опыта казанской исторіи»... Другую часть сего Опыта послѣ могу прислать. Въ ней показаны будутъ походы къ Казани царя Ивана Васильевича и нынѣшнее города состояніе. За симъ можно и легче будетъ прочія сей губерніи мѣста описывать»...

7 августа 1764 года: «На прошедшей почтѣ послалъ уже я до вашего высокоблагородія первый листокъ Опыта моего казанской исторіи. Опытомъ назвалъ я ее какъ еще несовершенную, а притомъ и вашему послѣдуя ¹⁾... Я васъ, какъ друга и милостивца, прошу посылаемое нынѣ разсмотрѣть и неисправности выправить по вашему разсужденію и искусству. Можетъ быть, что я во многомъ ошибся и не такія доказательства приводилъ, какія требуются. Я изъ того выбиралъ, что у меня нынѣ есть. Сожалѣю, что и писца исправнаго у меня нынѣ нѣтъ: кое-какъ переписано, а мнѣ самому не удалось хорошенько высмотрѣть,

¹⁾ Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ» 1761 года помѣщенъ Миллеромъ «Опытъ новѣйшія исторіи о Россіи».

но сіе у васъ можетъ быть исправлено... Списокъ казанской исторіи г. Пестрикова, который уже покойникъ, весьма плохъ. Многое такъ дурно писано, что выразишь трудно, и я принужденъ въ слѣдующихъ главахъ употреблять мой. Но можетъ быть отъ сего моего опыта подастся поводъ другимъ лучшее и обстоятельное описаніе учинить. Я вашего мнѣнія: что нибудь лучше, нежели ничего!»

20 ноября 1764 года: «Послѣ отсылки къ вамъ второй части Опыта казанской исторіи, кою я выписывалъ изъ описанія бывшаго въ Казани географа Пестрикова, получилъ я еще описаніе казанское. Надпись его есть слѣдующая: «Сказаніе вкратцѣ о началѣ царства казанскаго и о побѣдахъ великихъ князей московскихъ со царями казанскими, и о взятіи того жъ царства казанскаго благочестивѣйшимъ царемъ и великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ». Сочинитель не именовалъ сего, но видно, что онъ былъ русской изъ военныхъ людей, попалъ въ полонъ и жилъ въ Казани при ханѣ Сипъ-Гиреѣ въ близости и въ милости его двадцать лѣтъ. По взятіи жъ Казани, вышелъ онъ къ царю Ивану Васильевичу и обращенъ паки въ христіанство. Кажется, что оно самое то, изъ котораго г. Пестриковъ выписывалъ. Только списокъ попался мнѣ худаго письма и со многими описками. Я, сличая то и другое, разсудилъ въ свободные часы мое сочиненіе снова переписать все моею рукою, и какія несходства или въ семъ послѣднемъ пополненія явятся, оныя внести подъ чертою въ примѣчанія или на полѣ подъ X»...

Миллеръ не былъ доволенъ Опытомъ казанской исторіи Рычкова и 13 сентября 1764 г. писалъ къ нему: «по моему мнѣнію вы притомъ должны еще воспользоваться Лызлова Скиѣскою Исторіею. Вы упоминаете Пестрикова, а слѣдуетъ ссылаться только на извѣстныхъ казанскихъ лѣтописцевъ, изъ которыхъ Пестриковъ, какъ кажется, выписывалъ слово въ слово¹⁾»...

«Пріятнѣйшее ваше письмо отъ 13 сентября получилъ я, отвѣчалъ 27 ноября 1764 г. Рычковъ, 22 числа сего ноября... Лызлова Скиѣской Исторіи у меня нѣтъ. И такъ, ежели возможно и вамъ не трудно, то не соизволите-ль вы у себя изъяс-

¹⁾ V-й портфель писемъ историографа Миллера, въ архивѣ академической конференціи.

нить и дополнить мое описаніе вашими примѣчаніями. Я уже доносилъ, что попалось мнѣ въ руки и то, изъ коего Пестриковъ выбиралъ и въ первую мою часть чтò надлежитъ изъ него дополнить примѣчаніями подъ чертой. Ежели-бъ письмо ваше ускорилося, то бъ я, не упоминая Пестрикова, все въ самой текстъ внесъ. Теперь надобно будетъ все снова передѣлывать—не знаю, дозволить ли мнѣ время, ибо нѣсколько слабъ здоровьемъ нахожусь»...

Несмотря на такія отговорки, Рычковъ однако послѣдовалъ скоро совѣту Миллера и принялся за поправки и дополненія, но академикъ рѣшительно не удовлетворялся этимъ. «Казанскую исторію, писалъ онъ 27 декабря 1764 г., безъ сомнѣнія слѣдуетъ переработать. Кромѣ Лызлова есть много другихъ рукописей и въ особенности лѣтописцовъ временъ Ивана Васильевича, но объ этомъ подробнѣе въ другой разъ ¹⁾»...

«Опытъ казанской исторіи» Рычкова печатался при Академіи уже послѣ отъѣзда изъ Петербурга Миллера, о чемъ авторъ увѣдомлялъ его 18 ноября 1766 года: «Опыту моего казанской исторіи первыя главы Иванъ Ивановичъ Таубертъ съ г. профессоромъ Шлецеромъ посылалъ въ Геттингенъ (?), чтобъ экзаменовать ихъ въ историческомъ собраніи; но наконецъ всю книжку приказалъ онъ печатать съ моего манускрипта и прислалъ уже ко мнѣ семь главъ печатанныхъ, чтò половину книжки сочиняетъ, и требовалъ, дабы я ко оной книжкѣ дедикацію на имя ея величества и предувѣдомленіе поскорѣе прислалъ, чтò я и отправилъ къ нему изъ Оренбурга 28 сентября на его разсмотрѣніе; но по сіе время не имѣю отъ него на то извѣстія. Со оной дедикаціи и предувѣдомленія для вашего свѣдѣнія прилагаю при семь копій. Не погнѣвайтесь, милостивый государь мой, что я тутъ имя ваше употребилъ, не согласясь съ вами: за скоростію сіе сдѣлалъ изъ благодарности и почтенія моего къ вамъ въ сходственность моей идеи. Книжку самую противъ той, какова отъ меня послана была къ вамъ, во многихъ мѣстахъ я поправилъ противъ данной мнѣ отъ васъ казанской лѣтописи. Тутъ же прибавилъ особую главу

¹⁾ V-й портфель писемъ исторіографа Миллера, въ архивѣ академической канцеляріи.

о татарскихъ ханахъ, начавъ отъ Батыя до послѣдняго, по совѣту вашему»...

«Опытъ казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ» напечатанъ въ 1767 году ¹⁾, и въ мартѣ того года Рычковъ представилъ Екатеринѣ II свою книгу, о чемъ говорено уже выше на стр. 54, гл. IV. «Всѣ великіе государи, сказано въ посвященіи императрицѣ, были всегда великіе любители исторіи. Ваше императорское величество, превосходя ихъ..., чтеніе историческихъ книгъ почитаете всегда наипрiятнѣйшимъ упражненіемъ. Потому осмѣливаюсь я сей малый» и пр...

Въ предисловіи Рычковъ выражаетъ сначала желаніе имѣть полную исторію Россіи. «...Да и нѣтъ сомнѣнія, продолжаетъ онъ, чтобъ то не исполнилось. Съ начала санктпетербургской императорской Академіи Наукъ, основанной императоромъ Петромъ Великимъ, отцемъ отечества, потрудились уже и нынѣ въ ней упражняются самые знатные и ученые люди. Собранія, отъ искусныхъ и трудолюбивыхъ мужей учиненныя, и издаваемые въ печать разные манускрипты подъ именемъ Россійской Библіотеки послужатъ къ тому великимъ способомъ и руководствомъ. Начало ея оставилъ уже намъ покойный статскій совѣтникъ Ломоносовъ — примѣръ, достойный подражанія».

«Но... общая исторія всей Россіи, чтобъ быть ей полною и совершенною, по великости имперіи и по множеству ея провинцій, изъ которыхъ въ древнія времена во многихъ бывали особенныя царства и княженія, необходимо требуетъ особенныхъ описаній. Такое описаніе о началѣ Новгорода и великомъ семъ княженіи имѣемъ уже мы ученымъ мужемъ ²⁾ сочиненное; сибирское царство имъ же описано; отдаленнѣйшая Камчатка имѣетъ уже свою исторію ³⁾; новая оренбургская губернія, подъ именемъ исторіи и топографіи, по возможности моей представлена... Исторія казанскаго царства, по ея многимъ перемѣнамъ, мѣшавшимъ съ исторіею о всей Россіи, была бъ для насъ еще важнѣе и полезнѣе

¹⁾ Въ 8^о, 10 нел. стр. (посвященіе и предисловіе), 196 стр. и реестръ на 36 нел. стр.

²⁾ Миллеромъ.

³⁾ Крашененникова.

сибирской... Опытъ сей казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ послужить къ тому началомъ»...

Отсутствіе исторической критики и ученыхъ пріемовъ—главные недостатки этого труда Рычкова. Какъ перерабатывалъ онъ имѣвшіеся подъ руками его матеріалы, видно изъ собственнаго его разсказа на стр. 67 о спискахъ казанскаго лѣтописца: «въ послѣдованіи сего Опыта, всѣ оныя списки, сличая, буду считать за одинъ и стану изъ нихъ сокращать и вносить здѣсь одно то, что покажется мнѣ вѣроятнѣе, достойнѣе примѣчанія и съ нынѣшнемъ состояніемъ сходственнѣе»... Рычковъ, что впрочемъ нерѣдко встрѣчаемъ и у современныхъ намъ составителей статей по русской исторіи, не понималъ различія между первоначальными источниками и вспомогательными и пользовался ими безразлично. Такъ Миллеръ ему указывалъ, что онъ сдѣланное Пестриковымъ извлеченіе изъ лѣтописи положилъ въ основаніе всему своему разсказу, какъ первоначальный источникъ, а между тѣмъ Пестриковъ составлялъ свое извлеченіе въ тѣ времена, въ которыя жилъ и Рычковъ, и притомъ изъ тѣхъ же лѣтописцовъ, которые были, какъ оказалось послѣ, и въ рукахъ Рычкова.

Въ «Опытѣ казанской исторіи» нѣтъ также того, что дѣлаетъ донинѣ «Оренбургскую Топографію» полезною книгою для справокъ,—это по возможности обстоятельныхъ, собранныхъ очевидцемъ извѣстій о современномъ состояніи края. Четырнадцатая глава «Опыта» озаглавлена «О мѣстоположеніи города Казани и о нынѣшнемъ состояніи онаго» и есть ничто иное, какъ краткое описаніе, сдѣланное тѣмъ же Пестриковымъ въ 1739 году, т. е. почти за тридцать лѣтъ до выхода книги.

Шлецеръ посвятилъ и этому сочиненію Рычкова довольно обширную рецензію ¹⁾, гдѣ высказалъ, что о казанскомъ царствѣ существуютъ на русскомъ языкѣ множество рукописныхъ сказаній то искаженныхъ, то интерполированныхъ и, стало быть, требующихъ такой же трудной и тонкой критики, какъ и всѣ прочія русскія лѣтописи. «Однако, продолжаетъ Шлецеръ, всѣ эти рукописныя сказанія, кажется, принадлежатъ одному сочинителю, именно неизвѣстному русскому XVI вѣка, который попалъ въ

¹⁾ Göttingische Anzeigen, 1769, B. 2, SS. 1340—1349.

Казань плѣннымъ и жилъ двадцать лѣтъ при дворѣ Сигъ-Гирей... Г. Рычковъ предлагаетъ извлеченіе изъ этой лѣтописи, но не столько для удовлетворенія читателя, сколько для возбужденія любопытства и вниманія его въ качествѣ предвозвѣстника полнѣйшаго описанія примѣчательной казанской губерніи, котораго желаетъ и онъ, и каждый другъ и знатокъ исторіи... Въ первой главѣ говорится о древнихъ обитателяхъ казанскаго края. Здѣсь много темнаго, но не по винѣ трудолюбиваго автора—его ввели только въ заблужденіе плохіе руководители. Лызловъ, писавшій въ 1690 г., рагузенинъ Орбини, который переведенъ по приказанію Петра въ 1722 году, Бароній и тому подобные не имѣютъ уже болѣе никакого значенія при изслѣдованіяхъ о темныхъ и сбивчивыхъ временахъ переселенія народовъ, и мы желали бы лучше вмѣсто ихъ видѣть имена Дюканжа, Пейсонеля, Дегиня, Эрбло и др. Никогда славяне не жили на Волгѣ, а тѣмъ менѣе переходили, какъ баснословить Орбини, изъ Скандинавіи чрезъ Померанію къ Каспійскому морю. Историкъ въ 1767 г. не долженъ вовсе упоминать подобныхъ разказовъ, или же говорить о нихъ такъ, какъ взрослый человекъ говоритъ о глупостяхъ своего дѣтства. Геродотъ зналъ объ этихъ странахъ очень мало, а его послѣдователи Страбонъ, Плиній и пр. еще менѣе. Что за народъ были булгары—это теперь еще загадка... Въ заключеніе Шлецеръ говоритъ: «Теперь слѣдуетъ прежде всего собрать съ польдюжину казанскихъ лѣтописей и напечатать лучшую и полнѣйшую изъ нихъ *in extenso* и буквально, какъ Никоновскую Лѣтопись, а отиѣны остальныхъ помѣстить на поляхъ. Голое извлеченіе возбуждаетъ только любопытство, не удовлетворяя его; возбуждаетъ смущеніе въ историкѣ; распложаетъ давнишнія заблужденія лѣтописцевъ-неучей и подаетъ поводъ къ высиживанію новыхъ заблужденій»...

Рычковъ услышалъ объ этомъ разборѣ въ 1770 г. и тотчасъ же просилъ Миллера о доставленіи ему статьи хотя бы только для прочтенія. Желаніе его вскорѣ за тѣмъ было исполнено, но справедливыя замѣчанія Шлецера не были ему по-сердцу, и онъ подъ вліяніемъ раздраженнаго авторскаго самолюбія писалъ, 2 іюня 1770 г., къ Миллеру: «Рецензію г. Шлецера я читалъ. Она меня не трогаетъ, но показываетъ въ разныхъ мѣстахъ чрез-

мѣрное самолюбіе, или паче самохвальство сочинителя ея. Неуваженіе тѣхъ писателей, которыхъ я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употреблялъ, не заслуживаетъ (?) возраженія. Славяна-ль по Волгѣ жили, или татара въ старину подѣ именемъ болгаръ, онъ и самъ не знаетъ и ничего не утверждаетъ. Сіе ему, какъ историку, чести не дѣлаетъ (!), но что тутъ въ давнія времена русскіе и новгородцы находились, на сіе мы очень много находимъ у себя вѣроятныхъ доказательствъ. Оставляю сіе»...

Изъ писемъ Рычкова къ Миллеру въ 1768 и 1769 годахъ видно, что первый занимался матеріалами, касающимися исторіи Астрахани и 31 января, 1769 г., послѣ отсылки двухъ первыхъ частей ея, писалъ: «Ко астраханской исторіи принадлежащаго имѣю я у себя только Разина бунтъ, и тамошнее отъ него раззореніе описано съ нарочитымъ пространствомъ. Я думаю сіе внести къ симъ собраніямъ особою частію, начавъ сперва тамошнимъ замѣшательствомъ, причиненнымъ отъ Марины Сендомирской побѣгомъ ея туда; потомъ бунтъ Разина, а напоследокъ въ 1704 году при Петрѣ Великомъ бывшее замѣшательство, о которомъ Страленбергъ упоминаетъ»...

По полученіи отъ Миллера примѣчаній и дополненій на первыя двѣ части астраханской исторіи, Рычковъ 1 августа 1769 года отвѣчалъ: «...Примѣчанія ваши неоднократно я читалъ: они достойны великаго вниманія. Я къ моему сочиненію намѣренъ ихъ, переведа на русской языкъ, особымъ примѣчаніемъ сообщить; но прежде нежели сіе учиню, оное примѣчаніе на ваше разсужденіе къ вамъ сообщу и буду слѣдовать вашему наставленію. Подлинно, что столь отдаленныя отъ насъ времена инако не можемъ мы разбирать какъ догадками, но кто просвѣщеннѣе науками и достаточенъ во чтеніи, тотъ основательнѣе и ближе приходитъ къ истинѣ, покрайней мѣрѣ къ вѣроятности. Мнѣ кажется и наши лѣтописцы (sic), хотя они и не самимъ Несторомъ писаны, не во всѣхъ случаяхъ отвергать надобно. Въ списокѣ Никона патріарха, кой въ печать изданъ, Команы и Русь не въ одномъ мѣстѣ за единъ народъ признаваются. Другіе гораздо сего старѣе тоже утверждаютъ. Равномѣрно и о Тмуторокани еще во время царя Ивана Васильевича говорили и писали (что и въ вашей, сообщенной ко мнѣ выпискѣ изъ лѣтописи сего государя показано), что она тутъ

была, гдѣ нынѣ Астрахань. И такъ сіе мнѣніе гораздо старѣе Лызлова и уже прошло ему болѣе двухсотъ лѣтъ. Уповаю и тогда были какія нибудь о семъ сказанія иль старыя люди, сему послѣдовавшіе. Преподобный Несторъ, упоминая многія княжества, весьма мало изъясняетъ о ихъ мѣстоположеніяхъ. Имъ самимъ сказуемую Тмуторокань не трудно къ нынѣшнимъ астраханскимъ предѣламъ причестъ, разсуждая разные набѣги и уходы, въ Тмуторокань бывшіе. Вотъ, дражайшій другъ, почти все то, что я на примѣчанія ваши сказать могу.

Сочиненіе, о которомъ говорится въ сейчасъ приведенныхъ выпискахъ изъ писемъ Рычкова, напечатано было въ Москвѣ въ 1774 году, подъ заглавіемъ: «Введеніе къ Астраханской топографіи, представляющее въ первой части разныя извѣстія о древнемъ состояніи сей губерніи и обитавшихъ въ ней народовъ; а во второй — о покореніи сего царства подъ державу російскихъ монарховъ», въ 8^о, на 76 стр.

Этотъ трудъ Рычкова не имѣетъ никакой цѣны, потому что здѣсь еще болѣе замѣтны поспѣшность и полнѣйшее отсутствіе критики, такъ что авторъ не дѣлаетъ никакого различія, наприм. между лѣтописцами и Лызловымъ; Эминимъ, творцемъ російской исторіи и Миллеромъ и т. д., но всѣхъ ихъ приводитъ съ одинаковою вѣрою въ ихъ непогрѣшимость.

Изъ писемъ Рычкова къ Миллеру можно видѣть, что сверхъ обмѣна мнѣній по поводу печатавшихся отъ времени до времени сочиненій перваго, онъ сообщалъ ему разныя свѣдѣнія по части географіи и исторіи оренбургскаго края.

Такъ 26 февраля 1758 года Рычковъ доставилъ Миллеру роспись картъ и журналовъ, хранившихся въ Оренбургѣ при «географическихъ дѣлахъ». Въ отвѣтѣ своемъ 30 мая 1758 г. Миллеръ писалъ ¹⁾: «Я не знаю что изъ нихъ выбрать—всѣ хороши и всѣ надобны, а при оренбургской канцеляріи надобны-ли, того мнѣ неизвѣстно. Ежели тамъ не надобны, то кажется бы можно учинить канцелярское опредѣленіе, чтобъ для вящей пользы и для поправленія и дополненія російскаго атласа послать оныя въ Академію. Можетъ быть сыщется въ оренбургской канцеляріи и

¹⁾ П портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ, въ архивѣ академич. канцеляріи.

указъ, при которомъ оный атласъ въ тамошнюю, какъ во всѣ прочія губерніи, посланъ въ такой силѣ, чтобъ сообщить въ Академію все, что служить можетъ оному атласу въ поправленіе и дополненіе. И изъ прочихъ губерній уже не мало ландкартъ сообщено. Чего ради и оренбургская губернія потому же исполнить можетъ: но сіе я пишу токмо примѣромъ, а больше полагаюсь на собственное ваше раченіе и услужливость, довольно вѣдая, что сими качествами болѣе добра дѣлается въ канцеляріяхъ, нежели многократно подтвержденными приказами»...

19 октября 1758 года Рычковъ увѣдомлялъ Миллера: «я приказалъ при здѣшнихъ географическихъ дѣлахъ новую ландкарту сочинять такъ, чтобъ на оной всѣ здѣшнія и сибирскія пограничныя мѣста и смежныя къ нимъ народы до самой китайской стѣны показаны были съ частію китайскаго государства, коя къ Россіи ближе... Вы, уповаю, простите мнѣ, что я въ незнаемыхъ и неописанныхъ мѣстахъ извѣстную вамъ Страленбергову карту и приложенную при переводѣ татарской исторіи Абулгази Хана французскую (печатанную въ Лейденѣ) употребить велѣлъ, ибо безъ того о тамошнихъ мѣстахъ полной идеи имѣть намъ не можно бѣ»... 3 декабря того же 1758 года, Рычковъ эту карту доставилъ въ Академію.

По требованію Миллера, Рычковъ 28 іюля 1759 года общалъ ему: «киргизцы называютъ себя просто казаками, а иногда и съ приложеніемъ слова кыргызъ, или кыргызъ-казакъ. Слово кыръ значить на ихъ собственномъ языкѣ степь, а казакъ — вольный человекъ; изъ чего слагается степной или вольной человекъ. Сара-казакъ почти тожь, только съ персидскаго языка, ибо сара на персидскомъ языкѣ — степь. Степь еще и алаизъ называютъ здѣшніе народы; потому изъясненіе исецкихъ башкирцовъ, вамъ учиненное, не ложно»...

Въ 1759 году былъ отправленъ въ среднюю киргизъ-кайсацкую орду геодезистъ, который, возвратясь оттуда, сочинилъ карту всѣмъ посѣщеннымъ имъ мѣстамъ. Ее Рычковъ также переслалъ Миллеру, равно какъ и вѣдомости всѣхъ горныхъ заводовъ въ губерніяхъ оренбургской и казанской.

25 ноября 1759 г. онъ же писалъ Миллеру: «усматривая изъ письма вашего, съ какою благоугодностію принимаются у

вась новья ландкарты, прилагаю при семь карточку Закамской линіи, которую я во второй части моей Топографіи при описаніи Ставропольскаго вѣдомства обстоятельно описалъ, наипаче для того, что сія линія, какъ уже покинутая, а многимъ казеннымъ коштомъ строенная, со временемъ оставить о себѣ малые токмо признаки и подасть причину къ разнымъ мнѣніямъ. Уповаю, сіе апробовать изволяте...

Въ письмѣ отъ 16 декабря 1759 года онъ такъ объясняетъ извѣстный у киргизовъ обычай: «баранта разумѣется захватъ въ такомъ случаѣ, ежели киргизецъ одинъ у другаго украдетъ что-либо и добровольно не отдаетъ, то обиженный старается отогнать или отхватить лошадей, а иногда и людей захватываютъ и такъ долго держать, пока къ раздѣлкѣ принудятъ. Такимъ образомъ и цѣлые роды одинъ за другимъ разбираются. Да и въ здѣшнихъ дѣлахъ захватъ киргизцевъ повелѣно чинить, когда они воровство или злодѣйство учинятъ».

24 февраля 1760 года Рычковъ доставилъ Миллеру «записку о экспедиціи князя Бековича», говоря притомъ: «я здѣсь болѣе извѣститься о томъ не могъ». Между тѣмъ въ томъ же году въ январской книжкѣ «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» (стр. 1 и слѣд.) Миллеръ помѣтилъ «Извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о строеніи крѣпостей при рѣкѣ Иртышѣ». Здѣсь между прочимъ упоминается вкратцѣ о посылкѣ князя Александра Бековича Черкаскаго въ Хиву съ офицерами Александромъ Когинымъ (sic) и княземъ Васильемъ Урусовымъ. Прочитавъ эту статью, Рычковъ, 16 марта 1760 года, писалъ къ Миллеру, что о князѣ Бековичѣ сообщилъ ему со словъ генераль-маіора Тевкелсва. «Съ великимъ удовольствіемъ читалъ я, продолжаетъ Рычковъ, сочиненіе вашего высокоблагородія о песошномъ золотѣ и пр. Сожалѣю, что за отлученіемъ моимъ отсюда трудно будетъ выписать о крѣпостяхъ иртышскихъ, ниже Омска построенныхъ, такожъ и о тѣхъ, кои по Ишиму строены: нынѣ всѣ оныя Новою Сибирскою линіею именуются. Сіе началось въ 1743 году, когда Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ въ Шадринску видѣлись. Я съ Иванъ Ивановичемъ тамъ былъ, и все дѣло

было моихъ рукъ по тогдашнему времени въ разсужденіи зюнгорцевъ, частью же и для китайцевъ. Ежели вы формально отъ меня о семь потребуете, то изъ деревни формально жь потребую выписки изъ канцеляріи и васъ оными примѣчаніями оттуда увѣдомлю. Въ описаніи оренбургскомъ хотя и есть о томъ, но очень кратко: я его писалъ не ради того, чтобъ ему напечатану быть».

«Видно, что вамъ трудно находить обстоятельныя извѣстія, касающіяся до экспедиціи князя Александра Бековича ¹⁾. Мое, здѣсь учиненное можетъ служить за нѣкоторое дополненіе. Князь Василій Алексѣевичъ Урусовъ едва былъ ли съ Бековичемъ. Онъ здѣсь главнымъ командиромъ былъ и меня безмѣрно любилъ. Про Бековича я отъ него ничего не слыхалъ. То знаю, что онъ съ Кожинымъ для описанія Каспійскаго моря отъ государя посыланъ былъ, и оное описали они обстоятельно. Достохвальное ваше раченіе ко описаніямъ въ здѣшней сторонѣ имѣющихъся владѣній влагаетъ мнѣ мысль когда нибудь, а паче по возвратѣ изъ отпуску извѣстіями объ оныхъ служить. Сіе можетъ со временемъ третью часть составить здѣшняго описанія»...

6 апр. 1760 г. Рычковъ послалъ Миллеру копию съ инструкціи, данной Петромъ Великимъ князю Александру Бековичу Черкасскому, и съ двухъ указовъ поручику Кожину. Эти матеріалы попались Рычкову въ копіяхъ съ писемъ государя къ генералъ-адмиралу Апраксину. 23 мая того же года къ Миллеру же доставленъ стараніями Рычкова «проспектъ г. Оренбурга», сочиненный инженеръ-капитаномъ Ригельманомъ.

Миллеру были надобны извѣстія о добываніи сѣры около Волги, и Рычковъ 3 іюня 1760 г. писалъ по этому случаю: «Сѣрной заводъ на той сторонѣ (т. е. на правой по теченію) Волги, отъ города Самары, какъ помнится, версть 18 или 20, къ оренбургской губерніи не принадлежитъ. Я тамъ самъ неоднократно

¹⁾ Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ первой печатной статьи Миллера о князѣ А. Черкасскомъ, въ изданномъ 1772 г. «Журналѣ или подневной запискѣ» Петра Великаго т. II, стр. 341 — 397, сообщены подробныя и обстоятельныя извѣстія о неудачной экспедиціи этого князя въ Хиву. Въ Москвитинѣ 1842 года, часть VI, № 12, Ист. матер., стр. 373 — 394, «Записка о поѣздкахъ Александра Бековича князя Черкаскаго къ восточному берегу Каспійскаго моря и о сухопутной экспедиціи его въ Хиву». Записка эта составлена также на основаніи современныхъ матеріаловъ.

бывалъ проѣздомъ, но не любопытствовалъ. То только знаю, что онъ на самомъ берегу Волги подъ высокой горой. Сѣрную землю выкапываютъ тутъ изъ горы и вывариваютъ изъ нея сѣру. А сѣрнымъ ключамъ быть тутъ не надѣюсь; попадаетъ же тутъ и натуральная сѣра, цвѣтомъ и чистотою подобная янтарию. Помнится я нѣсколько кусочковъ до вашего высокоблагородія ея отправилъ. Ожидаю къ себѣ въ гости изъ Ставрополя г. подполковника Куроѣдова, кой въ тамошней канцеляріи присутствуетъ и мнѣ дядя. Онъ, по близости сего мѣста находясь, все знаетъ. Я, отъ него извѣстясь, васъ увѣдомлю, а можетъ быть и самъ тамъ не буду ль. О пригородѣ Сергіевскѣ во второй части моей Топографіи найдете вы по обстоятельнѣе, нежели въ первой. Только нынѣ при ономъ сѣрнаго и никакого завода тутъ нѣтъ. Бывшій тутъ заводъ сѣрной перенесенъ на вышеозначенное мѣсто за Волгу. Чертежи оренбургскихъ публичныхъ строеній вмѣсто того, чтобъ имъ праздно у меня лежать, рассудилъ я нынѣ къ вамъ отправить; не пригодятся-ль они у васъ? У меня къ черной книгѣ въ концѣ также сообщены по сему: 1. Церковь соборная лѣтняя. 2. Тожъ зимняя. 3. Приходская петропавловская. 4 и 5. Троицкая и никольская. 6. Загородная св. Георгія. 7. Губернская канцелярія. 8. Губернаторскій домъ. 9. Гостинной дворъ. 10. Мѣновой дворъ. 11. Питейные выходы, надъ которыми полиція и корчемная контора. 12. Артиллерійской дворъ. 13. Соборная церковь въ Ставрополѣ. 14. Тожъ въ Троицкой крѣпости. Все каменное».

(Р. S). «Г. Подполковникъ Куроѣдовъ у меня здѣсь уже былъ. О сѣрномъ заводѣ обстоятельное извѣстіе онъ обѣщалъ мнѣ прислать изъ Ставрополя, къ чему я ему записку далъ. Между тѣмъ онъ меня увѣрилъ, что сѣрную землю изъ горы добываютъ, а не изъ ключей вывариваютъ. Заводъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи. Для работы приписано нѣсколько крестьянъ ясашныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые и въ здѣшней губерніи въ пригородѣ Сергіевскѣ живутъ. Командиромъ опредѣляется офицеръ отъ помянутой канцеляріи. Онъ привезъ мнѣ нѣсколько самородной сѣры, но я помню, что оной кусокъ нарочитой величины къ вашему высокоблагородію я послалъ».

Въ июлѣ Рычковымъ доставлено обѣщанное извѣстіе о сѣрномъ заводѣ, но его не сохранилось въ видѣнныхъ мною бумагахъ Миллера.

Въ апрѣльской книжкѣ 1760 г. «Сочиненій и переводовъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ» Миллеръ помѣстилъ свое изслѣдованіе «О началѣ и происхожденіи казаковъ», гдѣ (на стр. 307) говоритъ, откуда могло произойти названіе казакъ, а также и о ящичихъ казакахъ, при чемъ (стр. 322) есть ссылка на Оренбургскую исторію Рычкова. Послѣдній, 5 іюня 1760 года писалъ объ этомъ къ академику: «Мнѣ никакой противности нѣтъ, что при описаніи происхожденія казачья Исторію Оренбургскую сокращеніе и не тѣми словами навели, какъ въ ней написано; но то, что вы Сакмарскъ показали на устьѣ рѣки Сакмары (стр. 326), требуетъ, кажется, изъясненія, ибо онъ отъ устья ввѣрхъ верстъ съ 50; по меньшей мѣрѣ 40 ниже Сакмарска—Сейтова слобода и Бердская казачья. О семъ изъ моего описанія ясныя изволите усмотрѣть. Прочее все великой похвалы достойно»...

18 февраля 1762 г. Рычковъ послалъ къ Миллеру уцѣлѣвшую у него часть Географическаго Лексикона Татищева, а 26 мая того же года писалъ: «ежели я буду по досужнѣе, то, исправя, до вашего высокоблагородія сообщу Василья Никитича сочиненія. Я сберу всѣ, сколько у меня ихъ отъ пожарнаго случая осталось, и до васъ по частямъ буду сообщать. Весьма много тутъ найдется достойнаго къ внесенію въ мѣсячныя книжки.... Уфинскую, такъ называемую Золотую Книгу нынѣ достать уже не можно, потому что всѣ тамошнія дѣла и архивъ погорѣли. А городъ Уфа послѣ казанскаго взятія спустя года три или четыре застроенъ. Трудно такія извѣстія точно показывать, гдѣ къ сохраненію ихъ никакого тщанія никогда не имѣлось»...

7 ноября 1768 г. Рычковъ, послѣ полученія отпечатанныхъ Миллеромъ въ Москвѣ листовъ «Исторіи російской», Татищева, увѣдомлялъ: «за сообщенный мнѣ экземпляръ трудовъ его превосходительства Василья Никитича Татищева покорнѣйше благодарю. Что до примѣчанія моего надлежитъ на стр. 277 и слѣд., гдѣ описалъ его превосходительство титулъ по содержанію моего сообщеннаго къ нему извѣстія¹⁾, то помнится на требованіе ваше

¹⁾ Во 2-й части I-й книги «Исторіи росс.» Татищевъ на стр. 277 упоминаетъ

доносили уже я вамъ, что какъ татарское ахуномъ сочиненное, такъ и переводъ съ него между прочихъ книгъ, у меня имѣвшихся, въ бывшій въ домѣ моемъ пожаръ згорѣли. Ежели оное вамъ нужно, то уповаю Евграфъ Васильевичъ (сынъ Татищева) не можетъ ли приискать у себя то самое, которое я къ покойному родителю его послалъ; но мнѣ мнится, что въ томъ большой нужды нѣтъ: оное ахуномъ сочинено было тогда, когда я Абулгазіи хановой исторіи у себя не имѣлъ, а нынѣ, справясь съ оною, доношу».

«Въ главѣ 3-й описываетъ онъ точно, что Аланча ханъ имѣлъ двухъ сыновъ близнецовъ: одинъ назывался Татаръ, а другой — Могуль; изъ коихъ отъ перваго родъ татаръ произошелъ, которыхъ многія племена или поколѣнія описаны у него особливо во 9-й главѣ. И такъ невозможно сказать, чтобъ совсѣмъ неизвѣстно было, отчего имя Татаръ произошло и гдѣ начало имѣло (стран. 277, строки 2 и 3¹). Я думаю, что оно исчезло или угасло для бывшихъ у мугульцовъ съ татарами великихъ и частыхъ междоусобей. Не множество-ль примѣровъ въ исторіи, что имена народовъ премѣнились, и такія званія нынѣ употребляются, кои ни малаго сходства съ древними не имѣютъ, да и не знаютъ уже они головой, какъ назывались они встарину. Въ Топографіи моей стр. 73 и 74, часть I, сіе жъ означено. Во второй части на стр. 48 и слѣд. упомянулъ я и вышеозначенное ахунское сочиненіе (ибо тогда было оно еще въ рукахъ моихъ), гдѣ извольте еще усмотрѣть, что до сего имени принадлежитъ. Впрочемъ, не знаю я оснований, по которымъ Василій Никитичъ сказанія Абулгазіевы (на стран. 279) отвергаетъ».

«На стр. 278 сверху строка 14 — Карабанъ татара живутъ на острову *сосенаго* озера. Думаю, что надлежитъ быть соленаго озера. По обстоятельству можетъ быть то Аральское озеро, но и другихъ соленыхъ и островистыхъ озеръ тамъ много. Станетъ, что въ древности имѣли обычай золотить зубы они *яно старье-*

наетъ о доставленіи ему «любомудрымъ ассессоромъ» Рычковымъ свѣдѣній о татарахъ, о чемъ, см. выше стр. 18.

1) Татищевъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ: «что имени татаръ принадлежитъ, отчего оно произошло и гдѣ начало имѣло, о томъ никто не извѣстенъ, хотя ученыхъ было довольно»...

«*оіе почитаются* — опечатка: надлежитъ конечно читать: яко старѣйшіе».

«Тутъ же сверху строка 26, гдѣ жилъ 25 лѣтъ, надлежитъ быть 250 лѣтъ, какъ то и у Абулгасія читается¹⁾».

«Имена Афетовыхъ дѣтей по Абулгасію: 1. Туркъ. 2. Гарабъ. 3. Сакланъ. 4. Русъ. 5. Маникакъ. 6. Звинъ. 7. Конарь. 8. Гарахъ. Кажется мнѣ, что ахунъ нѣсколько выписывалъ и изъ Абулгасіевой исторіи; но можетъ быть списокъ его былъ противъ переводу французскаго и русскаго въ семь мѣстъ инаковъ».

«Вотъ все, что я по письму вашему объявить нынѣ могъ. Впрочемъ, примѣтилъ я много опечатокъ и неясныхъ словъ въ напечатанномъ экземплярѣ. Видно, что и тотъ самый, который отъ Евграфъ Васильевича сообщенъ въ университетъ къ печатанію, не сходенъ съ подлиннымъ и имѣетъ множество ошибокъ. Весьма изрядно предостерегли вы честь свою въ вашемъ предувѣдомленіи»...

VI.

Доставленіе Рычковымъ извѣстій въ Академію Наукъ по части естествовѣдѣнія. Статьи его, помѣщенные въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. Сношенія его съ современными писателями и учеными. Участіе въ ученой экспедиціи сына его, Николая Петровича Рычкова. Посѣщеніе с. Спасскаго академиками Лепехинымъ, Палласомъ и другими.

Всѣ точныя науки въ послѣднее время сдѣлали громадныя успѣхи и далеко опередили то, что еще недавно казалось въ нихъ едва досягаемымъ. Вотъ почему большая часть новѣйшихъ специалистовъ по этимъ наукамъ почти всегда пренебрегаютъ историческою стороною своей науки. Гордые только вчера добытыми результатами, они заняты только ими и оставляютъ безъ вниманія и длинный путь, который велъ къ позднѣйшимъ открытіямъ, и труды и усилія предшествовавшихъ дѣятелей, быть можетъ заблуждавшихся, но тѣмъ не менѣе облегчавшихъ возможность этихъ

¹⁾ Всѣ замѣченныя Рычковымъ опечатки исправлены и стр. 278 перепечатана. Только по недосмотру, вм. старѣйшіе, и здѣсь напечатано «старѣйшіе».

открытій. При всемъ глубокомъ уваженіи къ специалистамъ, изучающимъ свою науку въ ея послѣднемъ фазисѣ развитія, я, однако, смѣю думать, что для полнаго пониманія этого развитія, для вѣрной оцѣнки каждой вновь добытой истины, наконецъ, для уразумѣнія того направленія, которому надобно слѣдовать для дальнѣйшаго преуспѣянія науки, для всего этого мало одного, хотя бы даже и глубокаго знанія современнаго состоянія науки. Знакомство съ ея прошедшею судьбою и съ трудами нашихъ предшественниковъ, даже ихъ ошибки и заблужденія при отысканіи истинъ, все это служитъ въ поученіе тому, кто хочетъ не только вполне овладѣть наукою, знать настоящіе ея успѣхи, но и содѣйствовать успѣхамъ ея въ будущемъ.

Современный естествоиспытатель, взглянувъ на содержаніе настоящей главы, быть можетъ встрѣтитъ съ недовѣріемъ, если не болѣе, имя Рычкова являющимся въ лѣтописяхъ естественныхъ наукъ въ Россіи XVIII столѣтія. Между тѣмъ въ дѣйствительности это было такъ. Переписка Рычкова съ Миллеромъ, когда она касается естественныхъ наукъ, лучше всего показываетъ, на какой невысокой степени стояли онѣ не далѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ. Незнакомый даже съ азбукою предмета, Рычковъ однако успѣлъ нѣкоторыми изъ своихъ наблюдений и извѣстій упредить дѣятеля съ такимъ громкимъ именемъ въ исторіи естествовѣдѣнія, каковымъ былъ Палласъ. Разгадку тому слѣдуетъ искать въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыя поставленъ былъ Рычковъ, жившій долгое время въ маловѣдомомъ оренбургскомъ краѣ, въ любознательности его, а также въ близкомъ общеніи его съ Академіею Наукъ.

Въ 1758 г. въ *Novi Commentarii Academiae scientiarum imperialis petropolitanae* ¹⁾ была между прочимъ напечатана статья Іоанна Георга Гмелина, подъ заглавіемъ «*Mus aquaticus exoticus Clar. Auctor Raii Synops. quadrup. Russ. выхухоль*». Краткое обозрѣніе ея помѣщено, по принятому тогда обычаю, въ началѣ Комментарій ²⁾, и здѣсь академикъ Миллеръ, тогдашній непремѣнный секретарь Академіи, объяснивъ неточности и противорѣчія разныхъ ученыхъ въ описаніи выхухоли, приводитъ по-

¹⁾ Т. IV, pp. 383—388.

²⁾ Ibid., pp. 46, 49.

томъ извѣстія, которыя Рычковъ доставилъ объ этомъ животномъ, водящемся по берегамъ Волги и Яика (Урала), и заканчивается свой обзоръ такими словами:

Nactenus notitiae a Ritschkovio V. Ampliss. suppeditatae, ex quibus abunde patet, notabilem esse morum diversitatem inter animal Americanum et nostrum, nisi quis suspicari velit, quaedam falsa Sarrazino impacta fuisse ab aliis, aut minus recte ab ipso intellecta, quae forsitan nec in ipsa Canada fidem merentur».

25 февраля 1759 года Миллеръ обратился съ просьбою къ Рычкову о доставленіи изъ оренбургской губерніи разныхъ предметовъ для натуральнаго кабинета барона Александра Сергѣевича Строганова, который составилъ свое собраніе во время заграничнаго путешествія и желалъ пополнить его произведеніями и животными, составляющими принадлежность собственно Россіи, какъ-то: всякаго рода руды и камни съ указаніемъ мѣстонахожденій ихъ; большой кусокъ илецкой соли; кусокъ самородной соли изъ окрестностей Самары; нѣсколько гнѣздъ птички ремеза (*ragus pendulinus*)¹⁾, чучелу землянаго зайца (*mus jaculus*), бѣлужій камень и т. п. «Касательно камня изъ бѣлуги, писалъ тогда же Миллеръ, прошу васъ помочь намъ рѣшить недоумѣніе о его свойствахъ. Когда докторъ Гмелинь и я были въ 1733 году въ Казани, то намъ подарилъ тамъ нѣсколько камней Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, говоря, что ихъ находятъ въ головѣ бѣлуги²⁾. Но потомъ здѣсь разсматривали внимательно нѣсколько бѣлужихъ головъ, въ которыхъ не нашлось подобныхъ камней. Не бываютъ-ли они быть можетъ въ желудкѣ или въ жабрахъ рыбы? Глотаютъ-ли она ихъ или же они зарождаются въ ней? Не встрѣчается-ли такихъ камней на берегахъ рѣкъ, гдѣ водится бѣлуга? Какое употребленіе и какая польза этихъ камней? Подробные отвѣты на эти вопросы будутъ помѣщены въ изданіяхъ Академіи какъ это уже случилось по поводу недоразумѣнія, разрѣшеннаго вами ка-

1) О рѣдкости ремезовыхъ гнѣздъ въ европейскихъ натуральныхъ кабинетахъ упоминаетъ Штраленбергъ на 417 стр. своего сочиненія о Россіи «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia», Stockholm, 1730.

2) Штраленбергъ въ томъ же сочиненіи о Россіи, на стр. 323, 324 говоритъ, что эти камни находятъ въ головѣ бѣлуги.

сательно выхуоли, что заслужить похвалу не только въ Россіи, но и у иностранныхъ народовъ. Не можете ли вы также приказать сдѣлать рисунокъ съ живой выхуоли и доставить его въ Академію?»¹⁾

Рычковъ, по обычной своей услужливости, а также и по тому, что баронъ Строгановъ, какъ зять тогдашняго вице-канцлера, графа Воронцова, былъ вліятельнымъ человѣкомъ, взялся охотно исполнить всѣ эти порученія, о чемъ и увѣдомлялъ подробно Миллера 29 марта 1759 года «Предварительно жъ сіе могу донести, писалъ онъ тогда, что оный камень въ головѣ бѣлуги никогда не находится, а находятъ по ббольшой части въ желудкѣ ихъ. Земляные зайцы здѣсь находятся. У нихъ переднія ноги весьма короткія, а заднія очень долги. Поймать и побитыхъ переслать ихъ нетрудно. Какъ объ нихъ, такъ и о птицахъ, какихъ въ вашей сторонѣ не находится, закажу и пересылкою оныхъ служить не премину»...

6 мая 1759 года, Рычковъ, посылая въ Академію чучелу выхуоли, писалъ: «ее прислали ко мнѣ изъ Сорочинской крѣпости (которая отсѣль²⁾ въ 176 верстахъ по рѣкѣ Самарѣ); послана живая, и въ пути была жива сутки, потомъ издохла. Вы сами изволите усмотрѣть, что весь запахъ состоитъ у нее въ хвостѣ, а шерсть, уповаю, отъ онаго духу набирается, и пахнетъ тѣмъ же и со временемъ выдыхается. Въ рту у нея сверху только два зуба весьма острые и всегда наружѣ, одинъ съ другимъ очень плотно соединены; видомъ они на подобіе сошниковъ. Больше ничего примѣчанія достойнаго объ ней не знаю»...

13 мая 1759 года: «...при семъ посылаю три гнѣздышка резиновыхъ, которыя я вчера съ получилъ отъ воеводы исецкой провинціи. О птичкѣ пишетъ онъ, что еще поймать не могли: какъ поймана будетъ, то пришлетъ. О гнѣздахъ никакого иного примѣчанія сообщить не могу кромѣ сего, что здѣсь у женщинъ есть обыкновеніе по кусочку изъ оныхъ класть на уголье и окуривать тѣмъ въ домахъ, а особливо дѣтей—признавають, что то здорово. Я сіе пробовалъ: духъ отъ сего куренья показался мнѣ непроти-

¹⁾ П портфель писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ лицамъ, 1757—1759 годовъ.

²⁾ Отъ Оренбурга.

вентъ; но вы сами сіе лучше изслѣдовать можете»... Впослѣдствіи Рычковъ выслалъ нѣсколько чучель ремеза, а 1 іюля 1759 года добавлялъ: «Ремезовы гнѣзда бывають по бѣльшей части на таловыхъ кустахъ и на березовыхъ сучьяхъ обыкновенно близъ воды. Матерія, изъ коей гнѣздо состоитъ, по бѣльшой части таловой цвѣтъ и нѣсколько жиллокъ красивныхъ и другихъ травъ, кои имѣють волокно на подобіе льну. Въ зимнія времена сихъ птичекъ не видать, но куда они отлетаютъ, освѣдомиться я не могъ. Болѣе я не могъ освѣдомиться. Впрочемъ Страленбергово описаніе сея птички и Тициусово, находящееся въ Лейпцигскихъ Комментаріяхъ вашему высокоблагородію не безъизвѣстно».

Труднѣе было Рычкову добыть бѣлужій камень, который наконецъ получилъ отъ яцкаго войсковаго атамана Андрея Никитича Бородина.

«По его объявленію, писалъ Рычковъ къ Миллеру 2 іюня 1759 года, въ бѣлугахъ и въ осестрахъ камни весьма рѣдко находятъ, чтѣ подтверждается и симъ, яко онъ неоднократно ко мнѣ отзывался въ письмахъ, что во всемъ ихъ городѣ не могъ такой камень промыслить, а принужденъ былъ писать въ Гурьевъ и на другія рыбныя ватаги, дабы, отыскавъ, къ нему прислали, и нынѣшній полученъ имъ оттуда.

«Они двоякаго существа: одни бывають морскіе и рѣчные, поглощенные помянутыми рыбами, находятъ въ кутыряхъ, то есть въ желудкахъ тѣхъ рыбъ. Сіи весьма крѣпки и во всемъ подобны тѣмъ, которые въ тамошнихъ водахъ ordinarily находятъ и отъ натуральныхъ камней никакого различія и особенности не имѣють. И такъ мое прежнее донесеніе, что тѣ камни не въ головахъ оныхъ рыбъ, но въ желудкахъ находятъ, основано было на семъ родѣ. Однакожь я, въ моихъ пунктахъ сумнѣваясь, о истинѣ не оставилъ г. войсковаго атамана нарочно спрашивать и о томъ: одново-ль свойства тѣ камни или разныхъ и не суть-ли поглощенные рыбами изъ морскихъ и рѣчныхъ каменьевъ, чтѣ, какъ выше значить, и не напрасно я учинилъ; да и Страленбергъ во описаніи своемъ такого-жъ мнѣнія былъ».

«О другомъ настоящемъ, т. е. въ бѣлугѣ родящемся камнѣ, г. войсковаго атаманъ объявляетъ, что онъ находится не въ кутырѣ, т. е. въ желудкѣ, и не въ кишкахъ помянутыхъ рыбъ, но

есть у нихъ жила къ наросту по ниже клея, на которой обыкновенно у сихъ рыбъ, а именно: у самцовъ жировые молоки, а у самокъ икра ложится; и на концѣ-де оной жилы бываетъ кошелекъ или перепонка, гдѣ тотъ камень находится, но весьма не во многихъ и очень рѣдко. А кромѣ сего мѣста въ кутыряхъ и нигдѣ индѣ не находится. При томъ случаѣ какъ сей камень изъ рыбы вынимается, есть онъ мягокъ, а когда пообсохнетъ, тогда бываетъ крѣпокъ, однакожь теркою отирать или ножемъ оскабливать его можно. О матеріи его и къ чему онъ пригоденъ объявилъ г. атаманъ, что у нихъ неизвѣстно; но я отъ многихъ яицкихъ старшинъ и казаковъ, да и отъ покойнаго войсковаго жъ атамана Ильи Меркулева слыхалъ, что наскобля его даютъ женщинамъ въ самыхъ трудныхъ родахъ и якобы отъ того дѣлается имъ весьма скорое разрѣшеніе, но безъ крайней нужды на то его не употребляютъ. Сей камень, который я нынѣ посылаю до васъ, имѣетъ фигуру на подобіе сердца цвѣтомъ изъ желта бѣловатъ; наружность его ноздревата, но внутренность крѣпче и поскобленная даетъ видъ и глянецъ, схожій къ рыбной кости. Впрочемъ чувствуется отъ него изрядный запахъ, но изъ какихъ матерій онъ состоитъ—сіе ваше высокоблагородіе достовѣрнѣе испытать изволите. Впрочемъ отъ г. доктора Риндера, находящагося здѣсь, слышалъ я, что онъ такіе камни имѣлъ напередъ сего разныхъ фигуръ, но всѣ были они цвѣтомъ бѣловаты, такъ какъ и вышеописанный. А матерія-де ихъ имѣетъ сходство съ жерновкой, т. е. съ камешками, изъ раковъ вынимаемыми (Krebs Stein)».

При донесеніи сего не могъ я пременить и о семъ васъ увѣдомить, что я какъ отъ яицкихъ, такъ и отъ башкирскихъ старшинъ и гулебщиковъ неоднократно слыхалъ, якобы изъ дикихъ свиней, коихъ на зайицкой степи весьма много, у большихъ кабановъ, или вепрей, въ головахъ изрѣдка попадаются каменья жъ; но мнѣ ихъ видывать не случалось. Помянутый г. докторъ объявлялъ мнѣ, что они находятся у сихъ звѣрей въ желудкахъ, а не въ головахъ, и онъ самъ такой камень видывалъ величиною больше курячева яица. Постараюсь я о семъ удостовѣриться, и, ежели достану и узнаю что либо въ томъ вѣроятное, о семъ ваше высокоблагородіе впредь увѣдомить не примину»...

24 іюля 1759 года: «Отъ 3 числа іюня посылая до васъ бѣ-

лужій камень, доносилъ я, что буду стараться и находящійся въ кабанахъ, то-есть въ дикихъ свиньяхъ, отыскивать. Г. ящичкой войсковой атаманъ Бородинъ на сихъ дняхъ прислалъ ко мнѣ оный чрезъ сына своего, который я имѣю честь при семь до вашего высокоблагородія послать. Вы сами лучше, нежели я, о свойствѣ и надобностяхъ онаго изволите разсудить. По запаху его уринному легко можно понять, что онъ въ пузырьѣ того звѣря родится, какъ то меня и многіе знающіе про то увѣрили; но притомъ сказывали, что онъ весьма изрѣдка у сихъ звѣрей бываетъ. Ящичкіе казаки употребляютъ его съ немалою пользою въ запорахъ урины и въ каменныхъ болѣзняхъ. Да и г. докторъ Риндеръ, здѣсь обрѣтающійся, рекомендуетъ его за немалый въ такихъ случаяхъ способъ. Впрочемъ, его превосходительство г. генералъ-майоръ Тевкелевъ сказывалъ мнѣ, что у киргизъ-кайсаковъ о семь кабаньемъ камнѣ есть разныя суевѣрства, а особливо содержатъ они то, яко бы ихъ колдуны и ворожецы, кладя сей камень въ воду съ нѣкоторыми церемоніями и словами, лѣтомъ — дожди, а зимою бури и всякія непогоды, когда ни похотятъ, могутъ производить, и ежели они, киргизцы, спознаютъ того, кто оный камень при себѣ имѣетъ, почитаютъ его обществу ихъ за вредительнаго человѣка и не токмо бить, но иногда и до смерти убить его стараются»...

Въ ноябрѣ 1759 г. Рычковъ переслалъ къ Миллеру новый камень, встрѣчающійся изрѣдка въ желудкахъ барановъ.

Будучи въ Башкиріи, а также въ своемъ имѣніи, Рычковъ обратилъ вниманіе на весьма рѣдкую въ остальной Европѣ птичку — водянаго воробья (*sturnus cinclus, cinclus aquaticus*). «Я, писалъ онъ 13 января 1760 года, въ нынѣшнюю мою бытность въ Башкиріи на тѣхъ рѣчкахъ, кои никогда не мерзнутъ, моими глазами видѣлъ родъ водяныхъ воробьевъ, кои въ воду ныряютъ и въ берегахъ гнѣзды свои имѣютъ. Для сей особенности остановившись, съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ они вылетаютъ и паки подъ воду уходятъ. Перья на нихъ черноваты; подъ шеей нѣсколько бѣло; величиною немного побольше обыкновеннаго воробья. Одинъ офицеръ обѣщалъ мнѣ, застрѣливъ ихъ пары двѣ, прислать, кои до васъ отправлю»... 22 іюля 1761 года: «Въ Топографіи Оренбургской означено уже отъ меня, что въ здѣшней

губерніи есть особливой родъ воробьевъ, которые гнѣзда свои имѣютъ и дѣтей выводятъ въ береговыхъ норахъ, куда они не иначе входятъ какъ сквозь воду, и для того избираютъ такія рѣки, которыя зимою или всѣ не мерзнутъ или большія полынья имѣютъ и быстрого теченія. Я самъ, въ 1760 году въ январѣ мѣсяцѣ будучи въ Башкиріи, на одномъ мѣстѣ долго на нихъ смотрѣлъ, удивляясь, какъ они то изъ воды вылетали и сидѣли при берегахъ и на закраинахъ льда, то паки въ воду, власно какъ бы брошенной камень, повергались и уходили въ свои норы. Нѣкоторые-жь и въ берегу подъ водою на сучьяхъ имѣвшася тутъ валежника сидѣли, такъ что ихъ тутъ не очень глубоко сквозь чистую и прозрачную воду видѣть было можно. Величина ихъ побольше обыкновеннаго воробья, но перья темная и издали почти черными кажутся; подзобокъ, на груди и на брюхѣ перья у нихъ сѣроваты. Подробно всего затѣмъ я не описываю, что при семъ посылаю до васъ онаго въ натурѣ, который на сихъ дняхъ здѣсь у меня въ селѣ (Спасскомъ) застрѣленъ. Вы сами его разсмотрѣть и описать лучше моего можете. Они и въ здѣшнихъ мѣстахъ не на всѣхъ рѣкахъ и изрѣдка усматриваются, такъ что у меня въ селѣ, когда его усмотрятъ, почитаютъ за диковинку. Простой народъ мнятъ здѣсь, якобы кровью и жиромъ ихъ у людей помазанныя ноги и въ самые жестокіе морозы не зябнутъ; но сіе я отъ достовѣрныхъ слышалъ, что обмороженные у людей члены жиромъ ихъ скоро залечиваются»...

Рычковъ, 30 января 1760 года, увѣдомлялъ также Миллера объ употребленіи, которое дѣлаютъ башкиры изъ обыкновенной крапивы: «въ за-уральской Башкиріи будучи, почти во всѣхъ башкирскихъ деревняхъ видѣлъ, что башкирскія бабы и дѣвки, собирая въ осень крапиву, умѣютъ такъ ее учреждать какъ посконь: прядуть изъ нея нитки и дѣлаютъ изъ нихъ холстины. Я признаваю, что сіе ихъ обстоятельство и рукодѣлье не недостойно описанія. Ежели потребно, то я могу кудели, нитокъ и холста крапивныхъ на разсмотрѣніе отправить. Мнѣ мнится по куделѣ, что веревки и канаты не хуже пеньковыхъ изъ крапивной кудели могутъ дѣланы быть»...

Миллеръ, какъ видно по отвѣтамъ Рычкова, не рѣдко задавалъ ему дѣлать описанія разныхъ предметовъ, встрѣчавшихся

въ оренбургскомъ краѣ. Такъ 6 апрѣля 1760 года Рычковъ писалъ: «О киргизскихъ овцахъ доношу: вообще одинъ родъ ихъ въ обѣихъ ордахъ, то-есть и въ меньшей и въ средней. Они курдюки имѣютъ круглые и толстые на подобіе большихъ и круглыхъ короваевъ, въ коихъ бываетъ ветчинное и другое сало завернуто, и которые о срединѣ своей имѣютъ раздѣленіе снизу. Помните мнѣ, въ первой части моей Топографіи оныя овцы уже описаны. Бываютъ изрѣдка пригоняемы отъ нихъ (?) и трухменскія овцы, коихъ здѣсь (въ Оренбургѣ) называютъ и бухарскими. Онѣ величиною не больше обыкновенной русской овцы, ноги имѣютъ короткія, шерсть мягкую и кудрявую. У сихъ курдюковъ нѣтъ, но хвосты длинныя и плосковатыя. Черкасскія же овцы въ здѣшнихъ мѣстахъ хотя у многихъ есть, но онѣ курдюковъ на здѣшней травѣ не получаютъ, но еще и шерсть свою отмѣняютъ: она становится отъ времени до времени песиговата и жестока. Напротивъ того, киргизскія овцы, когда отгоняютъ ихъ вдаль, бывшіе свои курдюки года черезъ два совсѣмъ теряютъ. Я мню, что тамошнія травы такой составціи (субстанціи) не имѣютъ, какая въ родящейся на киргизскихъ степяхъ есть; да и здѣсь на хуторахъ годъ отъ году тѣ ихъ курдюки меньше становятся, и овцы мельчаютъ. Можетъ быть, то наше содержаніе въ хлѣвахъ и въ запертыхъ мѣстахъ не сходно съ ихъ натурой»...

24 сентября 1761 года: «между прочаго писали вы о вишневомъ кустарникѣ, кой находится въ Исецкой провинціи: есть-ли онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и пр.? Оногдасъ позабылъ я на то доносить. Его здѣсь очень много, и вишни случаются такъ крупны, что не хуже садовыхъ и вкусомъ, и величиною. Да и во многихъ дачахъ его не мало. Ежели онъ въ огородъ пересаженъ бываетъ, то какъ кустъ, такъ и плодъ на хорошей землѣ лучше дѣлается. И я вашего мнѣнія, что садовыя шпалеры изъ него могутъ быть не худы, но не надѣюсь, чтобъ онъ выше челоуѣка вверхъ подниматься могъ»...

«Письма съ пустыми вѣжливостями пишу я, говорилъ Миллеръ Рычкову въ письмѣ своемъ отъ 24 сентября 1761 года, очень не неохотно. Надобно-ли, чтобъ я всегда васъ утруждалъ новыми порученіями? Если да, то вотъ вамъ одно: желаютъ знать

что это за слово *карлук*¹⁾, татарское или калмыцкое и что оно собственно значить? Понимать-ли подъ нимъ рыбный пузырь (Blase) или приготовленный рыбій клей? Далѣ, хотятъ имѣть свѣдѣнія: какъ готовится рыбій клей? и притомъ получить подробное описаніе всего производства; изъ какихъ рыбъ и изъ какой именно добывается лучший? изъ одного ли пузыря или и изъ другихъ частей? Изъ всѣхъ ли вмѣстѣ пузырярей онъ выдѣляется или изъ каждаго отдѣльно?»

«О клеѣ я, отвѣчалъ на это Рычковъ 21 октября 1761 г., уповаю вамъ услужить нарочитымъ описаніемъ. Изъ письма вашего выписавъ, посылаю я въ Оренбургъ къ моему корреспонденту, дабы онъ о всемъ, подробнѣе освѣдомясь, меня увѣдомилъ. Сіе я, получа, постараюсь въ порядокъ привести и къ вамъ сообщить. Мнѣ весьма пріятно, когда вы мнѣ предлагаете о такихъ матеріяхъ, кои я исполнить въ состояніи нахожусь»...

20 ноября 1761 года Рычковъ выслалъ къ Миллеру обширное «Описаніе, какъ въ Яицкомъ городкѣ клей дѣлается», и имъ воспользовался нашъ академикъ въ статьѣ своей «О рыбьемъ клеѣ»²⁾. Изъ нея узнаемъ, что французскій ученый Дю Гамель, по порученію парижской Академіи Наукъ, обращался къ Миллеру о сообщеніи достовѣрныхъ свѣдѣній, какъ готовится рыбій клей въ Россіи, о чемъ въ тѣ времена мало знали за границею.

Въ февралѣ 1762 года Рычковъ, получивъ отъ своего пріятеля, командира Сакмарской дистанціи, маіора Пазухина, кость и полагая, что она должна принадлежать къ остову какой нибудь допотопной огромной птицы, послалъ кость въ Академію; но здѣсь, по отзыву адъютанта Протасова, кость эта оказалась частью передняго ребра, сросшагося по какому нибудь случаю съ грудною костью у оленя или лося³⁾.

29 іюня 1762 года Рычковъ писалъ къ Миллеру:

«Послѣ дождливыхъ погодъ, продолжавшихся здѣсь съ мѣсяцъ,

1) О словѣ *Carluck* oder *Hauszblasen* упоминается у Штраленберга на стр. 323 «*Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia*»...

2) Ежемѣсячныя сочиненія, декабрь 1763 года, стр. 488—495.

3) Протоколы 1762 года подъ 15-мъ апрѣлемъ, въ архивѣ академической конференціи.

на поляхъ появилось здѣсь такое множество червей, что прежде никогда ихъ столько не видано. Они шли и по дорогамъ стадами въ такомъ множествѣ, что почти всю землю въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрывали. Сперва напали они на посѣянные конопли, на горохъ и на макъ, и гдѣ нападали тутъ все на-чисто поѣдали. Усматриваны уже были они и на другомъ хлѣбѣ, особливо на ячменѣ, на овсахъ и полбѣ, а частію и на ржѣ, и всѣхъ здѣшнихъ обитателей привели-было въ отчаяніе хлѣбовъ (sic), да инаково и быть не могло бѣ, ежели бѣ сія многочисленная гадина съ такою жѣ алчною и безъ разбору все пожирать стала, какъ сперва начала. Послѣ того какъ миновались мокрѣя погоды и сильныя дожди, оставя хлѣбы, стала она жрать траву лебеду, осотъ и другія мягкія. А понеже сихъ травъ и между посѣянныхъ хлѣбовъ было весьма много, то оставляя хлѣбъ въ цѣлости, оную траву на многихъ десятинахъ всю пожрала и хлѣбъ такъ, какъ выполола. Я самъ съ великимъ удивленіемъ смотрѣлъ на одну десятину посѣяннаго у меня проса, кое было еще не полото и заросши травою, кою крестьяне называютъ осотъ. Сей десятины одву половину онѣя черви такъ чисто выпололи, что ни одной травинки въ ней не осталось, а просо все въ цѣлости. Однимъ словомъ — руками такъ чисто нигдѣ не выполото; а другая половина осталась съ травою и выполота бабами. Нынѣ оной гадъ почти весь уже пропалъ — видно, что отъ сухихъ и жаркихъ дней. И такъ отъ чаемаго вреда Богъ спасъ. Величина онѣхъ червей съ небольшимъ въ дюймъ, цвѣтомъ темносѣрые съ желтоватыми полосками вдоль ихъ, а нѣкоторые были и зеленоватые»...

19 сентября 1762 года Рычковъ увѣдомлялъ Миллера, что намѣренъ поднести президенту Академіи Наукъ клыкъ мамонта, необыкновенный по величинѣ (2½ аршина) и вѣсу (1 пуд. 30 фунтовъ) и что на рудникахъ Твердышева найдено окаменѣлое дерево въ 160 пудъ. Последнее Рычковымъ описано въ статьѣ «О мѣдныхъ рудахъ и минералахъ»¹⁾. 30 января 1763 года онъ же писалъ Миллеру: «Я слышалъ, что окаменѣлаго дерева большую шкуку, у Твердышева въ Оренбургѣ имѣющуюся, разсудили вы взять въ Академію, и о томъ отъ васъ въ

¹⁾ Труды Вольнаго экономическаго общества, часть IV, стр. 56.

правительствующій сенатъ внесено доношеніе; но жаль, что резолюція продолжается и какъ бы способное къ переѣзду время совсѣмъ не прошло. Она конечно болѣе 100 пудъ и достойна того, чтобъ ей быть при Академіи для очевиднаго доказательства тѣмъ, которые претворенію изъ существа въ существо спорятъ. Я чаю, можно-бъ и цѣлое дерево обрыть и вынуть, но на то уже не малой коштъ понадобится. Перевозъ онаго могъ бы поштучно учиненъ быть, которыя по привозѣ на мѣсто собрать и составить не трудно. Но вѣдаю, что у насъ такія дѣла не безъ труда исполнить»...

Въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ»¹⁾ была помѣщена статья «О травахъ, изъ которыхъ краски дѣлаются». Здѣсь въ концѣ было упомянуто о растущей въ Украинѣ травѣ Polygonum Polonicum, на которой въ началѣ лѣта находятъ красные шарики Coccus Polonicus, окрашивающіе въ алый цвѣтъ и замѣняющіе потому кошениль. Прочитавъ это, Рычковъ, 29 іюня 1763 года, писалъ къ Миллеру: «Въ здѣшней сторонѣ такіе шарички находятся на кореньѣ травы, изъ которой растетъ ягода клубника. Изъ оныхъ шаричковъ выходятъ червячки или коровки, наполненныя самою алою краскою; но тѣ шарички подъ кореньемъ не красные, но синеваты; только тогда бываютъ красны, когда ихъ поджарятъ. Я, сравнивая ихъ съ кошенилемъ (по нашему: канцелярское семя), признаваю ихъ за сущую ту краску. Въ Кинельской черкасской слободѣ находящіеся черкасы²⁾, да и здѣсь, собирая оныя шарички изъ подъ клубники во свое время, красятъ шерсть и другія вещи въ самую хорошую и кармазину подобную краску. Я велѣлъ нынѣ домашнимъ моимъ ребятамъ немного оныхъ шариковъ собрать, которые на ваше разсмотрѣніе при семъ нынѣ посылаю. Они по болѣшей части мелковаты, но сіе можетъ быть отъ сего, что еще не поспѣли; однакъ червочки изъ нихъ уже выходили, а нѣкоторые между ими и такой величины, какъ я въ самой хорошей кошенили видалъ. Сказываютъ, что сіи червочки, побывши на клубничныхъ кореньяхъ, переходятъ на коренья другихъ травъ, получаютъ другой видъ и другаго цвѣта краску производятъ. Ежели вы признаете

¹⁾ Апрель, 1762 г., стр. 454—459.

²⁾ Такъ въ то время обыкновенно называли малороссовъ.

за надобно, то я постараюсь о семъ больше развѣдать и, сдѣлавъ описаніе, оное до васъ сообщу. Извольте посмотрѣть въ Гюбнеровомъ натуральномъ лексиконѣ подъ словомъ кошениль, *Cochinille*, то найдете великое сходство оныхъ шариковъ съ сею краскою, съ тою токмо разностию, что въ Америкѣ собираютъ ихъ на нѣкоторыхъ деревьяхъ. Я мню, что въ здѣшней и въ казанской губерніи не мало сей краски можно собирать, когда бы собираніе оныхъ введено было въ обычай. Одну вѣточку приложилъ я при семъ нарочно, дабы могли вы видѣть, какъ оныя шарички или червочки подъ корешкомъ сидятъ. Когда краску дѣлаютъ, то изсушивши ихъ полегоньку, толкутъ. Думаю, что также надобно и съ ними поступать, какъ кошениль употребляютъ. Однакъ я отпишу въ черкасскую слободу нарочно о семъ, чтобъ меня увѣдомили»...

Вѣроятно, что чтеніе этого письма Рычкова навело Миллера на мысль: не происходитъ ли названіе Червонной Руси отъ червца (*coccus polonicus*), о чемъ и было имъ высказано въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ ¹⁾. Сверхъ того, 4 августа 1763 года, онъ писалъ къ Рычкову: «открытіе такого неизвѣстнаго въ натуральной исторіи предмета, какъ кошениль въ оренбургской и казанской губерніяхъ и притомъ на кустикахъ земляники (*und an Erdbeer - Stauden*), заслуживаетъ великой признательности. Я не премину огласить это во всеобщую извѣстность для вашего прославленія; но предварительно необходимо болѣе разысканій и свѣдѣній, изъ которыхъ горный совѣтникъ и профессоръ химіи г. Леманъ обѣщалъ составить статью для пересылки къ вамъ ²⁾»...

«Я, отвѣчалъ на это Рычковъ 31 августа 1763 года, радъ что здѣшній *coccus*, находящійся подъ кустиками клубничника (*сія ягода и видомъ, и вкусомъ отлѣнна отъ той земляники, коя у васъ въ сторонѣ родится и называется Erdbeere, хотя подлинно того же роду, но другой специсъ новыи—о томъ уповаю извѣстны*). Когда г. совѣтникъ и профессоръ Леманъ сочинитъ объ

1) Июль, 1763 г., стр. 96: «Во времена великаго князя Владимира Великаго былъ въ той странѣ городъ Червень и тамошніе города вообще червенскими городами назывались. Отчего сіе? Не по червѣ ли, или по инсекту (*coccus polonicus*), красную краску производящему, коей и въ Малой Россіи довольно?»...

2) У портфеля писемъ исторіографа Миллера къ разнымъ особамъ.

ней свое предложеніе, то не премину я онымъ клубочкамъ и червячкамъ описаніе сдѣлать, послѣку развѣдать о нихъ можно».... 5 сентября 1763 года: «...При семъ прилагаю краткое описаніе, которое я сдѣлалъ, освѣдомясь у кинельскихъ черкасъ; да и пробу онаго, отъ нихъ же присланную... Черкасы называютъ то червецъ. И мѣсяць іюнь, въ коемъ оной собирается, по старинному ихъ нарѣчію червецъ же именуется»...

Въ слѣдствіе этого описанія адъюнктомъ Академіи по части естественныхъ наукъ Кёльрейтеромъ составлена была статья, о которой Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру отъ 20 декабря 1763 года отозвался: «...приложенное описаніе г. доктора Кёльрейтера о червецѣ я прочиталъ. Оно такъ сочинено какъ ученому человѣку сочинять надлежитъ, а особливо примѣчаніе о самомъ червочкѣ весьма тщательно, и на будущее лѣто послужитъ мнѣ къ наблюденіямъ моимъ способомъ. 5 пунктовъ, на концѣ онаго прилагаемые, кажется, что въ моемъ краткомъ описаніи отвѣтствованы». Ниже будетъ еще сказано, что Рычковъ свои наблюденія надъ червцемъ, вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ статьи Кёльрейтера, послалъ потомъ въ Вольное Экономическое Общество, которое помѣстило это въ «Трудахъ» своихъ. Далѣе, изъ протоколовъ академической конференціи видно, что 20 августа 1767 года директоръ Академіи, графъ Владиміръ Орловъ предложилъ на разсмотрѣніе академикомъ присланные отъ Рычкова образцы клубники (*potentilla*), вмѣстѣ съ водящимися на нихъ насѣкомыми (*coccus*). 23 августа аптекаръ и почетный членъ Академіи Модель сообщилъ ей результаты сравненій кошениля американскаго, польскаго и оренбургскаго: оказалось, что послѣдній, уступая во многомъ первому, далеко однако превосходилъ польскій.

15 ноября 1763 года Рычковъ писалъ къ Миллеру: «Въ надеждѣ вашей ко мнѣ благодати и дружбы, прилагаю я при семъ три плитки, изъ коихъ бѣловатая почитается здѣсь за самородную флюсовую извѣстку и употребляется у меня при мѣдномъ моемъ заводѣ съ хорошимъ успѣхомъ и дѣйствомъ вмѣсто сженой извѣсти. Она лежитъ въ горѣ; по большей части мелка такъ, какъ мука; а между тѣмъ есть и куски на подобіе камня, но весьма мягкіе, изъ коихъ я плиточку для способности къ посылкѣ ножемъ обрѣзалъ. Желтоватая жъ двѣ плитки изъ такой же мягкой ма-

терии состоятъ и въ мѣдиплавильной печкѣ вмѣсто флюса служить. Но мнѣ разсудилось ихъ послать до васъ на разсмотрѣніе: не будутъ ли онѣ сходствовать съ галмеемъ? Покорно прошу васъ ихъ разсмотрѣть и увѣдомить меня по вашему свѣдѣнію, за какую матерію почитать ихъ надлежитъ. Обѣ оныя матеріи неподалеку одна отъ другой и въ высокой горѣ находятся отъ села моего верстахъ въ шести. Я бы радъ былъ, когда бъ то настоящій галмей оказался, котораго, сколько мнѣ извѣстно, у насъ въ государствѣ еще понинѣ не отыскано. Еще покорно прошу прислать ко мнѣ для пробы и виду кусочекъ каменнаго угля самово хорошаго. Есть здѣсь и онаго признаки. Чего ради съ настоящимъ углемъ хочется мнѣ ихъ сличить, а по сличеніи бъ до васъ на разсмотрѣніе и ихъ послать».

Что писалъ въ отвѣтъ на это письмо Миллеръ не извѣстно, такъ-какъ въ черновой его перепискѣ не уцѣлѣло многихъ изъ его писемъ къ Рычкову.

20 декабря 1763 года было напечатано «Извѣстіе о сочиняемой россійской минералогіи», въ которомъ объявлено было, что Ломоносовъ намѣренъ «сочинить описаніе рудъ и другихъ минераловъ, находящихся на всѣхъ россійскихъ заводахъ», а потому къ заводчикамъ была обращена просьба о доставленіи академику образцовъ имѣвшихся у нихъ рудъ. Какъ скоро дошло о томъ свѣдѣніе до Рычкова, то онъ, 1 мая 1764 года, отправилъ къ Ломоносову чрезъ Миллера описаніе мѣдныхъ рудъ своего завода, которымъ Ломоносовъ остался доволенъ¹⁾. По смерти его оно было препровождено Рычковымъ (въ іюлѣ 1766 года) въ Вольное Экономическое Общество и тамъ напечатано въ «Трудахъ», о чемъ будетъ указано ниже.

1 сентября 1767 года Рычковъ послалъ къ Миллеру описаніе землянаго зайца, (*Lepus minutus* или *dipus jaculus*). Этого описанія не сохранилось при письмѣ, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «прилагаю описаніе землянаго зайца, котораго я теперь имѣю у себя живаго и, смотря на него, оно учинилъ. Звѣрокъ весьма куріозный, а особливо когда скачетъ, то больше схожъ на прекрасную птичку, нежели на звѣрочка. Ежели не умретъ и

¹⁾ Дополнительные извѣстія для біографіи Ломоносова, приложение къ VIII т. Записокъ Академіи Наукъ, № 7, стр. 71—73.

оказія будетъ, намѣряюсь послать его зимою къ графу Володимиру Григорьевичу (Орлову). Два чучелка послалъ уже я къ Ивану Ивановичу Тауберту, хотя они и были попорчены».

Въ засѣданіи академической конференціи 2 ноября 1767 года разсматривалась эта посылка Рычкова, и академикъ Палласъ высказалъ по этому случаю свое предположеніе, что въ оренбургскомъ краѣ должны еще найтись неизвѣстныя животныя, которыя ожидаютъ описаній ¹⁾.

«Для поощренія въ Россіи земледѣльства и экономіи», въ 1765 году составилось въ Петербургѣ Вольное Экономическое Общество. Членами учредителями его являются или первѣйшіе изъ тогдашнихъ сановниковъ: графы Орловы, Воронцовы, Чернышевы, или люди, приближенные къ императрицѣ, каковыми были: Адамъ Олсуфьевъ, баронъ Александръ Черкасовъ, Григорій Тепловъ, или, наконецъ, академики: Леманъ, Фалькъ и распоряжавшійся судьбами Академіи, совѣтникъ ея Иванъ Таубертъ ²⁾. Послѣдній былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Рычковымъ, а потому неудивительно, что съ самого начала существованія Общества онъ былъ избранъ въ число членовъ его.

«При окончаніи сего 1765 года, рассказываетъ Рычковъ въ своихъ Запискахъ, получилъ я ордеръ отъ г. тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Адама Васильевича Олсуфьева изъ Санкт-Петербурга отъ 10 числа ноября, коимъ онъ увѣдомилъ меня, что 2 числа того жъ (мѣсяца) выбранъ я въ члены Вольнаго Экономическаго Общества для поощренія въ Россіи земледѣлія и домостройства, при которомъ сообщилъ онъ и письмо ея императорскаго величества, коимъ изволила она то общество апробовать и подтвердить. Сіе избраніе, безъ всякаго моего исканія учиненное, и приобщеніе меня къ толь знатному обществу, въ которомъ знатнѣйшія особы и многіе сенаторы присутствуютъ, почитаю я въ нынѣшней моей приватной деревенской жизни не только знат-

¹⁾ Протоколы 1767 г. въ архивѣ академической конференціи.

²⁾ Исторія И. Вольнаго Экономическаго Общества съ 1765 по 1865 годы, СПБ. 1865 г., стр. 1—4.

нымъ приключеніемъ, но и за промыслъ Божій, ведущій меня явно къ продолженію службы»...

Эта надежда на поступленіе вновь на службу при посредствѣ вліятельныхъ и сановныхъ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества, а также и горячность, съ какою обыкновенно принимался Рычковъ за всякое новое дѣло, сдѣлали то, что въ первые годы существованія общества онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ его по доставленію сельско-хозяйственныхъ статей.

«Я, писалъ онъ къ Миллеру, 5 февраля 1766 года, уже пять піесъ отправилъ въ собраніе Экономическаго Общества. Г. Клингштетъ¹⁾ пишетъ ко мнѣ нынѣ, что тѣ, кои получены и въ собраніи читаны, приняты изрядно... Весьма полезно, когда бъ и во всѣхъ губерніяхъ экономическія собранія учредить разсудили. Въ здѣшней (оренбургской) я въ состояніи лучшихъ людей къ тому привести, ежели мнѣ оно рекомендовано будетъ, а паче, когда я буду въ Оренбургѣ. Надобно токмо разсмотрѣніе имѣть въ сочиненіяхъ ихъ человѣку искусному, ибо многіе хорошо мыслятъ, но не всѣ такъ пишутъ, чтобъ годилось въ публику или въ вышнее собраніе»....

31 марта 1766 года: «Полезное бъ было дѣло, ежели бъ въ собраніи нашего общества должность секретарская такому человѣку прилежному была поручена какъ вы, милостивый государь! Отъ сего очень много зависитъ. Повѣрьте, милостивый государь мой и другъ, я бы самъ отъ того не отрекся для споспѣшества полезнымъ намѣреніямъ нашего общества, ежели бъ мнѣ дали жалованье, или бъ для полученія онаго причислили бы меня къ такому мѣсту, чтобъ я, получая отъ моего жалованья, безъ нужды содержаться могъ. Недостатки мои и не малолюдное семейство мое не позволяютъ мнѣ безъ онаго служить»...

1) Тимофей Ивановичъ фонъ-Клигштетъ вице-президентъ юстиціи коллегіи ливонскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ и членъ-основатель Вольнаго экономическаго общества. Къ нему обращалась иногда Екатерины II, требуя мнѣній его о разныхъ отрасляхъ управленія; онъ подавалъ представленія касательно просвѣщенія и торговли въ Россіи. Нѣкоторыя изъ его статей помѣщены въ «Трудахъ» Вольнаго Экономическаго Общества. См. «Алфавитный указатель статей, напеч. въ Трудахъ», В. Всеволодова (СПБ. 1849 года) стр. 113, 114.

25 ноября 1769 года Вольное Экономическое Общество присудило Рычкову серебряную медаль за сообщеніе туда разныхъ сочиненій и опытовъ. 20 января 1770 года, оно выразило своему сочлену удовольствіе за доставленные имъ «колпакъ и ширинку холста, которые сдѣланы изъ пуха травы кипрейника», а женѣ его выдана тогда же золотая медаль «въ знакъ благодарности за оказанное усердіе нашему обществу сообщеніемъ какъ прежняго¹⁾, такъ и нынѣшняго новаго руководѣлія». Увѣдомляя о томъ Рычкова, Таубертъ писалъ 21 января 1770 года: «Я поздравляю ее (Алену Денисьевну Рычкову) съ ея отличною честію, о которой извѣстна уже всемилостивѣйшая государыня, и которая всемѣрно возбудить должна и другихъ дворянскихъ женъ къ подражанію ея примѣру»...

«Что жена моя, говорилъ Рычковъ въ письмѣ къ Миллеру 24 февраля 1770 года, удостоена золотой медали, о семь она и я имѣемъ уже извѣстіе чрезъ Ивана Ивановича Тауберта... Я недавно медаль получилъ съ вырѣзаніемъ на оной моего имени при письменномъ благодареніи, но серебряную. Жена моя счастливѣе меня, но я ей не завидую»...

31 октября 1770 года, Таубертъ снова увѣдомлялъ Рычкова: «Вчера Экономическое наше Общество праздновало генеральнымъ собраніемъ всѣхъ членовъ день своего учрежденія въ домѣ его сіятельства графа Захара Григорьевича Чернышева. Сколь скоро въ исходѣ перваго часа пополудни всѣ члены съѣхались, то во первыхъ читано было письмо ея императорскаго величества къ обществу, которымъ оное подъ высочайшее свое покровительство всемилостивѣйше принять соизволила. Потомъ объявлено было президентомъ о розданныхъ по разнымъ задачамъ медаляхъ. Изъ оныхъ опредѣлены вамъ, милостивому государю моему, одна большая золотая, а г. капитану Болотову такая-жъ по задачѣ о сочиненіи наказа для деревенскаго управителя. Сердечно васъ поздравляю сею отличною честію. Бывшіе въ семь комитетѣ члены: его сіятельство графъ Романъ Ларіоновичъ (Воронцовъ), Григорій Николаевичъ Тепловъ, полковникъ Александръ Андреевичъ Волковъ и я тѣмъ довольно доказали, сколько

¹⁾ Рычковъ прежде прислалъ образчики издѣлій изъ козьего пуха.

мы всё готовы вашимъ заслугамъ при всякомъ случаѣ отдать справедливость. Теперь уповаю вы перестанете завидовать любезной вашей супругѣ и оставите сію страсть одному ея полу»...

Изъ диплома на эту послѣднюю медаль (3 ноября 1770 года) видно, что сочиненіе Рычкова было представлено подъ девизомъ: «вѣкъ жить — вѣкъ учиться и трудиться», а Болотовъ, авторъ извѣстныхъ Записокъ, свою рукопись снабдилъ девизомъ: «устрой его въ дѣлахъ, яко же подобаетъ ему; аще не послушаетъ, всади его въ оковы¹⁾».

Полагаю не лишнимъ сообщить здѣсь описаніе статей Рычкова, напечатанныхъ въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества», такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ и нынѣ вниманія по заключающимся въ нихъ подробностямъ. Онѣ непременно пригодятся со временемъ для исторіи оренбургскаго края, а между тѣмъ, будучи помѣщены въ сельско-хозяйственномъ изданіи, могутъ остаться не замѣченными.

«Труды», часть II, 1766 года: а) стр. 63 — 68. «Опытъ о козьей шерсти». Здѣсь предлагается пряденіе и вязаніе изъ козьего пуха (или подсада), какъ новый способъ извлекать выгоду изъ козъ. По словамъ Рычкова выходитъ, что онъ первый ввелъ въ употребленіе подобныя издѣлія. Извѣстно, что вязанные изъ мягкой козьей шерсти платки, чулки и другія вещи приготовляются донинѣ въ одномъ только оренбургскомъ краѣ, откуда ихъ вывозятъ въ Петербургъ и за границу. б) Стр. 89 — 101, «О мануфактурахъ изъ хлопчатой бумаги и изъ верблюжьей шерсти». Извѣстія о попыткахъ къ разведенію хлопчатой бумаги въ южныхъ мѣстахъ оренбургскаго края при помощи хивинцевъ, бухарцевъ и ташкентцевъ, въ странахъ которыхъ она произрастаетъ въ изобиліи. Для этой цѣли подъ Оренбургомъ въ 1745 году была основана татарская слобода Сеитова, такъ названная по имени татарина Сеита Хаялина. Цѣна бумажнаго хлопка въ Оренбургѣ была во времена Рычкова: въ сыромъ видѣ 10—15 копѣекъ за фунтъ; въ прядѣ 30 — 40 коп. Въ концѣ статьи говорится о

¹⁾ Указанія объ этомъ можно найти въ Запискахъ Рычкова; также въ подлинномъ дипломѣ и письмахъ къ нему Тауберта и А. Нартова, сохраняющихся въ семейныхъ бумагахъ Д. Н. Рычкова.

полотнахъ изъ верблюжьей шерсти и о выгодѣ отъ сбыта ея за границу.

Часть IV, 1766 года: с) Стр. 30—56, «О мѣдныхъ рудахъ и минералахъ, находящихся въ Оренбургской губерніи». Это самое описаніе, какъ сказано выше на стр. 101, Рычковъ посылалъ Ломоносову. d) Стр. 57—64, «Опытъ о березовой водѣ».

Часть V, 1767 года: е) Стр. 43—59, «Опыты виннаго куренія на домашній расходъ» — рассказъ о гонкѣ спирта изъ молока и сыворотки. f) Стр. 70—77, «О дѣлѣ юфтей». Сообщается о выдѣлкѣ въ Россіи юфти. Статью эту первоначально не рѣшились печатать, о чемъ Рычковъ писалъ къ академику Штелину: «Я радъ, что сочиненіе мое о юфтяхъ втунѣ не осталось. Графъ Романъ Ларионовичъ (Воронцовъ) сказывалъ мнѣ нѣкоторыя обстоятельства, для чего оно прежде напечатано не было, но мнѣ мнится, что тѣ причины не подлежатъ большому уваженію. Много околичностей при семь дѣлѣ, для которыхъ въ другихъ государствахъ мануфактуру сію размножить невозможно»¹⁾. g) Стр. 150—196, «О содержаніи пчелъ»; объ этомъ же предметѣ: часть IX, 1768 г., стр. 1—27, «Первое продолженіе о пчелахъ»; стр. 139—163, «Выпись изъ разныхъ писателей о пчелахъ и краткія объ нихъ примѣчанія»; часть XI, 1769 года, стр. 1—34: «Третье продолженіе о пчелахъ». Всѣ эти статьи примѣчательны, какъ первое обстоятельное описаніе русскаго пчеловодства. Здѣсь можно найти рассказы и повѣрья нашихъ старинныхъ пчеляковъ, описанія ухода ихъ за пчелами и, наконецъ, состояніе въ XVIII столѣтіи этого промысла, процвѣтавшаго въ старинной Руси. Конечно, Рычковъ, не будучи ученымъ естествоиспытателемъ, внесъ въ свои рассказы много невѣроподобнаго, но тѣмъ не менѣе они и въ наше время полезны для изученія старинныхъ повѣрьевъ и пр. Для наблюденій своихъ Рычковъ, какъ видно изъ его статей, пытался устроить стеклянные ульи. «Г. Таубертъ совѣтывалъ мнѣ, писалъ онъ къ Штелину, 24 мая 1767 года, чтобъ я сочиненіе мое о пчелахъ согласилъ съ описаніемъ Реомюровымъ и другихъ иностранныхъ писателей. Но мнѣ разсудилось напередъ то описать, какъ сіе содержаніе у насъ произво-

¹⁾ Записки Академіи Наукъ, т. VII, стр. 126.

дятся. Другіе могутъ описатьъ иностранныя описанія и примѣчанія. Я собственными моими опытами нашелъ, что оныя описанія съ натурою нашихъ пчелъ не во всемъ сходны, что означится и въ піесѣ моей. По изданіи ея въ публику, можно всякому своими испытаніями увѣриваться и продолжать сію экономію съ лучшимъ наблюденіемъ, которая и въ самыя наши древнія времена обществу великую пользу дѣлала и нынѣ приносить можетъ. Весьма полезно, ежебѣ особо напечатанные экземпляры ко мнѣ пожелаете припслете. Они многихъ возбуждаютъ къ примѣчаніямъ и представленіямъ о семъ полезномъ дѣлѣ...¹⁾ 30 іюня 1767 года онъ же къ Миллеру: «до села Спасскаго доѣхалъ я (изъ Москвы) и съ же ною моею благополучно. Топерь утѣшаюсь деревенскимъ житьемъ и дѣлаю опыты мои надъ пчелами, примѣчая движенія ихъ, посадя нѣсколько съ матками ихъ въ стеклянныя банки, а и улья нарочно для того по близости покоевъ моихъ поставилъ. По сіе время описаніе мое нахожу довольно справедливымъ»...

Часть VI, 1767 года: i) Стр. 56—68, «Примѣчанія о прежнемъ и нынѣшнемъ земледѣліи». По мнѣнію Рычкова земледѣліе въ старину было въ лучшемъ состояніи: «правители и самыя хорошіе помѣщики почитали у насъ за первый пунктъ къ чести и благоденствію умножать въ крестьянахъ охоту къ земледѣлію и, живучи въ деревняхъ своихъ умѣренно, сами были въ томъ предводители и надзиратели. Такимъ многолѣтнимъ искусствомъ и присмотромъ, безъ сомнѣнія, извѣдали они всѣ правила земледѣлія... Прежде, когда процвѣтало и избыточествовало у насъ земледѣліе, самыя лучшіе люди считали себѣ въ честь умножать оное и поощрять къ тому крестьянъ, а притомъ и жили въ деревняхъ своихъ умѣренно и бережно. Но нынѣ живущіе въ оныхъ молодые помѣщики за честь ставятъ себѣ то, когда выстроютъ себѣ пространные дома, уберутъ ихъ богато, имѣютъ при себѣ не малое число офиціантовъ и ливрейныхъ служителей, а къ тому для выѣзду нарядной, двойной, или еще и тройной экипажъ. Не давно и суще не болѣе двадцати лѣтъ назадъ, знатные, разумные и заслуженные штабъ-офицеры и дворяне не малопомѣстные, изъ которыхъ многіе были мнѣ друзьями и пріятельми, имѣли у себя

¹⁾ Записки Академіи Наукъ, т. VII, стр. 125.

домы посредственные, слугъ при себѣ челоуѣка по два или по три въ простомъ, но въ чистомъ платьѣ; для выѣзду одну или двѣ простыя-жъ, токмо хорошія, крѣпкія и спокойныя коляски съ принадлежностью. Однимъ словомъ: все было у нихъ надобное въ надлежащей умѣренности и крѣпости. Напротивъ того нынѣ дѣти ихъ и наслѣдники, имѣя тожъ число крестьянъ или еще и меньше и чинъ субалтерна или не выше капитанскаго, живучи въ деревняхъ своихъ уволенными отъ службы, не жалѣя себя и крестьянства своего, свою возможность употребляютъ въ тѣ излишества, о коихъ выше упомянуто... Надобно признаться, что нынѣшнія помѣщичьи деревни начинаютъ уже украшаться хорошими домами, убранными покоями, отчасти жъ и регулярными садами, вмѣсто того, что прежде за довольное украшеніе считали въ нихъ умѣренной, но спокойной домъ съ принадлежностями, огородъ и садъ простой, но плодovitой; за самое жъ лучшее почитали хорошія житницы и на гумнахъ множество хлѣбныхъ кладей и одоньевъ. О прочемъ въ разсужденіи нынѣшняго деревенскаго житія не вступаю уже въ подробности, дабы не раздражить мнѣ тѣмъ многихъ моихъ знакомцевъ, сосѣдей и пріятелей»... к) Стр. 69—83, «О кошенилѣ и червецѣ», а также въ IX части 1768 года, стр. 164—173, «Прибавленіе къ сочиненію о кошенилѣ и червецѣ»; часть XV, 1770 года, стр. 80—87, «О размноженіи російскаго червеца». Что объ этомъ предметѣ переписывался Рычковъ съ Миллеромъ, о томъ говорено выше на стр. 98. Въ первой статьѣ, кромѣ своихъ наблюдений, Рычковъ приводитъ способъ добыванія и употребленія червеца въ краску малороссіянами, жившими на рѣкѣ Кинели въ тогдашней оренбургской губерніи. 1) Стран. 84—112, «О сбереженіи и размноженіи льсовъ». Здѣсь говорится о различныхъ родахъ деревьевъ въ Россіи и объ употребленіи каждаго изъ нихъ. При этомъ замѣчено, что въ Башкиріи вмѣсто пеньки и поскони употребляютъ крапиву: «они, ее подкашивая, мочать, стелютъ и треплютъ равномерно почти такъ, какъ у насъ со льномъ, съ коноплями и посконою поступаютъ... Сіе употребленіе въ Башкиріи есть самое старинное. Крапивные паруса, упомянутые въ Лѣтописи препод. Нестора, на стран. 26 (отъ 904 по 907 г.) не могутъ ли разумѣться за такія крапивныя холстины? Сіе оставляю на разсмотрѣніе другимъ»... (Ср. выше стр. 94).

Часть VII, 1767 года: м) Стр. 1 — 25, «О способахъ къ умноженію земледѣлія въ Оренбургской губерніи». Въ этой статьѣ сообщены довольно любопытныя извѣстія о нравахъ и хозяйствѣ башкиръ, киргизовъ, калмыковъ, а также о переселеніи (около 1740 года) въ оренбургскій край, по распоряженію правительства, малороссіянь. н) Стр. 111—212, «Отвѣты на экономическіе вопросы, касающіеся до земледѣлія по разности провинцій кратко и по возможности изъясненные въ разсужденіи оренбургской губерніи». И здѣсь есть полезныя свѣдѣнія для исторіи не только сельскаго хозяйства, но и состоянія цѣлаго края и его разнородныхъ обитателей въ прошломъ столѣтіи.

Часть IX, 1768 года: о) стр. 74 — 82, «О травяныхъ корешкахъ и семянахъ, пригодныхъ къ винной сидкѣ». р) Стр. 82 — 91, «О горячей угольной землѣ», гдѣ описаны опыты Рычкова съ каменнымъ углемъ, отысканнымъ въ дачахъ одной татарской деревни. Выше было уже приведено его письмо 1763 г., въ которомъ просилъ Рычковъ Миллера о доставленіи образчика каменнаго угля. Въ 1769 г. онъ писалъ къ академику Штелину: «Вы весьма меня одолжите, когда пришлете ко мнѣ нѣсколько экземпляровъ повторенной печати (т. е. втораго изданія) наставленія вашего къ сысканію каменныхъ угольевъ. Я того мнѣнія, что они въ здѣшней губерніи въ разныхъ мѣстахъ сысканы быть могутъ, когда приложится о томъ стараніе...¹⁾».

Часть XIII, 1769 года: q) Стр. 44 — 64, «О травяномъ пухѣ и о домашнемъ его употребленіи вмѣсто хлопчатой бумаги и пр.» и «О краскѣ изъ травы кипрейника и о пухѣ изъ той же и еще изъ другой травы въ прибавленіе къ прежнему». г) Стр. 100—112, «О урожаѣ хлѣба» въ 1769 году.

Часть XV, 1770 года: s) Стр. 66—70, «О стручкахъ перечныхъ», которые разводили жители г. Самары. t) Стр. 71—75, «О крапивной кудели и о употребленіи въ пряжу и въ другія экономическія надобности»; также въ части XVIII, 1771 года, стр. 215—226, «О крапивномъ холстѣ». Ср. выше статью подъ буквою i.

Часть XVI 1770 года: u) Наказъ прикащикамъ.

¹⁾ Записки Академіи Наукъ, т. VII, кн. 2, стр. 126.
Сборникъ II Отд. Ш. А. Н.

Часть XVII, 1771 года: w) Стр. 167—174, «О пряхѣ изъ ветошекъ и тряпицъ и о употребленіи оной въ разныя рукодѣлія».

Часть XX, 1772 года: x) Стр. 25—61, «Описаніе Илецкой соли», съ подробнымъ планомъ Илецкой зашиты и тогдашнихъ соляныхъ копей. Это первое и притомъ довольно подробное историческое описаніе илецкаго солянаго промысла, тѣмъ болѣе имѣющее цѣну, что авторъ во время составленія статьи былъ главнымъ начальникомъ соляной части въ Оренбургѣ. Въ письмѣ Рычкова къ Миллеру 27 октября 1771 года между прочимъ читаемъ: «давно уже писали ко мнѣ изъ Экономическаго Общества о сочиненіи описанія илецкой соли. Нынѣ я вздумалъ оное написать, бывъ уже дважды по должности моей на мѣстѣ добыванія ея... Я почти исторически тутъ писалъ, не вступая ни въ какія физическія мои примѣчанія. Г. Академія профессоръ Палласъ и докторъ Лепехинъ, будучи тамо, оное уже исполнили»...

Часть XXIV, 1773 года: y) Стр. 171—177, «Способъ къ сбереженію съѣстныхъ вещей отъ поврежденія и гнилости». Рычковъ предлагаетъ здѣсь для храненія припасовъ ящики со стѣнками изъ пластинокъ соли. z) Стр. 178—184, «О спиртѣ изъ вербовныхъ цвѣтовъ и изъ травы, называемой воробьиной».

Послѣднюю статью, посланную Рычковымъ въ Вольное Экономическое Общество, была подъ заглавіемъ «О приготовленіи въ пищу во время крайней нужды говяжьихъ и бараньихъ кожъ». Здѣсь сообщалось, что во время шестимѣсячной осады Оренбурга отъ Пугачева цѣны на хлѣбъ и вообще на всѣ съѣстные припасы возвысились до такой степени, что четверть ржи продавалась по 140 и 150 руб. Рычковъ, желая помочь бѣднымъ и неимущимъ жителямъ, придумалъ вываривать желе или студень изъ коровьихъ и бараньихъ кожъ и печь изъ нихъ булки, пироги и пр. Онъ при этомъ ссылался на весь городъ, что его изобрѣтеніе тамъ принесло пользу, потому что приготовленные по его способу хлѣбъ, студень и пр. продавались гораздо дешевле обыкновенныхъ и, по свидѣтельству докторовъ, нисколько не были вредны. Статью свою Рычковъ подписалъ полнымъ именемъ, а не скрылъ его, какъ требовалось то уставомъ Экономическаго Общества, подъ какимъ либо девизомъ. Поэтому, 5 января 1775 года, ему было дано знать, что хотя ему и слѣдовало бы

назначить за его полезное изобрѣтеніе золотую медаль, однако сдѣлать этого нельзя по несоблюденію означеннаго правила. Рычковъ отвѣчалъ на это Обществу, что ему именно необходимо было сказать, что его опыты удались въ тяжелую оренбургскую осаду: «къ тому жъ разсуждалъ, что она писана была мною не по задатѣ Экономическаго Общества, но единственно по моимъ опытамъ, а потому и мнилъ я, что нѣтъ резону скрывать въ ней имя такого сочинителя, который всѣ свои силы употребилъ съ нѣкоторымъ еще и расходомъ (претерпѣвая при томъ отъ самолюбивыхъ людей критику), въ пользу здѣшняго общества, утомленнаго тогда крайнею нуждою и опасностію»... Рычковъ, по обыкновенію своему, обратился къ Миллеру съ просьбою хлопотать за него у вліятельныхъ членовъ Экономическаго Общества, чтобы ему была выдана удержанная медаль. «Я, писалъ онъ къ Миллеру 5 марта 1775 года, въ разсужденіи бывшей здѣсь нужды и изобрѣтенія моего къ отрадѣ и пользѣ здѣшняго города, ожидалъ-было себѣ хорошаго за то воздаянія, но вмѣсто онаго и обыкновенную медаль у меня удержали. Разсудите, не убавится-ль или не угаснетъ ли вовсе къ таковымъ трудамъ и изобрѣтеніямъ въ доброжелательныхъ людяхъ охота?»... Кажется, что домогательство Рычкова осталось неисполненнымъ отъ Экономическаго Общества; по крайней мѣрѣ 16 апрѣля 1775 года онъ писалъ къ Миллеру: «правда, что я огорченъ отъ экономическаго собранія удержаніемъ золотой медали, мнѣ присвоенной, и не знаю, могу-ль себя преодолѣть, чтобъ впредь піесы мои въ оное посылать».

Переписка Рычкова съ Миллеромъ, кромѣ сообщеній по части исторіи, географіи и естественныхъ произведеній оренбургскаго края, заключается по ббльшей части въ изъявленіяхъ преданности и расположенія къ исторіографу, а также въ извѣстіяхъ объ исполненіи взаимныхъ порученій.

Въ самомъ началѣ возникновенія этой переписки, именно 18 февраля 1759 года, Рычковъ писалъ къ Миллеру: «я истинно за особенное мое удовольствіе почитаю съ такимъ ученымъ и честнымъ мужемъ, какъ ваше высокоблагородіе есть, дружество

и письменное сношеніе имѣть и пользѣ общей, елико знанія моего есть, споспѣшествовать. О пересылкѣ мѣсячныхъ книжекъ покорно вашего высокоблагородія прошу; изъ находящихся же въ реестрѣ (академической книжной лавки) ежели 5 и 6 томы роленовой Исторіи вышли изъ печати, то оныя прислать. А сверхъ того, буде въ книжной лавкѣ находятся на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующія, а именно: Homers Werke (Pias), 3 Theile mit Kupfern in 4°, Frankf. 1753 — R. 18. Jablonski, Allgemeines Lexicon der Künste und Wissenschaften — 4, 50, Sara, Kunst stets fröhlich zu seyn — 35 ¹⁾».

«Я оныя выбралъ изъ имѣющагося у меня реестра печатаннаго при Академіи 1755 году, но ежели нынѣ оныхъ книгъ въ наличности нѣтъ, покорно прошу выписать. А особливо желательно мнѣ имѣть у себя Гомерову поэму всю, ежели она есть на нѣмецкомъ языкѣ, ибо въ латинскомъ я весьма недостаточенъ. Кромѣ сихъ, ежели изъ моральныхъ новыми лучшими авторами меня снабдите, то почту я за великое ваше одолженіе. Деньги обязуюсь съ должнымъ благодареніемъ пересылать, или, по приказанію вашему, эквивалентомъ изъ здѣшнихъ вещей служить. Гомера, ежели изволите достать, прошу въ самой лучшей переплетъ положить; прочія жъ и здѣсь могутъ переплетены быть. Пересылка же ихъ, ежели нарочныхъ къ намъ не случится, можетъ, уповаю, и на ординарной почтѣ учинена быть; потребно только увязать ихъ бережно и адресовать на мое имя такъ, какъ и письма изволите надписывать, припечатывая печатью академическою»...

24 декабря 1759 года: «Извѣстно мнѣ, что вы съ его высокогородіемъ г. бригадиромъ Александромъ Петровичемъ Сумароковымъ имѣете дружеское и честное обхожденіе. Я почелъ бы себя весьма счастливымъ, когда бъ удостоился причтенъ быть въ число его друзей и служниковъ. Буде не противно, прошу васъ,

¹⁾ Въ послѣдствіи времени Рычковъ уже не любилъ вовсе книгъ для легкаго чтенія. Такъ напр., 18 іюля 1778 г., онъ писалъ къ Миллеру: «Сказки арабскія и другія симъ подобныя не дѣлаютъ мнѣ удовольствія: я ихъ отдаю моимъ дочерямъ. Онѣ охотно такія пустоши читаютъ. Изъ обертки оныхъ книгъ видѣлъ я, что отпечатывается лексиконъ русской географической... а потому просилъ о покупкѣ его для себя.

какъ моего милостивца и друга, рекомендовать меня его высоко-родію при засвидѣтельствovanіи моего должнѣйшаго почтенія».

Въ началѣ же своей переписки съ Миллеромъ, Рычковъ пересылалъ черезъ него поклоны Василью Кирилловичу Тредьяковскому и женѣ его, Марьѣ Филиповнѣ. Послѣдняя была дочь протоколиста Филипа Сибилева, служившаго въ оренбургской экспедиціи въ одно время съ Рычковымъ.

Когда Рычковъ узналъ, что Миллеръ переходитъ на службу въ Москву, то писалъ къ нему, 15 января 1765 г.: «я твердо надѣюсь, что и въ тамошнюю вашу бытность нелишусь любезной и полезной мнѣ вашей корреспонденціи. А между тѣмъ вы же не оставите меня и въ томъ, какъ оную продолжать съ Академіею и къ кому адресъ мой имѣть»... 2 іюня 1765 года: «будете ли вы что въ Москвѣ печатать, пожалуй увѣдомить, дабы я и мои сочиненія, какія когда случатся, для того къ вамъ сообщить могъ». 5 февраля 1766 г.: «...«позвольте мнѣ признаться: я сумнителенъ былъ нѣсколько, не получая вашихъ писемъ на мои, къ вамъ посылаемые, и сіе самое было причиною, что я пересталъ было къ вамъ писать, дабы не трудить васъ напрасно при многихъ вашихъ окупаціяхъ; но въ разсужденіи дружбы ни малого сумнѣнія у меня не было. Дай Боже все по вашему желанію, и корреспонденція бѣ наша также продолжаться могла какъ и прежде. Иванъ Ивановичъ Таубертъ ко мнѣ благосклоненъ и корреспонденція моя по Академіи съ нимъ ¹⁾»... 8 октября 1766 года: «увѣрьтесь, милостивый государь мой, что никакая корреспонденція больше не можетъ меня веселить какъ та, которую я съ вами имѣлъ и желаю имѣть»...

30 іюня 1767 года ²⁾: «Г. Шлецеръ пишетъ ко мнѣ, требуя моей корреспонденціи, и обѣщаетъ сочиненія мои, перевода, сообщать отъ себя шведской и геттингенской Академіямъ, къ чему

¹⁾ Переписка Рычкова съ Таубертомъ пока не отыскана, за исключеніемъ немногихъ писемъ послѣдняго. Они хранятся въ семейныхъ бумагахъ Д. Н. Рычкова, о которыхъ упоминалось выше. Рычковъ, въ письмѣ къ Миллеру 9 іюня 1771 года, такъ говорилъ по случаю смерти Тауберта: «о кончинѣ Ивана Ивановича Тауберта перваго вашего письма не получилъ. Узналъ впервые изъ нынѣшняго: очень, крайне сожалѣю и не могъ удержаться отъ слезъ, лишившись столь любезнаго и полезнаго друга»...

²⁾ Съ 1767 г. Рычковъ писалъ къ Миллеру въ Москву по такому адресу: «домъ его за Яузскимъ мостомъ, идучи на гору, первая каменная низмянная полаты на лѣвой сторонѣ, гдѣ прежде бывала аптека».

онъ разныя матеріи мнѣ предложилъ. Я не знаю его состоянья. Иванъ Ивановичъ Таубертъ пишетъ ко мнѣ, дабы я о томъ васъ спросилъ, а онъ самъ моральный его характеръ не весьма выхваляетъ. Покорно прошу увѣдомить меня дружески, могу ль я съ нимъ вступить въ корреспонденцію и какъ далеко оную распространять». 1 сентября 1767 года: «Г. Шлецеръ дважды ко мнѣ писалъ, и я ему также отвѣтствовалъ; впрочемъ буду я слѣдовать вашему совѣту¹⁾... Въ послѣдствіи времени, Рычковъ, въ порывѣ раздраженнаго авторскаго самолюбія, отзывался неблагопріятно о Шлецерѣ за его разборъ «Опыта Казанской Исторіи», о чемъ было уже говорено выше въ гл. V, на стран. 78, 79.

Всѣ сыновья Рычкова, по тогдашнему обыкновенію, были съ малолѣтства записаны въ разные полки. Одинъ изъ нихъ, Николай Петровичъ, родился, какъ видно изъ записокъ отца, въ 1746 году отъ первой его жены²⁾ и числился сначала въ драгунскихъ троицкомъ, потомъ въ ревельскомъ, наконецъ пензенскомъ пѣхотномъ полкахъ. Въ послѣднемъ молодой Рычковъ, въ 1763 году, произведенъ былъ въ прапорщики, а въ 1767 году выпущенъ въ отставку съ чиномъ капитана. О немъ старикъ Рычковъ писалъ къ Миллеру 14 января 1767 года: «вручитель сего, сынъ мой Николай, котораго не изволили еще видывать. Рекомендую его въ вашу милость и призрѣніе въ надеждѣ той дружбы и милости, которыми вы меня жалуете, уповая, что онъ полезными вашими совѣтами и наставленіями, какъ молодой человѣкъ, будетъ пользоваться»... 26 іюня 1767 года: «извѣстенъ я, что сынъ мой Николай, по старанію моему, опредѣленъ въ команду г. профессора Палласа, о чемъ и самъ г. профессоръ ко мнѣ пишетъ»...³⁾.

«Команда Палласа» была ничто иное, какъ одна изъ пяти

¹⁾ Къ сожалѣнію въ черновой перепискѣ Миллера не сохранилось письма его о томъ, какъ поступать въ сношеніяхъ съ Шлецеромъ.

²⁾ П. И. Рычковъ былъ женатъ два раза: въ первый — на Анисѣ Прокофьевнѣ Гуляевой, скончавшейся въ 1751 г.; второй разъ — въ 1752 г. на дочери симбирскаго помѣщика, отставнаго капитанъ-поручика преображенскаго полка Дениса Никитича Чирикова, Алѣнѣ Денисьевнѣ.

³⁾ 14 сентября 1771 года въ письмѣ къ Миллеру Рычковъ, говоря о сынѣ своемъ Николаѣ и Палласѣ, прибавляетъ: «они съ нимъ великіе друзья»...

ученыхъ экспедицій, которыя были снаряжены, по волю императрицы Екатерины II, Академію Наукъ въ 1768 году, а окончили свои разысканія въ 1773 году. Эти экспедиціи, въ силу данныхъ имъ отъ Академіи пространныхъ инструкцій, обязаны были обращать вниманіе на все, что имѣло отношеніе къ климату, почвѣ, естественнымъ произведеніямъ, промысламъ, ремесламъ, обычаямъ, преданіямъ, языкамъ и т. п. Счастливымъ выборомъ ученыхъ, ихъ неутомимое рвеніе и благородная любовь къ наукамъ, все это произвело то, что добытыми въ эти путешествія результатами справедливо гордилась и донинѣ гордится наша Академія Наукъ.

Молодой Рычковъ, состоя въ распоряженіяхъ Палласа и получая изъ казны 200 рубл. въ годъ жалованья, объѣздивъ въ 1769 и 1770 годахъ часть нынѣшнихъ губерній: казанской, оренбургской, уфимской, вятской и пермской. Не имѣя ученой подготовки, въ чемъ откровенно сознавался самъ, онъ выказалъ однако много добросовѣстности и усердія при выполненіи данной ему инструкціи, такъ-что его описанія и донинѣ могутъ служить съ пользою въ особенности по значительному количеству довольно точныхъ для своего времени чертежей и извѣстій о древнихъ городищахъ и объ устныхъ преданіяхъ, съ ними связанных¹⁾; также о нравахъ, обычаяхъ и занятіяхъ разнородныхъ обитателей проѣханныхъ имъ странъ²⁾; наконецъ о состояніи горнаго дѣла въ названныхъ губерніяхъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Трудъ Н. Рычкова напечатанъ на счетъ Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: «Журналъ, или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ російскаго государства 1769 и 1770 году» (СПб., 1770, въ 4^о) и «Продолженіе Журнала, или дневныхъ записокъ путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ російскаго государства 1770 г.» (СПб., 1772, въ 4^о). О третьей книжкѣ описанія путешествія Н. Рыч-

¹⁾ Какъ напр.: о развалинахъ болгарскаго города Будумера въ пригородѣ Биллярскѣ; о чертовѣ городищѣ близъ Елабуги; о развалинахъ Старой Казани; о городищѣ около г. Чердыни и о мн. др.

²⁾ Какъ-то: въ I части о черемисахъ, стр. 78—94; 152—156; о тептяряхъ 129—142; о вотякахъ, 156—166. Во II-й части помѣщены извлеченія изъ вятской лѣтописи «О древностяхъ города Хлынова и вятской страны», стр. 36—52; подробности о соляномъ промыслѣ въ Соликамскѣ, стр. 95—107 и пр.

кова, изданной около того же времени, будет сказано въ слѣдующей главѣ ¹⁾).

Всѣ ученые, которые участвовали въ оренбургскихъ ученыхъ экспедиціяхъ, долгомъ считали побывать въ селѣ Спасскомъ или видѣться съ владѣльцемъ его въ Оренбургѣ. Первый, посѣтившій Рычкова въ его имѣніи, былъ академикъ Лепехинъ. Онъ, какъ отмѣчено въ запискахъ Рычкова, пріѣхалъ туда съ сыномъ его Николаемъ 30 августа 1768 года, послѣ осмотра мѣстъ по рѣкѣ Черемшану.

«Время, говорить по этому случаю Лепехинъ, было уже позднее и для растенія мало надежное; почему я за полезное для меня призналъ просить совѣта у г. статскаго совѣтника Петра Ивановича Рычкова, мужа отмѣнными любовьютными упражненіями у насъ знаменитаго, который въ то время жительствовалъ въ селѣ своемъ Спасскомъ, отстоящемъ въ ста верстахъ отъ Черемшанской крѣпости, куда я на другой день и пріѣхалъ... По пріѣздѣ нашемъ въ Спасское село, г. статскій совѣтникъ П. И. Рычковъ принялъ меня съ особливою благосклонностью и ласкою, гдѣ между разговорами о моемъ путешествіи совѣтовалъ мнѣ предпріять возвратный путь къ Волгѣ по Соку, которая рѣка по самой срединѣ ставропольской провинціи протекаетъ; но чтобы оный путь съ большимъ успѣхомъ могъ быть совершенъ, совѣтовалъ требовать изъ бугульминскаго вѣдомства отставнаго вахмистра Василія Кривцова и выборнаго въ селѣ Соки-Кармагѣ новокрещеннаго мордвина Айткула, которыхъ онъ, г. статскій

¹⁾ Николай Петровичъ Рычковъ, какъ видно изъ писемъ отъа его къ Миллеру въ 1772 г., въ этомъ же году былъ переименованъ въ коллежскіе ассессоры и назначенъ «на Ахтубу къ новозаводимымъ тамъ шелковымъ заводамъ главнымъ директоромъ»... «онъ инструкцію имѣетъ не отъ мануфактуръ-коллегіи, но за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ; денежнаго жалованья 500 р. въ годъ, притомъ еще разныя выгоды»... «Ахтубинская шелковая фабрика зачата была въ государствование Елизаветы Петровны, но пришла скоро въ разстройку. А деревья тутовыя, какъ увѣряютъ нѣкоторые, еще при Петрѣ Великомъ посажены, кои нынѣ устарѣли и листы ихъ для червей почитаютъ не полезнымъ»... «Сынъ мой Николай (писано въ сентябрѣ 1772 года) могъ уже до сорока крестьянскихъ семей, подчиненныхъ ему, склонить на то, что каждой изъ нихъ шелковой промыселъ добровольно своимъ семействомъ урокомъ производить обязался, что у Двора совсѣмъ невѣроятнымъ казалось. Заводъ отъ Царицына верстахъ въ 30-ти на здѣшней, т. е. на луговой сторонѣ Волги, отъ устья Ахтубы вверхъ не знаю сколь далеко»...

совѣтникъ, прежде употреблялъ для прѣска мѣдной руды по Соку. Получа такія наставленія, немедленно отправилъ я солдата въ Черемшанскую крѣпость за моимъ обозомъ, а остатки дня проводилъ въ разсматриваніи любопытныхъ его (т. е. Рычкова) упражненій надъ пчелами, котораго сообщества таинства испытую, употреблялъ онъ улей съ стеклянными окошечками, сдѣланный на подобіе того, какой въ такихъ же упражненіяхъ употребляемъ былъ славнымъ насѣкомыхъ испытателемъ Реомюромъ».

«По утру, въ провозаніи г. статскаго совѣтника, попли мы на ближайшія противъ его села горы, гдѣ по подгорью попалося намъ въ великомъ изобиліи воробьиное семя¹⁾.... Находя разведеніе его невыгоднымъ для сельскихъ хозяевъ, Лепехинъ совѣтуетъ сѣять подсолнечники (*helianthus annuus*), такъ-какъ кромѣ масла, стебли ихъ можно употреблять на топливо, и потомъ продолжаетъ: «Съ горъ возвратились мы часу во второмъ по полудни, гдѣ г. статскій совѣтникъ приказалъ приготовить намъ постной столъ изъ такихъ рыбъ, какія въ небольшой, мимо его села протекающей рѣчкѣ Майтанкѣ водятся. Рыбы сія тѣмъ большаго примѣчанія достойны, что намъ ихъ прежде нигдѣ видѣть не случилось. Это были пеструшки (*salmo fagio*) и кутема (*salmo lacustris*). Послѣ обѣда предметомъ нашего осмотра были алебастровыя горы, верстахъ въ четырехъ отъ села находящіяся... Алебастръ оказался смѣшаннымъ съ сѣрными частицами, «что самъ г. статскій совѣтникъ съ немалымъ своимъ урономъ извѣдалъ въ новопостроенной каменной церкви, отчего весь иконостасъ такъ почернѣлъ, какъ бы онъ уже за долгое время былъ позолоченъ. По возвращеніи съ алебастровыхъ горъ, показывали намъ близъ села Спасскаго остатки двухъ рудниковъ, принадлежащихъ ему же, г. совѣтнику»... За тѣмъ у Лепехина слѣдуютъ тѣ самыя извѣстія, которыя Рычковъ помѣстилъ въ посланной имъ прежде Ломоносову, а потомъ напечатанной въ «Трудахъ Экономическаго Общества» статьѣ, см. выше стр. 106.

«8 числа, пишетъ Лепехинъ, г. статскій совѣтникъ пригласилъ намъ любопытное зрѣлище. Призвавъ одного башкирца,

¹⁾ *Lithospermum officinale*, о которомъ, какъ видѣли выше на стран. 110, Рычковъ прислалъ статью въ Вольное Экономическое Общество.

приказалъ ему показать способъ, какъ они лазятъ въ свои борти и сохраняютъ соты отъ лакомыхъ до меду медвѣдей»... И здѣсь подробности у Лепехина приведены тѣ же, которыя помѣстилъ Рычковъ въ своихъ статьяхъ о пчеловодствѣ, напечатанныхъ въ тѣхъ же «Трудахъ». Лепехинъ не пропустилъ также спрашивать и о крапивѣ (*urtica sibirica*), изъ которой у башкиръ дѣлались холсты, о чемъ прежде Рычковъ сообщалъ и Миллеру и Вольному Экономическому Обществу. «Позднее время, заключаетъ Лепехинъ, не дозволило болѣе медлить въ Спасскомъ селѣ. И такъ выѣхали оттуда въ село Борисоглѣбское»...¹⁾

«Октября 4 числа (1768 года), отмѣчено въ Запискахъ Рычкова, прѣѣхалъ ко мнѣ г. профессоръ Палласъ для совѣтованія о дѣлахъ, до его экспедиціи принадлежащихъ; а 11 числа того жъ поѣхалъ онъ отъ меня для осмотра по р. Соку лежащихъ мѣстъ. А сынъ мой Николай на другой день отпавленъ отъ него въ Оренбургъ»...

Въ знаменитомъ «Путешествіи по разнымъ провинціямъ российской имперіи»²⁾ Палласъ рассказываетъ: «пятого числа (октября) проѣхали мы по лежащей отъ Кичуя почтовой дорогѣ деревню Малую Бугульму на рѣчкѣ того же имени и прибыли въ Спасское село, въ которомъ обыкновенно живетъ прославившійся своими сочиненіями и по заслугамъ почтенія достойный г. статскій совѣтникъ Рычковъ, гдѣ я по причинѣ ласковаго принятія и весьма пріятнаго обхожденія онаго преученаго мужа, пробылъ до 11 числа сего мѣсяца. Помянутое село стоитъ на превеселомъ мѣстѣ, которое окружаютъ горные, отчасти лѣсомъ оброслые увалы. Почти въ срединѣ села бьетъ большой чистый ключъ и течетъ по бѣлому мергелю, который примѣчанія достоинъ наипаче по тому, что скотъ охотно его ѣстъ, хотя и не находится въ немъ соляныхъ частицъ»... За тѣмъ слѣдуютъ упоминанія о рыбѣ кутемѣ (*salmo lacustris*) и о водяномъ воробѣѣ (*sturnus cinclus*). О послѣднемъ Палласъ сказалъ то же самое, что (см. выше стр. 93) писалъ Рычковъ въ письмахъ къ Миллеру. Далѣе Палласъ описываетъ земляного зайца (*lepus minutus, dipus jaculus*),

¹⁾ Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. Т. III, Спб. 1821 г. Записки академика Лепехина, стр. 144, 201, 204—210.

²⁾ Изд. 2-ое, Спб. 1809 г. ч. I, стр. 148.

выхухоль (*soex moschatus*), сѣрный городокъ, червецъ (*coccus polonicus*), водящійся на кустахъ клубники (*polentilla reptans*)¹⁾. Всѣ эти описанія знаменитаго естествоиспытателя послѣ извѣстныхъ уже намъ, первоначальныхъ извѣстій Рычкова о тѣхъ же предметахъ, не представляютъ ничего новаго.

Проводивъ изъ Спасскаго ученыхъ гостей своихъ, Рычковъ писалъ 7 ноября 1768 года къ Миллеру: «г. профессоръ Палласъ жилъ у меня здѣсь больше недѣли, а прежде его былъ г. докторъ Лепехинъ и жилъ столько же. Я уповаю, довольны они моими совѣтами. Они зимуютъ въ Симбирскѣ».

Въ 1769 году, въ оренбургскую губернію пріѣзжали, также по порученію Академіи Наукъ, астрономы: Морицъ Ловичъ²⁾. Вольфгангъ Людовикъ Крафтъ³⁾ и младшій сынъ знаменитаго математика, артиллерійскій поручикъ Христофоръ Ейлеръ⁴⁾. Изъ писемъ къ Миллеру Рычкова оказывается, что всѣ эти ученые долгомъ сочли побывать въ селѣ Спасскомъ, чтобы видѣться съ владѣльцемъ его. По вступленіи вновь на службу, будучи уже въ Оренбургѣ, Рычковъ познакомился съ членами другой ученой экспедиціи, равномѣрнымъ образомъ снаряженной Академіею Наукъ, — Іоанномъ Петромъ Фалькомъ и Іоанномъ Готлибомъ Георги. О нихъ-то Рычковъ писалъ къ Миллеру 28 октября 1770 года: «письмо къ г. аптекарю Георги вчерась

¹⁾ Ibid., стр. 234, 285, 288, 308, 309.

²⁾ Его астрономическія наблюденія въ Гурьевѣ напечатаны въ «Collectio omnium observationum, quae occasione transitus Veneris per solem A. MDCCLXIX ... fuerunt». Petropoli MDCCLXX. Ловичъ занимался потомъ геодезическими работами по устройству канала между Волгою и Дономъ и въ августѣ 1773 г. былъ умерщвленъ сообщниками Пугачева. Vasmeister's Russische Bibliothek, III, 414—416.

³⁾ Плодомъ путешествія этого академика въ оренбургскій край были, между прочимъ, помѣщенныя въ *Novi Commentarii Academiae Petropolitanae* статьи: T. XIV, pars secunda, pp. 555—569: «Determinatio longitudinis geographicae observatorii orenburgensis; T. XV, pp. 571 sq.: Observationes astronomicae annis 1769, 1770 institutae, una cum determinationibus geographicis aliquot locorum Imperii Rossici inde deductis», гдѣ есть точное опредѣленіе широты и долготы г. Уфы. Кромѣ того Крафту принадлежит «Auszug aus den Beobachtungen, welche zu Orenburg bey Gelegenheit des Durchgangs der Venus vorbey der Sonnenscheibe angestellt worden sind»... S.P.,burg, 1769.

⁴⁾ Христофоръ Ейлеръ прохождение Венеры чрезъ Солнце наблюдалъ въ Орской крѣпости; онъ также производилъ астрономическія наблюденія въ Яицкомъ городѣ. Ср. *Collectio omnium observationum quae occasione transitus Veneris etc.* и *Russische Bibliothek von Vasmeister*, I, 296.

же я отослалъ. Онъ и г. профессоръ Фалькъ, какъ слышу, здѣсь; но ко мнѣ рѣдко ходятъ, хотя и недалеко отъ меня живутъ... И въ постскриптумѣ: «Г. Георги теперь у меня былъ, сказывалъ, что г. профессоръ Фалькъ боленъ, зачѣмъ и ѣхать нынѣ не можетъ»¹⁾).

Любовь Рычкова къ наукамъ не могла не быть извѣстна Академіи, и этимъ можно объяснить себѣ, почему всѣ бывавшіе въ оренбургской губерніи академики, посылаемые отъ ученаго общества, искали случая видѣться съ гостепріимнымъ владѣльцемъ Спасскаго. Его знаніе края и обширныя, вслѣдствіе давняго пребыванія тамъ, связи конечно были очень полезны путешественникамъ въ такой отдаленной сторонѣ. Пишущій эти строки, самъ уроженецъ оренбургской губерніи, позволяетъ себѣ занести здѣсь одну черту изъ семейныхъ воспоминаній. Изъ нихъ впервые онъ услышалъ о Рычковѣ, такъ какъ въ царствованіе императрицы Екатерины II секундъ маіоръ Николай Николаевичъ Пекарскій служилъ въ Уфѣ по соляной части, которою въ оренбургскомъ краѣ завѣдывалъ Рычковъ. Этотъ Пекарскій, какъ подчиненный его, любилъ въ разговорахъ съ своими дѣтьми вспоминать объ умѣ и знаніяхъ своего начальника, казавшихся отставному секундъ маіору необыкновенными, а также и о томъ, что на немъ, по порученію Рычкова, въ бытность въ Уфѣ нашихъ академиковъ, лежала обязанность показывать «ученымъ вояжерамъ» (такъ называлъ ихъ мой дѣдъ) уфимскія окрестности, почему онъ, между прочимъ, ѣздилъ съ ними осматривать и ту удивительную пещеру, которая впервые была описана его начальникомъ (см. выше, стр. 61).

До 1770 года въ изданіяхъ Академіи Наукъ небыло помѣщено ни одного изслѣдованія о водящихся въ Россіи насѣкомыхъ. Иностранные ученые замѣчали этотъ пробѣлъ въ энтомологіи, и знаменитый Линней писалъ по этому поводу къ академику Эрику

¹⁾ Фалькъ, ученикъ Линнея, пріѣхавшій въ Россію по его рекомендаціи, страдалъ ипохондріею: во время путешествія, онъ ревностно старался о выполненіи своихъ обязанностей, но ему все казалось, что своими трудами наноситъ только вредъ и безчестіе Академіи. Въ 1774 г. въ Казани Фалькъ кончилъ жизнь свою pistolетнымъ выстрѣломъ. Изданіемъ въ свѣтъ его Записокъ занимался Георги, и онъ изданы и на русскомъ языкѣ въ IV-мъ томѣ «Полнаго собранія путешествій по Россіи».

Лаксману: «*Insecta ex omnibus fere orbis terrarum partibus asserpi et nuperrime etiam magnam collectionem illarum quae Caput Bonae Spei abit, de Russicis autem et Sibiricis insectis entomologis nihil constat. Maximopere vellam ut nonnulla eorum mittere*». Это побудило Лаксмана заняться русскими насѣкомыми и обратиться при томъ къ Рычкову съ просьбою о содѣйствіи ему въ разысканіяхъ по этому предмету. «Писалъ ко мнѣ, говоритъ Рычковъ въ письмѣ къ Миллеру 18 ноября 1770 г., изъ Петербурга г. профессоръ Лаксманъ, увѣдомляя, что онъ намѣренъ издать въ публику собраніе его насѣкомыхъ, у насъ въ имперіи находящихся. Онъ не довольно знаетъ ихъ общія и особенныя званія, проситъ меня, чтобъ я учинилъ въ томъ ему вспоможеніе. Увѣдомьте меня, милостивый государь мой, о его обстоятельствахъ и можно ль мнѣ содержать съ нимъ въ томъ и въ прочемъ корреспонденцію?»

Въ семейныхъ бумагахъ потомка Рычкова уцѣлѣлъ и черновой отвѣтъ его къ Лаксману: «Намѣреніе ваше издать въ публику собраніе ваше о инсектахъ, у насъ въ имперіи находящихся, весьма похвально и полезно, а наипаче ежели бъ оно изъяснено было притомъ микроскопическими примѣчаніями, а потомъ и физическими разсужденіями, каковыя мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ видать случалось. У насъ по се время ни одной книги о сей матеріи нѣтъ. Не знаю, государь мой, въ состояніи ль я собрать наименованія тѣмъ изъ сихъ животныхъ, которымъ, кромѣ генеральныхъ, никакихъ особенныхъ именъ у насъ нѣтъ; однакъ по возможности моей для толь полезнаго зданія стараться не отрицаюсь, когда экземпляры сихъ животныхъ отъ васъ получу. Между тѣмъ прилагаю при семъ реестръ тѣмъ, кои мнѣ теперь на память пришли; но сіи имена у насъ по бѣльшей части генеральныя на цѣлый родъ. Спеціальныя званія подлинно вновь вымышлять у насъ надобно»...

Въ XIV т. (pars prior) *Novi Commentarii Academiae Petropolitanae*, стр. 593 — 604 напечатано Лаксманомъ «*Novae insectorum species*» съ двѣнадцатью изображеніями разныхъ насѣкомыхъ. Статья эта и есть первое научное изслѣдованіе по части русской энтомологіи.

Рычковъ былъ также въ перепискѣ съ историкомъ княземъ

Михаилом Михайловичем Щербатовым¹⁾ и зналъ Козицкаго, бывшаго адъюнкта Академіи, а потомъ служившаго при кабинетѣ императрицы Екатерины II. О немъ-то Рычковъ писалъ къ Миллеру 28 января 1776 года: «Здѣсь очень много говорятъ о несчастливой кончинѣ Григорья Васильевича Козицкаго. Покорно прошу, съ какими обстоятельствами и по какой причинѣ оная ему учинилась — увѣдомить. Миѣ мнится, что онъ былъ человекъ разумной и надобной. Сказываютъ, что онъ самъ себя изкололъ ножемъ²⁾»...

VII.

1770 — 1773 ГОДЫ.

Бѣгство калмыкъ изъ русскихъ предѣловъ въ Китай. Неудовольствіе на Рычкова оренбургскаго губернатора за описаніе этого событія. Извѣстія о возмущеніи на Янкѣ. Избраніе Рычкова въ Москвѣ въ члены Вольнаго руссійскаго собранія.

Богатыя соляныя копи, при которыхъ только въ XVIII-мъ столѣтіи построена русская крѣпостца, подъ названіемъ Илецкая Защита, были доступны, до окончательнаго покоренія и умирненія оренбургскаго края, всѣмъ и каждому. «Всякъ для себя ѣздилъ за солью, говорить Рычковъ, ломалъ и бралъ ее на мѣстѣ добыванія, сколько кому вознадобилось, да и ссужаться имъ между собою было не запретно»... Уже Кириловъ, этотъ первый «на-

¹⁾ Такъ въ письмѣ къ Миллеру 26 декабря 1774 г. Рычковъ писалъ: «Письмо мое къ его сіятельству князю Михайлѣ Михайловичу Щербатову покорно прошу при случаѣ отдать и подкрѣпить меня въ его милости»...

²⁾ Увольненіе Козицкаго изъ службы совпадаетъ съ тою эпохою, когда князь Григорій Григорьевичъ Орловъ потерялъ вліяніе при дворѣ и, вмѣстѣ съ своими братьями, удалился отъ дѣлъ. Козицкому покровительствовали Орловы. Поручикъ Васильевъ въ своемъ дневникѣ такъ занесъ о самоубійствѣ Козицкаго: «Статскій совѣтникъ Григорій Васильевичъ Козицкій, причинившій самъ себѣ смерть, отпѣтъ былъ въ церкви Григорія Богослова, чтѣ между Петровки и Дмитровки. Сему доброму и ученому человекъу, буди вѣчная память. Причина его смерти меланхолія, и хотя нѣсколько покололъ себя ножемъ въ бокъ и, сказываютъ сдѣлалъ 32 раны, только наконецъ въ памяти отцу духовному исповѣдалъ все.» Отеч. Записки, 1856 г., т. CV, № 4, отд. I, стр. 506.

чинатель» въ дѣлѣ утвержденія русскаго господства въ краѣ, въ 1734 году обращалъ вниманіе правительства на добываніе илецкой соли, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ: «славная илецкая соль отъ сего города (Оренбурга) имѣеть быть въ близости, кою-де въ приращеніе высочайшихъ интересовъ употребить можно». Но башкирцы еще не были усмирены окончательно, а потому и солью продолжали всѣ пользоваться по старинѣ бездѣнно и безпошлинно. Въ 1753 году однако учреждено было особое соляное комиссарство и опредѣлено съ того времени соль продавать отъ казны по 35 коп. за пудъ, добываніе котораго обходилось отъ 4 $\frac{1}{2}$ до 6 копеекъ. Послѣ того одинъ только годъ за башкирцами было оставлено право брать соль даромъ: въ 1754 году оно было уничтожено, а въ вознагражденіе за то съ нихъ прекращено взиманіе ясака въ 2054 руб. 78 коп. ежегодно. 8 февраля 1770 года окончательно утвержденъ былъ докладъ о мѣрахъ къ увеличенію дохода казны отъ распространенія илецкой соли внутри Россіи. Тогда-то получило начало главное правленіе оренбургскихъ соляныхъ дѣлъ, а начальство надъ нимъ ввѣрено было Рычкову¹⁾.

Весь 1770 годъ прошелъ у новаго начальника въ заботахъ и хлопотахъ объ увеличеніи дохода казны. Въ январѣ 1771 года онъ по служебнымъ дѣламъ ѣздилъ въ Москву, откуда вернулся въ оренбургскій край 26 января 1771 года, а 17 слѣдующаго февраля писалъ къ Миллеру: «не задолго до пріѣзду моего сюда, произошло въ здѣшней сторонѣ нечаянное происшедшее (sic): вольскіе калмыки во многихъ тысячахъ и едва не всѣ, встревожась, съ женами, и съ дѣтьми и со скотомъ перешли черезъ рѣку Яикъ на киргизскую сторону, учиня не мало злодѣйствъ, и, какъ слышно усильствомъ пробираются на тѣ мѣста, гдѣ прежде зюнгорцы, ихъ однородцы, кочевали. Вотъ какая чудная революція! Вы легко можете понять, какое при сихъ обстоятельствахъ свѣдѣніе и проищаніе надобно. Сіе я единственно для вашего знанія сообщаяю»...

Надобно думать, что въ началѣ въ Россіи не ясно понимали все значеніе этого событія. Это можно видѣть изъ отвѣта Рыч-

¹⁾ «Описаніе илецкой соли» въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, часть XX. стр. 29—40.

кова Миллеру 7 апрѣля 1771 года: «калмыки вольскіе не для отмщенія киргизцамъ чрезъ Яикъ перешли, но съ худшимъ намѣреніемъ, причина напередъ великія злодѣйства. Между прочаго жъ и ту роту драгунскую обманомъ съ собою захватили, коя обыкновенно при ихъ намѣстникѣ находилась. Они, кромѣ малой части всѣ взволновались и теперь, какъ сказываютъ, въ вершинахъ уже Эмбы находятся, ежели еще не далѣе. Сей револьтъ въ системѣ здѣшнихъ заграничныхъ дѣлъ великую перемѣну дѣлаетъ и могутъ отъ него быть дурныя послѣдованія, ежели поступлено будетъ не съ такимъ предусмотрѣніемъ, какъ должно. Я не приобщенъ къ этимъ дѣламъ, да и приватно не спрашиваютъ моего объ нихъ мнѣнія, хотя я въ подобныхъ сему случаяхъ довольно уже искусился и могу выговаривать, что здѣшнія заграничныя обстоятельства не меньше мнѣ извѣстны, какъ и внутреннія. Опасаюсь крайне того, чтобъ вспомня обо мнѣ, что я здѣсь, не заставили меня трудиться въ нихъ тогда, когда не будетъ уже способа обратить ихъ въ лучшую сторону. И мои силы совсѣмъ оскудѣваютъ. Самому мнѣ вызываться на то непристойно и не буду».

«Со всѣхъ сторонъ производятъ не малолюдные наряды. Главный корпусъ опредѣляется въ степь изъ Орской крѣпости, надъ которымъ командиромъ главнымъ полковникъ Траубенбергъ. Съ нимъ же командированъ и старшій мой сынъ Андрей, въ сергіевскомъ полку подполковникомъ находящійся. Не знаю, какой они возмогутъ поискъ сдѣлать, имѣя людей и лошадей, крайне изнуренныхъ, а особливо въ нынѣшнее время, когда вездѣ великое разлитіе водъ и притомъ многіе недостатки».

«Вотъ, милостивый государь мой, нынѣшнее состояніе здѣшнихъ главныхъ и самонужнѣйшихъ дѣлъ. Увидимъ, что будетъ послѣ. Изъ сего легко вамъ понять, могу ль я продолжать оренбургскую исторію и писать о такихъ дѣлахъ, о какихъ со мною, да и ни съ кѣмъ здѣсь не говорятъ, а содержатъ ихъ въ вышнемъ секретѣ. Все сіе написалъ я къ вамъ, какъ истинному другу и милостивцу, единственно для вашего свѣдѣнія».

Удаленіе калмыковъ изъ предѣловъ Россіи принадлежитъ, безспорно, къ любопытнѣйшимъ событіямъ нашей исторіи XVIII столѣтія. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого переселенія на-

рода не съ Востока на Западъ, какъ обыкновенно происходили подобныя переселенія въ давнія времена, но съ Запада на Востокъ, становится очевиднымъ тѣсная связь этого происшествія съ тѣми волненіями, которыя послѣдовательно, почти одно за другимъ, возникали въ восточныхъ предѣлахъ европейской Россіи и подъ конецъ разрѣшились пугачевщиною. Поэтому удаленіе калмыковъ изъ Россіи стоитъ внимательнаго и всесторонняго изученія; но здѣсь слѣдуетъ говорить о немъ на столько, на сколько это можетъ служить объясненіемъ переписки Рычкова съ Миллеромъ въ продолженіи 1771 года.

Упомянутый въ предыдущей главѣ сынъ Рычкова, Николай Петровичъ, какъ только узналъ, что изъ Орской крѣпости отправляется отрядъ въ киргизскую степь для преслѣдованія калмыковъ, то поспѣшилъ присоединиться къ нему для «ислѣдованія достопамятныхъ мѣстъ, находящихся во владѣніи киргизъ-кайсацкаго народа и собранія продуктовъ, находимыхъ въ той странѣ». Такимъ образомъ Николай Рычковъ является современнымъ свидѣтелемъ и въ нѣкоторой степени участникомъ событій, бывшихъ прямымъ послѣдствіемъ переселенія калмыковъ.

Въ изданныхъ Академіею Наукъ 1772 года «Дневныхъ Запискахъ путешествія капитана Николая Рычкова въ киргизъ-кайсацкой степѣ (sic) 1771 году ¹⁾», авторъ, между прочимъ, рассказываетъ, что отъ намѣстника калмыцкаго ханства Убаши было послано къ киргизъ-кайсацкому хану нѣсколько калмыковъ, изъ которыхъ одинъ увѣрялъ, что переселеніе его единовѣрцевъ послѣдовало единственно по волѣ ихъ властителей и что народъ идетъ за ними противъ своего желанія. Киргизцы, попавшіе въ плѣнъ къ калмыкамъ и потомъ бѣжавшіе отъ нихъ, рассказывали, что послѣдніе «съ жалостнымъ воплемъ» вспоминаютъ о Волгѣ и что главнѣйшею причиною удаленія ихъ съ береговъ ея были наущенія ихъ ламы Лаузина Ланчина ²⁾, который, пользуясь ихъ суевѣріемъ, заклиналъ народъ именемъ боговъ возвратиться въ Зюнгорію. Какъ свидѣтельство калмыка, такъ и рассказъ киргизцевъ до нѣкоторой степени должны быть справедливы, но изъ нихъ

¹⁾ Въ 4^о, на 104 страницахъ.

²⁾ Веніаминъ Бергманъ, поправляя Рычкова, называетъ этого ламу Loosang Dschaltzan.

нельзя еще понять окончательно причины переселенія такой огромной массы народа. Палласъ¹⁾ при описаніи бѣгства калмыковъ прежде всего ссылается на «Дневныя Записки» Николая Рычкова, потомъ говоритъ о вліяніи на народъ духовныхъ ихъ, которые стращали калмыковъ, что русскіе памѣрены вводить у нихъ христіанство, земледѣліе и рекрутство; наконецъ намекаетъ, что было множество другихъ второстепенныхъ причинъ и неизбѣжныхъ обстоятельствъ, по которымъ калмыки считали себя обиженными отъ русскаго начальства. Все это ускорило удаленіе калмыковъ съ Волги.

Китайскій князь Циши²⁾ всю вину этого событія приписываетъ внушеніямъ мятежныхъ единоплеменниковъ ихъ изъ поколѣній Дербетовъ, Хаитовъ и Хошутовъ³⁾, которые, послѣ пораженія ихъ китайцами въ Зюнгоріи, въ 1756 году перешли на жительство къ волжскимъ калмыкамъ. «Сии-то самыя нечестивыя пришельцы, говоритъ названный китайскій писатель, хитрыми своими совѣтами успѣли оболъстить слабаго Убаши, тургутскаго (т. е. калмыцкаго) хана, и склонить къ тому, что онъ рѣшился, оставивъ навсегда Россію, бѣжать въ Зюнгорію»... О. Іоакимъ, въ своемъ «Историческомъ обзорѣ Ойратовъ или калмыковъ» (СПб., 1834 года) на стр. 229—230, и г. Левшинъ въ «Описаніи киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей» (СПб., 1832 года), ч. II, стр. 250—252, повторили только извѣстія китайскаго сочинителя.

Наиболѣе обстоятельное описаніе удаленія калмыковъ изъ Россіи составлено Веніаминомъ Бергманомъ въ его статьѣ, подъ заглавіемъ «Versuch zur Geschichte der Kalmücken Flucht von der Wolga»⁴⁾. Здѣсь все приписано интригамъ и хитрымъ внушеніямъ Цѣбекъ-Дорджи, родственника тогдашняго намѣстника калмыцкаго ханства Убаши. Н. Нефедьевъ въ сочиненіи

¹⁾ Samlungen historischen Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften, Petersb. 1776, I, Th., SS. 88—90.

²⁾ Переводъ его съ китайскаго подлинника, сдѣланный С. Липовцовымъ, помѣщенъ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ Григорія Спасскаго, 1820 года, часть XII, стр. 168—188.

³⁾ О. Іоакимъ называетъ ихъ: Дурботъ, Хойтъ и Хошотъ, а предводителя ихъ — Сэрынъ Тайцзи Чжунгарскій.

⁴⁾ Bergman's Nomadische Streifereien unter den Kalmücken, Riga 1804, Th. I, SS. 139—246.

«Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ» (СПб., 1834 г.), на стр. 67, 68, повторяетъ вкратцѣ предположеніе Бергмана, не указывая, впрочемъ, на первоначальный источникъ.

Подполковникъ Кишинскій, бывший приставомъ при помянутомъ Убаши, нестерпимою гордостью и надменнымъ обращеніемъ съ нимъ много способствовалъ, по словамъ Бергмана, къ скорѣйшему осуществленію калмыками намѣренія покинуть навсегда русскіе предѣлы. Астраханскій губернаторъ Бекетовъ имѣлъ о томъ достовѣрныя извѣстія, а потому и предупреждалъ Кишинскаго, но этотъ не обращалъ на то никакого вниманія. Въ концѣ 1770 года Бекетовъ былъ въ Петербургѣ, и къ этому-то времени долженъ относиться, «всеподданнѣйшій докладъ¹⁾», подписанный графомъ Никитою Панинымъ, княземъ Александромъ Голицынымъ, графомъ Григорьемъ Орловымъ и Никитою Бекетовымъ. Въ этомъ, по многимъ отношеніямъ любопытномъ документѣ подробно разсматриваются жалобы Убаши на стѣсненія калмыцкаго народа отъ иностранныхъ колонистовъ, начавшихъ селиться при Екатеринѣ II по луговой сторонѣ Волги. Замѣчательно, что Кишинскій соглашался, что это стѣсненіе дѣйствительно существуетъ, но не отъ однихъ иностранныхъ колонистовъ (извѣстно, что ими завѣдывалъ и вообще распоряжался о переселеніи иностранцевъ въ Россію всесильный тогда графъ Григорій Орловъ), но и вообще отъ сильнаго прилива всякаго рода переселенцевъ, начавшихъ въ недавнія только времена занимать тѣ страны. Названныя лица въ помянутомъ докладѣ подтвердили это, прибавивъ, что точно переселенцы стали захватывать земли, которыми дотолѣ пользовались безраздѣльно одни калмыки. По этимъ уваженіямъ въ докладѣ представлялось, чтобы снять карту мѣстностей, обитаемыхъ калмыками, и потомъ постановить о недопущеніи тамъ на будущее время новыхъ поселеній. На докладѣ было уже написано «поручить астраханскому губернатору, а впрочемъ быть по сему», но это рѣшеніе нельзя было исполнить: 5 января 1771 года калмыки съ семействами и стадами своими тронулись съ береговъ Волги въ древнюю отчизну свою Зюнгорію (см. IV приложеніе).

¹⁾ Безъ года и числа, въ дѣлахъ Государственнаго Архива, разрядъ XVI.

Рычковъ относился неодобрительно къ распоряженіямъ мѣстнаго начальства касательно погони за калмыками: его видимо оскорбляло, что оренбургскій губернаторъ не только не просилъ совѣтовъ, но даже ничего не говорилъ ему о томъ. Такъ 14 апрѣля 1771 года Рычковъ, извѣщая Миллера, что въ Оренбургѣ о калмыкахъ ничего неизвѣстно, прибавилъ: «да едва и есть ли здѣсь знающіе прямо ихъ намѣренія. Кажется мнѣ, что предприемлемые на то наряды очень коловратны (kräbsgängig) происходятъ»... За тѣмъ въ продолженіи апрѣля и мая 1771 года Рычковъ писалъ къ Миллеру о томъ, что ему сообщали изъ степи сыновья его Андрей и Николай. Такъ какъ въ «Дневныхъ Запискахъ» послѣдняго весь походъ русскаго отряда описанъ полнѣе, то и не настоитъ надобности передавать здѣсь писемъ о томъ старика Рычкова, который 9 іюня 1771 года увѣдомилъ Миллера: «команды, отправленныя для преслѣдованія калмыкъ, не возмогши ничего надъ ними произвестъ, за великимъ ихъ отдаленіемъ, будучи отъ походу степнаго, а паче отъ худыхъ водъ и за недостаткомъ провіанта принуждены возвращаться на линію. Нѣкоторые уже и возвратились (въ томъ числѣ и дѣти мои), изуренные крайнимъ голодомъ и болѣзнями. Словомъ—едва спаслись они отъ гибели и возвратились въ жалостномъ состояніи»...

24 іюня 1771 года: «...вы давно уже изволили ко мнѣ писать, чтобъ сообщить вамъ извѣстіе о побѣгѣ волскихъ калмыкъ. Мнѣ не можно, по нынѣшнимъ здѣшнимъ обстоятельствамъ, сдѣлать описаніе, справливаясь съ происходившими о томъ дѣлами; но развѣдывалъ я отъ пріѣзжавшихъ сюда изъ Астрахани, изъ Яицкаго городка изъ изъ другихъ мѣстъ; также и отъ бывшихъ въ партіяхъ (изъ сихъ въ главной двое дѣтей моихъ было), а съ того и сочинено краткое извѣстіе, которое при семъ къ вашему высокоблагородію посылаю¹⁾. Ежели разсудите вы изъ того чтолибо передать публикѣ, то прошу васъ имени моего тутъ не употреблять. Я не знаю и не могу провидѣть, чимъ дѣло сіе окончается. Сынъ мой большой (Андрей) командированъ на сибирскую линію для подкрѣпленія оной въ нужномъ случаѣ съ тѣмъ корпусомъ, которой въ степи былъ... Другой сынъ здѣсь и лежитъ

¹⁾ Этого описанія не сохранилось при письмѣ.

боленъ отъ понесенныхъ въ томъ походѣ великихъ трудностей».

8 сентября 1771 года: «...для меня ничего на семь свѣтѣ нѣтъ пріятнѣе какъ споспѣшествовать высочайшимъ интересамъ. Удовольствіе мое было чрезвычайное, что сочиненіе мое о уходѣ калмыкъ стараніемъ вашимъ до высочайшаго свѣдѣнія дошло. Выходъ зюнгорскихъ калмыкъ въ Россію, бывшій въ 1758 году, былъ въ бытность мою при здѣшнихъ губернскихъ и заграничныхъ дѣлахъ¹⁾; могу сказать и то, что — подъ моимъ распоряженіемъ; но нынѣ къ этимъ дѣламъ ни малѣйшаго приступа имѣть мнѣ не можно. ... Теперь вспомнилъ я одно разумнаго человѣка изреченіе о книгахъ (Монтанье, кн. 2, часть 9): тѣ однѣ исторіи прямо добрыми назвать можно, которыя отъ такихъ людей писаны, кои сами въ правленіи дѣлъ были или знатное участіе въ нихъ имѣли. Римскія исторіи почти всѣ такія²⁾. Ежели вы хотите другу своему еще сдѣлать честь и благодареніе, употребите въ своемъ представленіи оную Монтаніеву рѣчь. Вспомните къ ней мои о здѣшнихъ мѣстахъ сочиненія и представьте отъ себя, какъ вы сами лучше признаете. Я въ угодность высочайшей и всемилюствѣйшей моей монархини, сколько силъ моихъ есть и будетъ, трудиться не престану».

14 сентября 1771 года: «сынъ мой Андрей, находящійся на иртышской линіи съ корпусомъ, пишетъ ко мнѣ отъ 16 августа изъ Шульбинскаго форпоста слѣдующее: «г. маіоръ Зейфертъ, посыланной для развѣдыванія о калмыкахъ, пріѣздомъ своимъ рѣшилъ наше сумнѣніе. Калмыки вообще приняты въ подданство китайское. Слѣдственно дѣло наше рѣшено». Весьма разумна была пропозиція ваша о посылкѣ по сямъ дѣламъ въ Китай нарочьного»... 29 сентября 1771 года: «большой мой сынъ пишетъ, что онъ получилъ уже ордеръ съ командою своею назадъ слѣдовать и надѣется въ ноябрѣ здѣсь быть. Повторяетъ, что калмыки приняты въ подданство китайское и потому посылка нашихъ войскъ безплодно окончилась; но при лучшемъ ихъ рас-

¹⁾ Рычковъ напоминаетъ здѣсь о зюнгорцахъ, которые, будучи разбиты китайцами, переселились изъ Зюнгоріи на берега Волги къ калмыкамъ.

²⁾ Рычковъ это мѣсто изъ Опытовъ Монтаня привелъ на 71, 72 стран. своего «Введенія къ астраханской топографіи».

норяженіи могли бѣ они желаемой успѣхъ имѣть; токмо знающихъ здѣшнія мѣста и способы въ совѣтъ на то не призывали¹⁾».

Надобно думать, что Рычковъ не ограничился порицаніемъ мѣръ мѣстныхъ властей въ письмахъ къ Миллеру, но высказывался такимъ же образомъ и при другихъ случаяхъ. Въ провинціи подобныя пересуды быстро расходятся въ обществѣ и составляютъ насущную потребность его. Неудивительно, что оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ, о которомъ сначала Рычковъ говорилъ съ отличной стороны, узналъ объ отзывѣхъ послѣдняго, отчего послѣдовала переимѣна въ ихъ отношеніяхъ. Такъ 10 ноября 1771 года Рейнсдорпъ писалъ къ Миллеру: «я постоянно сообщаю г. статскому совѣтнику Рычкову часть содержанія вашихъ писемъ, и это потому, что я, не говоря о другихъ добрыхъ качествахъ, очень хорошо знаю образъ его мыслей и не нахожу благоразумнымъ сообщать ему безразлично всякія новости²⁾»...

Еще болѣе раздосадованъ былъ Рейнсдорпъ, когда узналъ отъ самого Миллера, что Рычковъ переслалъ къ нему описаніе объ удаленіи калмыковъ. «Усмотрѣвъ изъ вашего письма отъ 28 декабря, писалъ Рейнсдорпъ къ историографу 19 января 1772 года, что г. статскій совѣтникъ Рычковъ составилъ историческое сочиненіе о бѣгствѣ калмыковъ, я удивляюсь болѣе тому, что этотъ человѣкъ, изъ суетной довѣрчивости въ силу своего пера, взялъ на себя описаніе о событіяхъ, которыя для него были совершенно сокрыты, почему это описаніе должно быть полно невѣрностей. Вся переписка по этому дѣлу какъ въ военной, такъ и въ государственной коллегіяхъ считается тайною. Всѣ предписанія и донесенія пишутся по секрету, и полное собраніе бумагъ заключается въ кипѣ документовъ изъ пятидесяти дестей. Это и

¹⁾ Далѣе изъ письма Рычкова отъ 17 ноября 1771 года видно, что тогда же онъ послалъ къ Миллеру «ко описанію о уходѣ калмыкъ окончаніе», составленное по извѣстіямъ его сына Андрея, который слышалъ ихъ отъ киргизовъ и маіора Зейферта.

²⁾ ...«Habe ich... dem H. Etats-Rath Rytschkow jederzeit einen Theil von Inhalte Dero Schreiben communiciret, weil ich bey einer gantz genauen Kenntniz seiner Denckungs Art (ohneachtet aller übrigen guten Eigenschaften) nicht rathsame befunden habe, ihm alle Neuigkeiten ohne Unterschied mitzuthheilen». См. XXII портфель писемъ къ историографу Миллеру въ архивѣ академической конференціи.

есть чистѣйшій источникъ, изъ котораго можетъ быть почерпнуть истинный ходъ этого неприятнаго событiя. Впрочемъ, у меня образовалось изъ трехлѣтняго опыта почти математическое доказательство, что у этого человѣка неограниченное себялюбіе есть любимая страсть. Изъ тщеславія онъ выказывается признательнымъ; но какъ скоро проносится сообразный съ истинною приговоръ его пустымъ проектамъ или безвкуснымъ комплициямъ, то низкая зависть направляетъ его къ самымъ чернымъ поступкамъ для того, чтобы коварно придуманнымъ злословіемъ возбудить сомнѣніе къ проникательности возражателя. Это настоящій портретъ Тартюфа! Впрочемъ я отдаю всю справедливость его, хотя и невоздѣланному уму...¹⁾

Николай Рычковъ, окончивая описаніе въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ»²⁾ удаленія калмыковъ изъ Россіи, сказалъ: «калмыцкой побѣгъ былъ источникомъ, родившимъ различное зло и разрушившимъ спокойствіе народовъ, обитающихъ въ оренбургской губерніи. Излишно бы было изчислять весь вредъ, проистекшій изъ сего случая. Всякой, вошедъ въ связь сего дѣла и изчисля убытки, нанесенные казнію отправленіемъ двухъ многочисленныхъ корпусовъ противу сихъ мятежниковъ, разрушеніе на тотъ годъ

1) ...«Da ich aus Eur Hochwohlgebohrnen schätzbaren Schreiben vom 28 Decembre ersehe, dasz der H. Etats-Rath Rytschkow eine historische Verfassung vom Abzuge der Kalmücken zusammen getragen, so wundert mir nichts mehr als dasz dieser Mann, aus eitelem Vertrauen auf seine Stärke in der Feder, eine Beschreibung unternommen hat, deren Anecdoten ihm gänzlich verborgen sind, und die folglich voller Unrichtigkeiten seyn musz. Der gantze Verlauf dieser Sachen ist so wohl vom Reichs- als Krieges-Collegio als eine geheime expedition tractiret worden. Alle ordres und raports sind no sekrety expediret, und die Samlung aller Chartequen beträgt einen Stoss acten von 50 Buch Papier welches wohl die reineste Quelle bleibet, aus welcher der wahre Zusammenhang dieses unangenehmen Vorfalles, geschöpft werden könnte. Im übrigen habe ich aus einer dreyjährigen Erfahrung, fast Mathematische Beweise, dasz eine unumschränkte Eingeliebe die Lieblings Leidenschaft dieses Mannes ausmachtet. Er scheint aus Eitelkeit dankbahr, so bald man aber seine seichten projecte oder seine abgeschmackten compilationes pflichtmässig beurtheilet, so lenket ihn der finstere Neyd zu den schwärtzesten Anschlägen, um die Einsichten eines Widersprechers, durch heimtückische erdichtete Verleumdungen zu ahnen, dieses ist die wahre Abschilderung eines Tartuffe! Im übrigen lasze ich seinem, ob zwar ungebildeten Genie alle Gerechtigkeit wiederfahren... XXII портфель писемъ исторiографа Миллера.

2) СПб. 1772 года, стр. 99. 100. Г. Нилъ Поповъ, въ сочиненіи «Татищевъ и его время», на стр. 358, приписалъ ошибочно это описаніе погои за калмыками Петру Рычкову.

коммерціи и съ нею наилучшей части доходовъ оренбургской губерніи, и, наконецъ, самую пользу, бывшую отъ сего скотоводствующаго народа, легко понять можетъ, сколь много сіе смятеніе нанесло вреда и сколь потеря сія должна намъ быть чувствительна»...

Начало слѣдующаго 1772 года въ оренбургской губерніи ознаменовалось новыми смутами. «Вы, писалъ старикъ Рычковъ къ Миллеру 19 января того года, довольно уже знаете исторію о побѣгѣ калмыковъ. Топерь у насъ въ сторонѣ такой же чрезвычайной случай произошелъ. Яицкіе казаки, по многимъ своимъ преждебывшимъ дерзостямъ, до такой отважности дошли, что бывшаго у нихъ въ городкѣ генерала-маіора Михаила Михайловича фонъ Траубенберга (человѣка честнаго и добраго) съ нѣсколькими офицерами и съ частію его команды убили до смерти. Вы легко можете понять, какія по сей причинѣ могутъ быть въ здѣшней сторонѣ вновь движенія. Сіе случилось 12 числа сего мѣсяца. Что впредь будетъ изъ сего, не премину я васъ увѣдомить»... 16 февраля 1772 года: «башкирцы спокойны, а возмутились яицкіе казаки, убивъ до смерти генераль-маіора Траубенберга. О семъ ожидается здѣсь резолюція, что повелѣно будетъ дѣлать?» За тѣмъ въ письмахъ Рычкова краткія извѣстія о приѣздѣ генераль-маіора Фреймана для усмиренія яицкихъ казаковъ и при этомъ предупрежденія, что ему, Рычкову, неизвѣстны всѣ подробности, такъ какъ онъ не имѣетъ доступа къ подлиннымъ бумагамъ объ этомъ дѣлѣ. 10 мая 1772 года онъ извѣщалъ исторіографа: «Здѣсь у насъ все по прежнему. Состояніе яицкаго, вамъ уже извѣстнаго дѣла..... весьма критично; ибо никакихъ обстоятельствъ онаго въ достовѣрность не знаю. Время покажетъ намъ, чимъ сіе дѣло кончится. Какъ бы не сдѣлалось оно наконецъ похожимъ на калмыцкое». Говоря послѣднее, Рычковъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду какія нибудь основанія, такъ какъ впоследствии оказалось, что сами яицкіе казаки намѣревались передаться въ подданство турецкому султану, и о томъ же подавалъ имъ мысль Пугачевъ, когда еще не принималъ на себя самозванства¹⁾. 7 іюля 1772 года: «здѣсь нѣтъ у насъ ничево новаго

¹⁾ «Допросы Пугачева» въ Чтеніяхъ общ. исторіи и древн. москов., 1858 г., кн. II, матер., стр. 6, 7.

хорошего. Яицкія дѣла, какъ слышно, что далѣ, то гаже (je länger, je ärger); но обстоятельно увѣдомить мнѣ васъ нынѣ не можно, ибо я ни мало къ нимъ не участенъ»... 14 іюня 1772 г.: «Здѣсь обстоитъ все по прежнему. Яицкое дѣло вскрылось тѣмъ, что собравшіеся они тысячахъ въ десяти, отважились препятствовать идущему къ нимъ подъ командою г. генераль-маіора Фреймана корпусу (кой состоялъ въ трехъ тысячахъ); не допустя его до своего городка верстъ за 60, выжгли степь. Окружа его со всѣхъ сторонъ своимъ людствомъ, требовали, чтобъ онъ къ нимъ не ходилъ, а возвратился бъ назадъ; но сей искусной генераль, простоявъ на безводномъ мѣстѣ сутки, дабы степной пожаръ угасъ, не смотря на ихъ многолюдство, пошелъ къ городку прямо и отбивая ихъ отъ корпуса пушками, принудилъ ихъ самихъ возвратиться назадъ. Они, прибывъ въ городокъ, думали было противиться; но многіе отъ того отреклись, изъ за чего главные ихъ зачинщики человекъ съ 300 бѣжали, а прочіе отъ побѣгу удержаны и покорились, и г. Фрейманъ безпрепятственно съ командою своею вступилъ въ ихъ городокъ. Вотъ на чемъ яицкое наше дѣло вскрылось. Надобна была неустрашимость и храбрость противу превосходнаго людства, кою г. генераль маіоръ дѣйствительно исполнилъ (sic). Топерь потребенъ разумъ и хорошее распоряженіе, какимъ образомъ поступить въ изслѣдованіи бывшаго безпокойства и въ установленіи между оними людьми наилучшихъ порядковъ»... 21 іюня 1772 года: «О яицкомъ дѣлѣ, чимъ оно кончилось, я къ вамъ уже писалъ. Къ тому сіе служить въ прибавокъ, что и бѣжавшіе казаки всѣ переловлены. Слѣдствіе о ихъ бунтѣ и злодѣйствахъ производимо будетъ здѣсь. Весь сей нерегулярный корпусъ имѣеть быть учрежденъ на другомъ уже основаніи».

12 іюля 1772 года: «У насъ развѣ сіе одно новымъ почестъ, что о яицкихъ мятежникахъ комиссія уже здѣсь начата и пойманыхъ злодѣевъ (коихъ со сто человекъ сюда привезено) допросы производятся. Главные изъ нихъ говорятъ, что послѣднее ихъ намѣреніе было бѣжать съ жепами и дѣтьми на Каспійское море и тамъ усилиться; особливо же намѣревались они завладѣть Астработомъ или Хивою»...

Зимою 1772 года Рычковъ собрался было ѣхать по дѣламъ

службы въ Москву, но при этомъ случаѣ губернаторъ нашель возможность хотя отчасти выместить Рычкову за его пересуды и поспѣшное доставленіе въ столицы описанія событій во ввѣренной Рейнсдорпу губерніи. «Что до ѣзды моей къ вамъ въ Москву надлежитъ, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ декабрѣ 1772 года, то хотя и получилъ я отъ главнаго моего командира, т. е. отъ Михайла Яковлевича Маслова, «формальной ордеръ и думалъ я по сіе число быть уже въ дорогѣ; однакъ, сверхъ чаянія моего, сдѣлалось въ томъ небольшое запинаніе. Иванъ Андреевичъ, здѣшній г. губернаторъ, не имѣя у себя отъ Михайла Яковлевича никакого о томъ сообщенія, на репортъ мой къ нему поданной съ прошеніемъ дозволенія и подорожной, отозвался мнѣ предложеніемъ своимъ, что онъ при нынѣшнихъ, якобы многодѣльныхъ у меня въ комиссіи обстоятельствахъ къ отъѣзду моему согласиться не можетъ»...

Рейнсдорпъ съ своей стороны писалъ Миллеру 24 декабря 1772 года: «г. статскій совѣтникъ Рычковъ еще здѣсь и теперь не можетъ еще отправиться во первыхъ потому, что этого не допускаютъ новыя солянныя учрежденія, а во вторыхъ онъ меня обошелъ, какъ хозяина дома, и просилъ о дозволеніи безъ моего вѣдома¹⁾».

Рычкова видимо огорчало это происшествіе. 20 декабря 1772 года писалъ онъ къ Миллеру: «уныніе и слабость моего духа по штилю сего письма узнать изволите. Трудно противъ рожна прать. Простите меня въ худости моихъ выраженій».

Рейнсдорпъ могъ только отдалить поѣздку Рычкова, который въ январѣ 1773 года отправился-таки въ Москву. Здѣсь, учрежденное при московскомъ университетѣ учено-литературное общество — Вольное Россійское Собраніе предложило ему званіе своего члена. Въ письмѣ къ Рычкову по этому поводу, между прочимъ, говорилось: «Вольное Россійское Собраніе, совершенно извѣстное, съ какою ревностію вспомошествовали всегда с. петер-

¹⁾ «H. E. R. Rytschkow ist noch hier und wird auch vor der Hand nicht reysen können, weil es vors erste die neuen Saltz Einrichtungen nicht erlauben, und weil er zweitens mir als Wirth vom Hause vorbey gegangen ist, so dasz er ohne mein Vorwiszen um Urlaub gebethen hat»... XXII портфель писемъ къ истор. Миллеру въ архивѣ академической конференціи.

бургской Академіи Наукъ и Вольному Экономическому Обществу, основательно питаетъ себя надеждою, что если предложеніе вами будетъ принято, то сообщенія ваши не менѣе принесутъ пользы и чести, какъ донинѣ приносили обоимъ упомянутымъ мѣстамъ»... Внеся это письмо въ свои записки, Рычковъ отмѣтилъ также тамъ: «марта 2 числа имѣлъ я честь въ первые присутствовать въ Вольномъ Россійскомъ Собраніи московскаго университета. Къ сему предводителемъ моимъ былъ самъ тайный совѣтникъ и кураторъ Иванъ Ивановичъ Мелиссино, и одинъ изъ профессоровъ говорилъ на русскомъ языкѣ касающуюся до меня рѣчь»...

Покинувъ Москву въ началѣ марта, Рычковъ заѣхалъ въ село Спасское, гдѣ оставался за распутицею довольно долгое время; 28 апрѣля 1773 года пріѣхалъ въ Оренбургъ и оттуда 15 мая извѣщалъ, между прочимъ, Миллера: «Вчера съѣдалъ я у г. губернатора. Могу сказать вамъ, какъ моему истинному другу, что онъ нынѣ ко мнѣ очень хорошъ и благосклоненъ, и старается самъ о построеніи для меня казеннымъ коштомъ весьма хорошаго и покойнаго дому».

VIII.

1773 — 1773 годы.

Пугачевщина. Записки о ней Рычкова. Враждебныя отношенія къ нему оренбургскаго губернатора. Последнія работы Рычкова по описанію оренбургскаго края. Кончина.

До сентября 1773 года письма Рычкова къ Миллеру не отличались особенною занимательностью. По ббльшей части въ нихъ шла рѣчь о покупкѣ разныхъ книгъ и о печатаніи Вольнымъ Россійскимъ Собраніемъ при московскомъ университетѣ «Введенія къ астраханской топографіи».

Въ сентябрѣ 1773 года словоохотливый въ перепискѣ съ исторіографомъ Рычковъ вдругъ сдѣлался скрытнымъ и таинственнымъ. 3 числа того мѣсяца онъ писалъ: «мы никогда еще въ такомъ безпокойствѣ не находились какъ нынѣ; а въ чемъ оно состоитъ, о томъ увѣдомлю васъ впредь». Однако въ слѣдующемъ

письмѣ отъ 5 сентября нѣтъ никакого разъясненія помянутому безпокойству, и есть только обыкновенное извѣстіе: «у насъ здѣсь все по прежнему: засуха еще продолжается, отчего и хлѣбъ дорожаетъ. Я съ дѣтьми по сіе число здоровъ» и пр. 12 сентября Рычковъ все письмо наполнилъ о книгопродавцѣ Веверѣ, о глинѣ, находимой при Чебаркульской крѣпости и пр., и мимоходомъ замѣтилъ: «топерь нѣтъ у насъ ничего новаго». 19 сентября: «здѣсь у насъ нѣтъ ничего новаго. Да и что можетъ быть въ такой отдаленности достойное къ вашему увѣдомленію? Вы насъ онымъ не оставляйте»... Наконецъ 26 сентября Рычковъ рѣшился сдѣлать такой неясный намекъ при упоминаніи о тамошнемъ губернаторѣ: «не знаю, будетъ-ли онъ къ вамъ сегодня писать за недосугомъ своимъ по причинѣ нѣкотораго, вновь около Яицкаго городка оказавшагося безпокойства, куда посылаетъ онъ команды». Вновь оказавшееся безпокойство происходило отъ появленія въ окрестностяхъ Яицкаго городка Пугачева. Здѣсь въ первый разъ 15 августа 1773 г. одинъ пьяный казакъ разболталъ, что у нихъ на хуторахъ проживаетъ царь Петръ Ѳедоровичъ¹⁾, что и побудило тамошняго коменданта подполковника Симонова посылать команды для поимки самозванца. Извѣстно, что эти поиски кончились ничѣмъ, и 5 октября Пугачевъ началъ осаду Оренбурга.

«Наши обстоятельства, писалъ отсюда Рычковъ къ Миллеру 25 ноября 1773 года, такія, какихъ сначала здѣшняго города не бывало, и я отъ роду моего не видывалъ. Долговременное неполученіе писемъ моихъ даетъ вамъ идею, сколь трудно находить способъ къ отправленію отсюда писемъ; а почты ordinarily уже съ два мѣсяца нѣтъ отъ насъ въ отправленіи. Супостать нашъ, не малое число людей и около ста артиллерійскихъ орудій имѣющій, многократно уже покушался на взятіе города; но всегда былъ отбиваемъ, и нынѣ стоитъ отъ насъ недалеко, т. е. въ Бердской слободѣ. Помощь наша отъ Господа, сотворшаго небо и землю: мы всю нашу надежду имѣемъ на него. Когда спасемся отъ злодѣевъ, тогда буду я писать обстоятельнѣе и постараюсь ваше любопытство удовлетворить.... Въ нынѣшнее стропотное наше время сдѣлалъ я описаніе съ имѣющейся у меня

¹⁾ «Записка полковника Пекарскаго» Москвитинъ 1841 г. № 6, истор. матеріалы, стр. 440, 441.

старинной и невразумительной почти тетради о бунтѣ Стеньки Разина и его единомышленниковъ¹⁾). Оно по его подробностямъ гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ какъ я читывалъ у нашихъ и иностранныхъ писателей. Какъ скоро отворится у насъ безопасный проѣздъ, то я сіе описаніе перешлю къ вамъ»...

Безопаснаго проѣзда, о которомъ писалъ Рычковъ, пришлось ожидать долго. «Мы, сообщалъ онъ Миллеру 4 декабря 1773 года, еще и по нынѣ въ осадѣ отъ злодѣевъ. Недавно покушались они овладѣть Верхне-Озерною крѣпостью, дѣлали къ ней сильные приступы; однакожь отбиты съ немалымъ урономъ. Къ нашему городу не дѣлаютъ они нынѣ приступовъ, зная, что городъ топерь въ хорошемъ оборонительномъ состояніи. Мнятъ принудить они насъ къ сдачѣ хлѣбнымъ недостаткомъ, коего мы еще не имѣемъ, а между тѣмъ ожидаемъ съ вашей стороны помощи. Г. Каръ и Фрейманъ сюда еще не бывали»... Только въ концѣ марта 1774 года побѣда князя Голицына надъ мятежниками освободила Оренбургъ отъ долговременной осады. «Бѣдственное наше состояніе, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ апрѣлѣ того года, съ начала октября понынѣ продолжавшееся, не допускало меня къ пріятнѣйшей съ вами перепискѣ. Въ какой мы нуждѣ и крайности находились, топерь не достаесть мнѣ времени описывать: изъ приложенной вѣдомостцы продажному здѣсь хлѣбу и харчу легко вамъ узнать, далеко-ль мы были отъ гибели²⁾). То-перь избавились мы отъ злодѣевъ божескимъ и монаршескимъ защищеніемъ, стараніемъ же его сіятельства князя Петра Михайловича Голицына и его превосходительства Федора Юрьевича Фреймана».

«Во время осады, когда нечего было дѣлать, описалъ я астра-

¹⁾ Повидимому Рычковъ любилъ останавливаться на тѣхъ событіяхъ изъ прошедшаго, которые напоминали ему настоящее. Такъ въ 1772 г., когда во всей Россіи были толки о моровой язвѣ, онъ послалъ къ Миллеру списокъ «о бывшемъ въ Россіи во время царя Алексѣя Михайловича моровомъ повѣтріи».

²⁾ Объ этой вѣдомости Рычковъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ объ оренбургской осадѣ; но вѣроятно Пушкинъ не имѣлъ ее въ доставленныхъ ему спискахъ Записокъ, почему она и не помѣщена при «Исторіи пугачевского бунта». Ср. «Сочиненія Пушкина» изд. П. В. Анненкова, т. VI, стр. 487 и 556. По этой причинѣ означенная вѣдомость помѣщена мною въ приложеніи V.

ханской бунтъ Стеньки Разина и его сообщниковъ. Сіе извѣстіе прилично къ астраханской исторіи, а потому и прилагаю я оное при семъ на ваше дружеское разсмотрѣніе. Не разсудите-ль вы сообщить его общему нашему милостивцу, Ивану Ивановичу Мелиссину? Можетъ быть прикажетъ онъ его напечатать въ историческихъ издаваемыхъ нынѣ отъ университета сочиненіяхъ¹⁾...

Въ исторической литературѣ о пугачевщинѣ Рычковъ занимаетъ видное мѣсто какъ авторъ записокъ объ этомъ событіи. Подобно современнику своему, полковнику Пекарскому, также описывавшему мятежъ, Рычковъ былъ только очевидцемъ осады г. Оренбурга, и потому въ запискахъ обоихъ этихъ лицъ особенно обстоятельно занесены разныя подробности сейчасть названнаго эпизода изъ пугачевского бунта. Разница же между ними та, что Рычковъ свою лѣтопись составилъ тотчасъ послѣ осады, употребляя литературные приемы, соблюдая искусственность въ изложеніи и вмѣщая притомъ оффиціальныя бумаги разныхъ вліятельныхъ лицъ, которыя знали его какъ извѣстнаго литератора. Михаилъ Николаевичъ Пекарскій въ пугачевщину былъ четырнадцатилѣтнимъ сержантомъ; сочинялъ свою записку по памяти въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, безъ всякой литературной обработки. Онъ не распространялся о малоизвѣстныхъ ему военныхъ дѣйствіяхъ главныхъ начальниковъ, но изъ сыновней любви къ памяти отца своего, Николая Николаевича, занесъ, напр., въ свое описаніе, что при осадѣ г. Уфы во время одной вылазки отбита у мятежниковъ пушка маіоромъ Пекарскимъ²⁾.

Записки Рыčkова, какъ и ббольшая часть матеріаловъ русской исторіи XVIII столѣтія, изданы съ описками и безъ критической оцѣнки. Пушкинъ, напечатавшій ихъ при своей Исторіи пугачевского бунта, мало былъ знакомъ съ біографіею ихъ автора, котораго считалъ академикомъ. Митрополитъ Евгеній³⁾ Записки

¹⁾ Здѣсь Рычковъ разумѣетъ періодическое изданіе «Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія», въ которомъ, однако, не было напечатано извѣстіе Рыčkова.

²⁾ «Записка полковника Пекарскаго о бунтахъ яицкихъ (что нынѣ уральскіе) казаковъ и о самозванцѣ Емельянѣ, донскомъ казакѣ Пугачевѣ» напечатана въ Москвитинѣхъ 1841 года, № 6, истор. матер., стр. 438 — 468. Подлинникъ хранится нынѣ въ Публичной Библиотекѣ, куда поступилъ изъ погодинскаго древнехранилища.

³⁾ «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», II, стр. 159.

П. И. Рычкова о пугачевскомъ бунтѣ приписалъ сыну его Николаю. Въ весьма недавнее время часть этихъ записокъ и притомъ любопытнѣйшая, на основаніи невѣрныхъ и произвольныхъ соображеній, приписана была Матвѣю Чернышеву, никогда не думавшему прибавлять ни одной строки къ лѣтописи Рычкова¹⁾.

Мысль составить описаніе осады Оренбурга первый подавъ Рычкову князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, побѣдитель Пугачева. «Его сіятельство, писалъ Рычковъ къ Миллеру въ апрѣлѣ 1774 года, бывъ здѣсь въ городѣ недолго, весьма благосклонно со мною обошелся. Я съ нимъ вмѣстѣ обѣдалъ: рекомендовалъ мнѣ сдѣлать описаніе злодѣйской осады въ бытность тутъ губернатора»...

Въ маѣ 1774 года: «...Его сіятельство князь Петръ Михайловичъ ко мнѣ очень благосклоненъ и просилъ меня разсмотрѣть и въ порядокъ привести походныя его записки со всѣми дѣйствами, до освобожденія Оренбурга и многихъ здѣшнихъ мѣстъ учиненными, что я уже и сдѣлалъ, чѣмъ онъ весьма доволенъ былъ. Уповаю, что сей журналъ скоро онъ и отправитъ. Дѣла и распоряженія его всѣ достойны великой славы. Словомъ погибли бѣ мы здѣсь, ежели-бъ не спасъ насъ его сіятельство, разбивъ предводителя и самозванца Пугачева на двухъ сраженіяхъ.

«Что касается до описанія того, сколько мы претерпѣли, то не надѣюсь я, дабы его превосходительство г. губернаторъ согласился на письмо ваше давать мнѣ потребныя къ тому извѣстія изъ имѣющихся у него. Да и самъ онъ немного ихъ имѣеть, ибо коммуникація сюда и отсюда совсѣмъ была пресѣчена. Я, по елику видѣлъ самъ и слышалъ отъ другихъ, содержалъ у себя для памяти и собственнаго моего свѣдѣнія ежедневную записку, чтобы со временемъ можно было составить изъ нея сего бѣдственнаго нашего времени описаніе; но опасаюсь, какъ бы тѣмъ не подвергнуть мнѣ себя у друзей моихъ еще большому нареканію противъ того, какому подверженъ былъ сынъ мой Николай за описаніе похода, бывшаго за бѣжавшими калмыками. Я люблю правду и не могу инако не только писать, но и говорить. Прошу васъ, какъ моего истиннаго друга, сказать мнѣ на сіе ваше мнѣніе».

¹⁾ Русскій Архивъ 1865 года, № 3, стр. 335, 336.

За тѣмъ, послѣ краткихъ извѣстій о дальнѣйшихъ движеніяхъ Пугачева, прибавлено: «Жена его, на коей онъ женился на Яикѣ (была она тамъ великая волочайка, а собой недурна), и кою онъ называлъ парицею, и всѣ тамошніе злодѣи также ее признавали, поймана, и скоро, уповаю, сюда будетъ привезена... Село мое Спасское и еще двѣ деревни, близъ онаго имѣющіяся, злодѣями совсѣмъ разорены, не только дома, но и церкви разграблены. Убытку мнѣ по меньшей мѣрѣ тысячъ на десять рублей. Пуще всего сожалѣю я объ моей библиотекѣ, коя отъ злодѣевъ сожжена и истреблена».

8 мая 1774 года: «Новаго у насъ ничего нѣтъ кромѣ сего, что Пугачева жена, на коей онъ женился въ Яицкомъ городкѣ, сюда привезена. Другая его жъ жена и съ дѣтьми содержится въ Казани. Здѣшнія барыни изъ любопытства видѣть въ предупомянутой отмѣнную красоту ѣздятъ ее смотрѣть; но на мои глаза не нашель я никакого чрезвычайнаго въ ней хорошества»...

19 мая 1774 года: «Вчера съ пріѣхалъ сюда въ городъ его сіятельство г. генераль-поручикъ и кавалеръ, князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Щербатовъ, да и обѣдали мы вчера всѣ вмѣстѣ у здѣшняго г. прокурора Ушакова на именинахъ жены его. Его сіятельство васъ довольно знаетъ, о чемъ самъ мнѣ сказывалъ. За столомъ, не нарочно сдѣлался у насъ разговоръ о исторіи здѣшняго осаднаго времени. Его сіятельство разсуждалъ, что надобно оной быть безпристрастной и упредить, чтобъ французы и другіе иностранные народы не издали въ публику о сей нашей осадѣ и о самозванцѣ Пугачевѣ несправедливыхъ извѣстій. Всѣ согласовали, что я къ оному сочиненію способнѣе другихъ. Я отзывался, что текущихъ или настоящихъ временъ исторію всякому сочинителю, а наипаче справедливому и безпристрастному писать сумнительно. Притомъ надобно имѣть обо всемъ полное свѣдѣніе и пр. Князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ отзывался, чтобъ я, написавъ оную какъ самовидѣцъ многихъ бывшихъ дѣлъ, не издавалъ ее нынѣ въ публику. Всѣ на то согласовали, а г. губернаторъ, сядя подлѣ меня, сказывалъ, что вы къ нему писали, дабы онъ снабдилъ меня потребными къ тому извѣстіями и пр.; да и обѣщалъ свои журналы и анекдоты, принадлежащіе къ тому, сообщить. Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ журналъ свой мнѣ уже

поручилъ, и оной уже изготовленъ по освобожденіе Оренбурга отъ осады. Князь Федоръ Федоровичъ тожъ обѣщалъ, а потому и всему отъ онаго труда невозможно мнѣ было отговориться. Я при случаѣ сдѣлаю тому напередъ планъ и покажу имъ, да и вамъ пришло. Вы, какъ мой истинный другъ, не худо сдѣлаете, когда въ этомъ подкрѣпите и исходатайствуете какое нибудь къ тому одобреніе. Довольно бѣ было для меня ежели бѣ сіе дѣло пристойнымъ образомъ Академія или кто изъ знатныхъ господъ, мнѣ откомендовали, ибо я опасуюсь какъ бы, принявшись за оное, не придти мнѣ въ слабость и безсиліе. Весьма уже началъ я оскудѣвать въ моихъ силахъ по причинѣ вѣрренныхъ мнѣ здѣшнихъ соляныхъ дѣлъ, въ великую разстройку злодѣями приведенныхъ, и не знаю, достанетъ ли моихъ силъ, возстановить оныя и привести въ тотъ порядокъ, въ которой они отъ меня были приведены»...

29 мая 1774: «Иванъ Андреевичъ (губернаторъ Рейнсдорпъ) далъ уже мнѣ списывать свой журналъ. Князя Петра Михайловича журналъ имѣю жъ. Ежели поотдосужусь, буду я изъ нихъ и изъ моихъ записокъ составлять описаніе. Не знаю, буду-ли я ободренъ чимъ нибудь по претерпѣннымъ мною великимъ разореніямъ. По сіе время питаютъ меня еще одними обѣщаніями. Весьма много бѣ споспѣшествовали къ моей пользѣ, ежели-бъ нашли случай изъясниться о томъ съ Петромъ Дмитріевичемъ Еропкинымъ и съ Михайломъ Яковлевичемъ Масловымъ, моимъ шефомъ»... Въ PS: «доношу вамъ, милостивому государю моему: я съ моей стороны всѣ способы употребляю привлекать къ себѣ благосклонность его превосходительства Ивана Андреевича; но сей, весьма мною любимой человѣкъ отвращаемъ бываетъ людьми, суще не достойными его милости, привыкшими къ самолюбію и ласкательству. Я не могу быть таковъ, какъ они, и никогда такимъ не бывалъ: черное не называю бѣлымъ. Вотъ вамъ, любезной мой другъ и милостивецъ, причины тому, для чего я часто выдерживаю огорченія и возбуждаю противу себя ненавистниковъ добру. Изъ сего краткаго вы все прочее понять и разсудить можете по вашему во всѣ дѣла проищанію».

Въ іюлѣ 1774 года у Рычкова была уже готова первая часть его Записокъ, гдѣ онъ описалъ о яицкихъ казакахъ, волненіяхъ въ Яицкомъ городкѣ и первое появленіе Пугачева до его

приближенія къ Оренбургу, т. е. до 1 октября 1773 года. Послѣ того Рычковъ сдѣлался боленъ, и потому работа его остановилась. 3 сентября 1774 г., пославъ первую часть Миллеру, онъ писалъ: «каждая часть будетъ въ себѣ содержать теченіе мѣсячнаго времени. Изъ послѣдующихъ увидите вы, милостивый государь мой, много чуднаго, и я сумнѣваюсь, описывая справедливо все, какъ (бы) не сдѣлать себѣ предосужденія. У меня приготовлено уже къ перепискѣ октябрь, ноябрь и декабрь. Осталось приготовить январь, февраль и мартъ. Прочее въ другомъ томѣ будетъ описывано... Прошу васъ дать мнѣ ваше мнѣніе и совѣтъ, ежели сіе издавать въ публику годится, то гдѣ напечатать? Не лучше-ль въ Академіи, гдѣ вы о томъ, чрезъ кого пристойно, постараться можете»... Черезъ 8 дней Рычковъ уже сообщилъ, что описаніе осады имъ уже почти окончено, а 18 сентября 1774 года имъ же писано къ Миллеру:

«Два извѣстія имѣю вамъ топерь сообщить ко взаимному нашему удовольствію. Первое, что Пугачевъ съ сообщниками его, ниже Царицына версть со сто (Царицынымъ завладѣть онъ не могъ) г. полковникомъ Михельсономъ совершенно разбитъ, какъ то вы изъ приложенной при семъ съ приказу копіи усмотрѣть изволите. А другое еще того важнѣе, что и самъ онъ, Пугачевъ, пойманъ его жъ сообщниками и связанной привезенъ уже въ Яицкой городокъ, гдѣ топерь и содержится. Онъ, послѣ пораженія его г. Михельсономъ, пробирался къ Яицкому городку, слѣдовательно снова къ намъ и въ Башкирію; и будучи верстахъ въ 50 отъ Яицкаго городка на узеньяхъ (узеньями называются тѣ мѣста, кои, начинаясь вблизи онаго городка, пошли къ самому Каспійскому морю, гдѣ великіе болота, камыши и кустарники), имѣя при себѣ сообщниковъ не болѣе 150 человекъ, оными своими сообщниками связанъ; отъ коихъ по увѣдомленію въ Яицкой городокъ, посланною за нимъ командою и тѣми его сообщниками привезенъ въ городокъ и отданъ находящемуся тутъ по слѣдственной секретной комиссіи гвардіи капитанъ-поручаку Маврину. Вотъ, милостивый государь мой, извѣстіе новое, которымъ каждый вѣрный сынъ отечества обрадованъ быть долженъ. Сей великой злодѣй въ алатырскомъ, въ саранскомъ и въ пензенскомъ уѣздахъ ужасное множество дворянъ съ ихъ фамиліями погубилъ и несмѣтныя причи-

нилъ губительства и разоренія. Даруй Боже, чтобъ изъ сего здѣсь поскорѣе возстановлена была тишина и спокойствіе; но злодѣй почти всю чернь возмутилъ, а притомъ башкирцовъ и киргизцовъ»...

P.S. «Топерь снова посѣщенъ я печалью, но такую, которой для меня больше быть не можетъ: сынъ мой старшій (34 лѣтъ), тотъ, который былъ полковникомъ и синбирскимъ комендантомъ, деташированъ былъ съ малою командою на скопившихся около Синбирска злодѣевъ. Онъ трафилъ на многочисленную толпу злодѣевъ. Онъ тутъ скончался — убитъ оными злодѣями. Сдѣлайте въ такомъ случаѣ своему другу отраду и утѣшеніе. Кончина его тѣмъ хороша, что онъ жизнь положилъ за отечество».

Потерю сына описалъ Рычковъ и въ своихъ Запискахъ, которыя за послѣдніе особенно годы не отличались пространными извѣстіями: «Во время бывшей г. Оренбургу отъ злодѣя Пугачева шестимѣсячной осады, не только въ ежедневномъ страхѣ и погибели весь городъ, слѣдовательно и я съ женою и дѣтьми и со всѣми домашними находился, но и село мое Спасское съ двумя деревнями сообщниками злодѣя разорены, и бывшіе тамъ пожитки, а при томъ святыя церкви и немалая моя бывшая тамъ библіотека расхищена; и хуторъ мой подгородній, называвшійся тогда Маловскимъ, самимъ злодѣемъ ограбленъ и выжженъ; которое мнѣ разореніе, по самой меньшей цѣнѣ считая, гораздо больше двадцати тысячъ. Но все оное, хотя и великое разореніе не столько меня огорчило, какъ безвременная кончина старшаго моего сына. Сей мой любезной и долголѣтней жизни достойной сынъ, будучи въ г. Синбирскѣ полковникомъ и комендантомъ, зная, что отъ возмущенія Пугачева въ синбирскомъ уѣздѣ едва не вся чернь взволновалась и устремилась на убійство и ограбленіе дворянъ, да и самой уже городъ угрожаемъ былъ отъ нихъ нападеніемъ и гибелью, для охраненія по возложенной на него должности, какъ комендантъ и вѣрный сынъ отечества, собравъ изъ гарнизона, до прибытія его въ великой разстройкѣ бывшаго, около ста чело- вѣкъ, да столько жъ изъ улановъ и копейщиковъ, недавно составленныхъ изъ помѣщичьихъ слугъ и крестьянъ, съ одною пушкою (ибо и всѣхъ при семь городѣ было только двѣ), выступили про- тивъ оныхъ скопляющихся въ уѣздѣ мятежниковъ и бунтовщи-

ковъ. Онъ имѣлъ счастье сбить и разсыпать двѣ злодѣйскія толпы многолюдныя: одну—въ селѣ Озеркахъ, гдѣ оныя злодѣи дважды на команду его нападали, а другую—подъ деревней, называемой Щучья, въ коей живутъ новокрещены и нѣсколько помѣщичьихъ мужиковъ. Узнавъ же, что подъ пригородомъ Корсуномъ, версть со ста отъ Сибирска, есть еще злодѣйское сборище, въ коемъ находилось ихъ болѣе 700 человекъ, имѣя у себя предводителемъ помѣщика Кондакова слугу, который отъ Пугачева названъ былъ полковникомъ и коего прозванье было Фирсовъ. И хотя корсунскіе жители передались всѣ на сторону злодѣевъ, однако онъ, не уважая великаго ихъ людства, пошелъ туда и вступилъ съ ними въ сраженіе. Слабая его команда здѣсь поколебалась; нѣкоторые передались злодѣямъ, а другіе побѣжали назадъ. Притомъ бывшій гарнизонный капитанъ Крыжанъ убитъ былъ напередъ, а онъ самъ, какъ начальникъ, имѣя при себѣ не болѣе уже 20 человекъ, сколько силъ его было, оборонялся; былъ тутъ раненъ двумя тяжкими ранами въ спину и руку. Видя жъ, что ничего надѣ тѣми злодѣями одержать было ему невозможно, устремясь на нихъ въ послѣднее, одному изъ нихъ саблею снесъ голову, а другаго умертвилъ своими жъ руками, изъ за чего остервенѣвшіе злодѣи, бросившись на него, окончили его жизнь копьями и саблями своими. При семъ его смертномъ случаѣ два солдата, бывшіе при немъ, скололи штыками двухъ злодѣевъ, коихъ они, поймавъ, отсѣкли имъ головы и положили одну подлѣ головы, а другую въ ногахъ у покойнаго и обще съ ними подвизавшагося командира. Тѣло его погребено тогда въ Корсунѣ при тамошней церкви; сынъ же его, а мой внукъ до самой кончины при немъ находился, а потомъ двумя доброжелательными уланами (кои были изъ людей его родственниковъ) спасенъ отъ гибели. Все оное происходило сего 1774 года 26 числа августа».

Въ 1774 году неудовольствія между губернаторомъ Рейнсдорпомъ и Рычковымъ снова возобновились по поводу составленія послѣднимъ описанія оренбургской осады. Когда до Оренбурга дошло свѣдѣніе, что графъ Петръ Ивановичъ Панинъ назначенъ былъ главнокомандующимъ оренбургской, казанской и нижегородской губерній, то Рычковъ (14 августа 1774 г.) обратился къ Миллеру: «Его сіятельству, уповаю, надобны будутъ люди, на-

чало и составъ прежнихъ учреждений и намѣреній знающіе. Я хотя и знакомъ его сѣятельству бывалъ, но давно; мнѣ мнится, что я, по свѣдѣнію здѣшнихъ дѣлъ и народовъ, могъ бы употреблень быть нынѣ съ пользою высочайшихъ интересовъ и съ моимъ авангажемъ, но самому на то набиваться дурно. Нѣтъ ли вамъ, милостивый государь мой, дороги и способу рекомендовать меня его сѣятельству?... Миллеръ, а также Еропкинъ (Петръ Дмитриевичъ ¹⁾) говорили графу Панину о Рычковѣ, и вслѣдствіе того онъ былъ потребованъ въ Симбирскъ для личныхъ объясненій съ графомъ по дѣламъ оренбургской губерніи. Рычковъ туда отправился изъ Оренбурга 13 сентября 1774 года.

Этотъ вызовъ долженъ былъ еще болѣе разсердить Рейнсдорпа, и досада его дѣйствительно видна въ желчныхъ выходкахъ противъ Рычкова въ письмѣ къ Миллеру отъ 16 октября: «Г. Рычковъ получилъ отъ меня и другихъ генераловъ всѣ матеріалы для пугачевской исторіи. Дѣйствительно онъ написалъ ее и показывалъ разнымъ лицамъ, но для меня его хартія до сихъ поръ остается тайною, изъ чего я съ увѣренностью вывожу, что онъ, по своему обыкновению, наполнилъ ее сказками и лжами. Онъ нашелъ способъ быть вызваннымъ въ Симбирскъ отъ его сѣятельства графа Панина. Нѣсколько книгъ съ бумагами, наполненными легкомысленными проектами, суть его путевые спутники; но такой проникательный мужъ (гр. Панинъ) непременно сорветъ маску съ его глупости. Короче — только въ могилѣ такой чело-вѣкъ разстанется съ своей черной душой ²⁾».

Что касается до Рычкова, то изъ его писемъ того времени къ Миллеру можно судить, какъ онъ былъ доволенъ и вызовомъ

¹⁾ Изъ письма Рычкова къ Миллеру 27 ноября 1774 г., видно, что первый сообщилъ Еропкину первую часть составленнаго имъ описанія оренбургской осады, которую этотъ и передалъ графу Панину.

²⁾ ...«H. Rytschkoff hat alle Materialien zur Historie des Pugatschew von mir und andere General erhalten, er soll sie würlklich geschrieben, und verschiedenen gezeigt haben. Für mich ist diese Chartequе aber bisz dato ein Geheimnisz und ich schliesse folglich mit Gewisheit dasz er selbige nach Gewonheit mit Lügen und Märchen ausgefüllet. Er hat einen Canal gefunden, dasz ihn der H. Gr. Pan. Erl. nach Simbirsk verlanget. Einige Bücher mit windige Projecte angefüllte Papiere sind seine Reyse Gefährten, ein so einsichtsvoller Mann wird aber ohnfehlbar seiner Thorheit die Larve abziehen. Kurtz dieser Mensch wird von seiner schwartzen Seele erst im Grabe geschieden werden... XXII портфель писемъ къ историографу Миллеру въ архивѣ академической конференціи.

и приѣмомъ главнокомандующаго. Такъ въ письмѣ изъ Симбирска 24 октября 1774 года читаемъ: «Графъ Петръ Ивановичъ принять меня благосклонно и содержитъ милостиво. Изъясненія мои о состояніи нашей губерніи, какъ я примѣтилъ, были ему угодны; но съ чимъ и сколь скоро отсюда отпустить онъ меня, о томъ только еще не знаю. Можетъ статься, что къ нынѣшнимъ моимъ соляннмъ дѣламъ нѣкоторую часть возложить онъ на меня и другихъ, о чемъ впредь вамъ донесу».

«Супостата и злодѣя нашего Пугачева, уповаю, скоро увидите вы въ Москвѣ. Онъ отсѣлъ на сихъ дняхъ отправляется. Удивленія достойно, что столь пюгавой мужиченко могъ надѣлать великое множество злодѣйствъ».

«Здѣсь нынѣ такое людство, что каждодневно вижу маленькую Москву¹⁾. И объдаемъ у его сіятельства человѣкъ до шестидесяти и болѣе».

Въ другомъ письмѣ также изъ Симбирска въ октябрѣ 1774 года: «находясь здѣсь, пользуюсь я милостями графа Петра Ивановича и радуюсь, что трафилъ на такого человѣка, который во все проникаетъ и узнаваетъ существо всякаго дѣла. Таковому угождать и нравиться не трудно. Ласкаю себя надеждою, что приѣздъ мой сюда въ разсужденіи государственной, а притомъ и моей собственной пользы будетъ не въ тунѣ; но не могу еще донести, сколь долго продержитъ меня при себѣ его сіятельство. Можетъ статься, что пробуду при немъ и до ево отсѣлъ отбытія».

«Злодѣя Пугачева на сихъ дняхъ отправили къ вамъ въ Москву. Сіе чудовище мерзкое, уповаю, вы тамъ увидите. Я его здѣсь видѣлъ и съ нимъ говорилъ».

Графъ Панинъ отпустилъ Рычкова изъ Симбирска въ ноябрѣ мѣсяцѣ. 31 октября 1774 года было написано отъ главнокомандующаго къ оренбургскому губернатору, что на Рычкова возложено составленіе «историческиххъ экстрактовъ» и для того ему должны быть открыты всѣ дѣла о киргизцахъ и башкир-

¹⁾ Въ бытность въ Симбирскѣ, Рычковъ досталъ, какъ онъ говорилъ, «нарочитое извѣстіе» объ этомъ городѣ, которое послалъ въ распоряженіе Миллера при письмѣ 12 февраля 1776 года.

пахъ ¹⁾). Увѣдомляя о томъ Миллера, 20 ноября 1774 года, Рычковъ писалъ:

¹⁾ Вотъ инструкция, или, какъ называлъ Рычковъ, пункты, данныя ему для составленія историческихъ экстрактовъ:

1. Какое отъ Двора и министерства предписаніе когда было въ разсужденіи какъ политическаго со онымъ народомъ наблюденія, такъ и какой образъ поведенія съ ними былъ предписанъ и употреблялся отъ оренбургскаго начальства.

2. Съ котораго времени вступленіе сего народа въ подданство російское и какимъ образомъ произошло, а съ того времени и по нынѣшнее ихъ возмущеніе какіе когда поступки были, какъ отъ нашихъ къ нимъ начальниковъ, такъ и отъ нихъ въ повиновеніи и въ противностяхъ къ скипетру російскому.

3. Сколькó въ которомъ году со времени вступленія ихъ въ подданство, кромѣ нынѣшняго возмущенія, бывали-ли или нѣтъ отъ сего народа какія гдѣ впаденія, въ которомъ именно году въ наши границы; что они въ оныхъ когда вреднаго причинили.

4. Ко отвращенію и стражи отъ того сколько гдѣ воинскихъ нашихъ полевыхъ и гарнизонныхъ командъ содержалось.

5. Какія воинскія дѣйствія, когда тѣ наши команды при впаденіяхъ онаго народа въ наши границы производили и какое потому бывало сношеніе и расположеніе съ начальствомъ сихъ ордъ.

6. Тѣ наши воинскія команды съ котораго времени, по чьимъ повелѣніямъ убыли или ослабѣли, и сколько ихъ гдѣ оставалось противу прежняго оныхъ расположенія при начинаніи нынѣшняго происшедшаго въ семъ краю возмущенія.

7. Сколь многочисленны нынѣ могутъ быть поставляемы всѣ киргизскія орды.

8. Подъ какими названіями гдѣ которая изъ нихъ орда свое кочеваніе обыкновенно въ какое годовое время имѣетъ.

9. Отъ временъ учрежденія оренбургской съ симъ народомъ торговли по сложному о всякомъ году вычисленію показать, сколько по той сложности въ каждой годъ вступало казеннаго, какого именно отъ коммерціи съ тѣми народами дохода; насупротивъ того сколько жъ въ каждомъ году должно было полагать казенныхъ издержекъ на содержаніе полевыхъ войскъ и гарнизонныхъ, употребленныхъ только на предохраненіе сей коммерціи.

10. По сложности же cadaго года вступившихъ пошлинь, какая сумма ежегодно обращалась отъ обѣихъ сторонъ въ торговлю.

11. При самомъ окончаніи онаго экстракта въ какомъ настоящемъ положеніи сей народъ находится будетъ своими поступками противу Россіи въ сравненіи того, какое онъ имѣлъ до наступленія нынѣшняго возмущенія.

Другой экстрактъ о башкирцахъ; въ которомъ бы показано было:

1. Со времени учрежденія оренбургской губерніи какія о семъ народѣ отъ Двора и отъ прочихъ высшихъ правительствъ предписанія были въ разсужденіи управленія онымъ. 2. На какія онъ части, подъ какое начальство, съ какими основаніями раздѣленъ. 3. Съ того времени какое оному переписное численіе было ли и когда. 4. Въ какомъ числѣ онъ сначала и, наконецъ, предъ нынѣшнимъ послѣднимъ возмущеніемъ былъ. 5. Какую съ котораго времени подать въ казну платилъ. 6. Какія гдѣ службы, для чего, въ какомъ числѣ отправлялъ, и служивые какое казенное содержаніе при какомъ случаѣ имѣли или нѣтъ. 7. Не было-ль какихъ сначала особыхъ о семъ народѣ учрежденій

«Пугачевъ и сообщники его главные изъ Синбирска при мнѣ отправлены. Съ помянутымъ злодѣемъ разговаривая, нашелъ я въ немъ самаго отважнаго и предприимчиваго казака. Въ разговорахъ его со мною примѣчалъ я въ немъ невѣжество и умѣнье притворять себя ко всему. Когда я упомянулъ ему объ моемъ сынѣ, который убитъ подь Коруномъ его сообщниками, и не могъ притомъ удержаться отъ слезъ, то и онъ сталъ плакать, показывая видъ сожалѣнія. Впрочемъ признавалъ онъ себя виноватымъ передъ Богомъ и государынею; но хотѣлъ еще вины свои заслуживать, ежели государыня повелитъ и пр.»...¹⁾

«Описаніе оренбургской осады въ публику издать конечно такъ сходнѣе, какъ вы по совѣту съ его превосходительствомъ Иваномъ Ивановичемъ М(елиссино) писать ко мнѣ изволили; но чтѣ я въ мое сочиненіе вносилъ, сіе все такая правда, которую и дѣлами, и людьми доказать можно. Не угодно-ль будетъ его превосходительству или вамъ изъ онаго сочинить другое такую методю, какъ пристойно для публики. Мое пускай останется въ архивѣ. Оно у меня все уже написано, и графъ одинъ списокъ взялъ въ свою канцелярію, чтобъ соединить его съ генеральнымъ обо всемъ бунтѣ описаніемъ, которое сочиняетъ у него г. Веревкинъ. Но сіе все, уповаю, не будетъ въ публикѣ, развѣ экстрактъ изъ онаго и то, уповаю, не скоро. И такъ нужно упредить изданіемъ въ публику такого, какъ вы судите, чтобъ иностранные писатели несправедливаго и неумѣстнаго не напечатали. Я къ вамъ буду сообщать списки съ моего, какъ я сочинилъ. Вы изъ

и ему запрещеній, а потомъ перемѣны или запусценія когда воспослѣдовавшихъ о несодержаніи у себя кузнецовъ и прочаго удобнаго къ вооруженію безъ позволенія правительствъ. 8. Сколько отъ вступленія ихъ подь правленіе оренбургской губерніи когда было отъ нихъ бунтовъ, подь какими именно предлогами, кѣмъ, когда они усмирены, какое за каждое ихъ возмущеніе было имъ наказаніе и прошеніе на какихъ основаніяхъ. 9. При сочиненіи сего экстракта всѣ-ли безъ изыятія онаго народа старшины и селенія найдутся во обращеніи къ прежнему подданническому повиновенію или кто, гдѣ и когда еще оставаться будетъ въ супротивности. 10. Какую сверхъ положенныхъ казенныхъ податей имѣетъ ли или нѣтъ выгоду или пользу отъ сего народа російская имперія или партикулярно подданные ея величества.

Подписалъ: графъ Петръ Панинъ.

¹⁾ Это же самое, но только съ большими подробностями Рычковъ внесъ въ 3-е прибавленіе къ своей лѣтописи, «Сочиненіе А. С. Пушкина», изд. П. Анненкова, т. VI, стр. 521—522.

него что надобно выбирать можете, а напечатать не изволите-ль, не упоминая писателя. Что его превосходительство (Мелиссино) на сіе скажетъ, о томъ прошу меня увѣдомить».

«Начало яицкихъ казаковъ отъ донскихъ въ Топографіи Ор. хотя изъ словесныхъ объявленій, однакъ достовѣрно показано. Они долгое время и состояли подъ вѣдомствомъ донскихъ казаковъ, что изъ дѣлъ можно доказать; но вы сіе распространить и поправить можете по вашему свѣдѣнію»...

Въ настоящее время еще неизвѣстно, гдѣ хранятся работы Рычкова, предприятия имъ по порученію графа П. Панина для собранія свѣдѣній о киргизцахъ и башкирцахъ. Но что эти работы были начаты, то видно изъ писемъ Рычкова къ Миллеру. Такъ 4 декабря 1774 года онъ уже писалъ: «какъ я, такъ и приказные мои служители всѣ заняты у меня возложенными на меня отъ графа Петра Ивановича дѣлами, изъ коихъ одна часть на сихъ дняхъ къ нему и отправляется». 25 декабря 1774 года: «его сіятельство первымъ моимъ трудомъ, по предписанію его чиненнымъ, столько доволенъ былъ, что пожаловалъ мнѣ отъ имени ея величества 2000 руб. Вы знаете, милостивый государь, сколь они полезны оскудѣвшему отъ разоренія и ослабѣвающему въ силахъ своихъ челоуѣку. Я не успѣлъ еще ево и благодарить, почувствовавъ отъ великаго восхищенія нѣкоторой припадокъ: онъ награждаетъ и обнадеживаетъ меня не по моимъ меритамъ. При случаѣ внушите ему, милостивый государь мой, глубочайшую мою благодарность, кая во вѣкъ мой будетъ со мною»... 5 февраля 1775 года (послѣ извѣстія о своемъ болѣзненномъ положеніи): «Всего мнѣ досаднѣе топерь, что я не могу отправлять возложенныхъ на меня отъ его сіятельства должностей такъ, какъ мнѣ желательно. Севодни едва могъ я отправить къ нему одно дѣло, по повелѣнію его мною сочиненное. Оно составляетъ инструкцію учрежденной здѣсь отъ его графскаго сіятельства пограничной и иновѣрческой экспедиціи, въ которую угодно было ему опредѣлить меня членомъ. Я надѣюсь, что она, или по меньшей мѣрѣ первая ея часть, до ординскихъ дѣлъ принадлежащая, разсматривана будетъ у васъ въ коллегіи, а потомъ и далѣе»...

По распоряженію графа Панина, оставшемуся въ полной силѣ и послѣ увольненія его отъ главнаго управленія оренбург-

скою, казанскою и нижегородскою губерніями, Рычковъ, кромѣ завѣдыванія по прежнему соляною частію, принималъ, вмѣстѣ съ оренбургскимъ губернаторомъ, участіе по управленію заграничными дѣлами и инородцами въ краѣ. Неудивительно, что это не могло нравиться Рейнсдорпу: кромѣ того, что онъ лично не былъ расположенъ къ Рычкову, его самолюбіе по необходимости должно было страдать отъ назначенія ему помощника, такъ какъ тѣмъ самымъ высказывалось недовѣріе правительства къ силамъ и опытности начальника губерніи. По всей вѣроятности Рейнсдорпъ писалъ о томъ Миллеру, а этотъ въ свою очередь уговаривалъ Рычкова жить въ мирѣ. Покрайней мѣрѣ объ этомъ можно догадываться изъ слѣдующаго мѣста письма Рычкова отъ 19 февраля 1775 года: «вы, милостивый государь мой, многаяжды уже дѣлали мнѣ напоминанія къ согласію, которое я всегда наблюдалъ и наблюдаю; нынѣшнее ваше письмо и увѣщаніе, чтобъ я не созидалъ моего счастья ко вреду другихъ, довольно уже даетъ мнѣ знать, въ разсужденіи ково изволите писать. Я по крайней моей возможности стараюсь сохранять честь всѣхъ людей, а наипаче тѣхъ, отъ коихъ я еще и одолженъ бывалъ; но разсудите, милостивый государь мой, чего нѣтъ, можно-ли сказать, что оно есть, и что есть, можно-ли выговорить, что нѣтъ? Я во всю мою жизнь ласкателемъ и клеветникомъ не бывалъ; держусь справедливости и резону во всѣхъ моихъ поведеніяхъ... Научите вы, милостивый государь мой, меня, какъ въ такихъ обстоятельствахъ поступать. По благоразумію вашему надѣюсь вы сами иначе мнѣ не присовѣтуете. Я бы могъ больше изъясняться, но въ разсужденіи моей скромности и привычки къ терпѣнію всякое своенравіе сношу. Но позволь мнѣ покинуть сію матерію: тоска, отъ болѣзни происходящая, помрачаетъ мои рѣчи»...

Съ своей стороны Рейнсдорпъ писалъ къ Миллеру 28 іюля 1775 года: «если не избавлюсь прежде отъ нелѣпаго Рычкова и Оренбурга, то ничто въ мирѣ не удержитъ меня въ началѣ сентября мѣсяца просить графа Петра Ивановича объ отзвѣѣ...¹⁾»).

¹⁾ ...«Wenn ich nicht eher von den Hals unsinnigen Rytschkow und von Orenburg erlöst werde, so soll mich nictes in der Welt abhalten den H. Graffen Peter Iwanowitsch um meine Zurückberufung im Anfange des Septembre Monathes zu bitten»...

Въ 1775 году въ письмахъ Рычкова чаще стали повторяться жалобы на нездоровье и слабость силъ. Болѣзненное его состояніе еще болѣе увеличилось отъ паденія на крыльцѣ, причемъ онъ раздробилъ себѣ ногу, такъ что потомъ уже не могъ ходить безъ клюки съ одной стороны и поддержки съ другой. Впрочемъ болѣзни и старость не могли измѣнить обычныхъ занятій Рычкова. Онъ въ 1775 году намѣревался приняться за сочиненіе статей «о коммерческихъ матеріяхъ»; писалъ продолженіе Оренбургской Исторіи на 1774 и 1775 годы, а въ 1776 году не на-шутку принялся-было за новый трудъ, о которомъ 28 января 1776 года такъ сообщалъ Миллеру: «Мнѣ разсудилось вмѣсто прибавленія къ вашему географическому лексикону ¹⁾ собрать особливою на здѣшнюю губернію лексиконъ такъ, чтобъ ни едино жительство и обстоятельство, примѣчанія достойное, упущено въ немъ не было. Его превосходительство г. губернаторъ недавно сіе жъ самое рекомендовать изволилъ, и я разослалъ уже во всѣ присутственныя здѣшнія мѣста справки о присылкѣ потребныхъ къ оному извѣстій. Сей одной здѣшней губерніи лексиконъ можетъ служить образчикомъ и для другихъ губерній. Я можетъ быть найдусь въ состояніи изъяснить оныи моими дополненіями и приложеніемъ потребныхъ къ тому ландкартъ. Съ одного моего запроса, посланнаго въ уфимскую провинціальную канцелярію, для свѣдѣнія вашего прилагаю при семь копію, а все собравъ и приведши въ порядокъ, для надобнаго употребленія по разсмотрѣніи вашемъ, къ вамъ же, милостивому государю моему, сообщу»...

4 февраля 1776 года: «я къ вамъ на предварившей почтѣ послалъ, помнится, копію съ того моего запроса, по которому желательно мнѣ собрать отовсюду извѣстія къ сочиненію здѣшней губерніи географическаго и историческаго лексикона. Сіе началъ я по согласію съ Иваномъ Андреевичемъ, г. губернаторомъ; но есть уже здѣсь безпокойныя головы, которыя почитаютъ сіе за ненадобное дѣло, служащее къ отягощенію люда. И хотя я отъ такихъ безпутныхъ толковъ не имѣю опасенія, но чтобъ во правду не произошло изъ того помѣшательствъ, покорно прошу

¹⁾ «Географическій Лексиконъ россійскаго государства» собранный воеводою г. Верей Федоромъ Полунинымъ, — изданъ съ дополненіями и поправками Миллеромъ въ Москѣ 1778 года, въ 8^о.

вась отписать къ его превосходительству отъ себя, чтобъ и онъ въ томъ мнѣ способствовалъ съ своей стороны и не допускалъ бы беспокоить меня отъ такой негодной и вредной критики. Слышу, что здѣшній прокуроръ принимаетъ въ ней участіе, слушая приказныхъ служителей самыхъ подлыхъ душъ. Вотъ каковы здѣшніе обстоятельства и какъ помогаютъ полезнымъ дѣламъ!»...

Можно-ли было ожидать тогда Рычкову содѣйствія отъ Рейнсдорпа, это лучше всего видно изъ письма его къ Миллеру 11 марта 1776 года, гдѣ онъ, между прочимъ, говорилъ: «не довольно того, что я въ Оренбургѣ уже потерялъ нѣжно любимую жену и пять дѣтей и подвергаюсь ежедневнымъ коварнымъ пройскамъ нашего здѣшняго человѣканенавидца г. Р***, такъ какъ теперь мои страданія опять возобновились по случаю смерти тринадцатилѣтняго мальчика, подававшего большія надежды. Я умолкаю...¹⁾»).

Къ сочиненію здѣшняго географическаго лексикона, писалъ Рычковъ 17 марта 1776 года, на запросы мои изъ разныхъ мѣстъ получилъ уже я извѣстія, въ томъ числѣ изъ уфимской провинціи за всю сію провинцію. Правда, что не всѣ они съ полными обстоятельствами, но разомъ въ совершенство такое сочиненіе не можно привести: оно время отъ времени можетъ дополнено быть. По одной присланной изъ Уфы считается 521 жителство, а всѣхъ уповаю около двухъ или трехъ тысячъ будетъ. При началѣ такихъ дѣлъ встрѣчающіяся затрудненія и недостатки надобно преодолевать терпѣніемъ. Теперь изъ всѣхъ вѣдомостей выбираютъ у меня подъ алфаветъ одни званія, а потомъ уже станутъ дѣлать и описанія, которыя я елико возможно поправлять и дополнять буду. Это правда, что такая книга въ каждой губерніи не только для общенароднаго, но и для канцелярскаго употребленія весьма надобна и полезна»... 24 марта 1776 года: «о вспомоствованіи въ сочиненіи здѣшняго географическаго лексикона нѣтъ уже нужды писать вамъ къ его превосходительству здѣш-

¹⁾ ...«Es ist nicht genug dasz ich eine zärtlich geliebte Ehegattin und fünf Kinder in Orenburg bereits verloren habe, und dasz ich denen täglichen Schickalen unseres hiesigen Menschen-Feindes H. R*** ausgesetzt binn, denn mein Leid musste noch neulich durch den Todt eines Hoffnungs vollen Knaben von 13 Jahren vollen kommen gemacht werden, ich schweige!»...

нему г. губернатору. Я уже большую часть до сего принадлежащих извѣстій собралъ; осталось получить изъ исецкой только провинціи и изъ ставропольскаго вѣдомства. Критику на вопросы превозмогъ я моимъ терпѣніемъ»...

5 мая 1776 года Рычковъ послалъ къ Миллеру первую букву своего Словаря, прося притомъ совѣтовъ у исторіографа. Около того же времени онъ донесъ объ этомъ трудѣ тогдашнему генераль-прокурору, князю Вяземскому, который одобрилъ предпріятіе Рычкова. Въ Запискахъ его занесено, что это одобрѣніе принесло ему пользу и въ матеріальномъ отношеніи. Подъ 1776 годомъ тамъ записано: «Впрочемъ домашнее мое упражненіе состояло болѣею частію въ сочиненіи топографическаго словаря на всю оренбургскую губернію, къ чему я побужденъ былъ письмомъ его сіятельства, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, генераль-прокурора и разныхъ орденовъ кавалера, князя Александра Алексѣевича Вяземскаго; котораго первую часть отъ литеры А по литеру М и отправилъ я декабря 8 числа съ приношеніемъ моимъ къ его сіятельству, приложя притомъ по его совѣту и просительное мое письмо къ ея императорскому величеству о моихъ нуждахъ и недостаткахъ къ содержанію своему».

«1777, февраля, обрадованъ я былъ полученіемъ отъ его сіятельства на просьбу отвѣтнаго письма съ приложеніемъ притомъ копии съ ея величества указа, даннаго правительствующему сенату, по которому ея величеству угодно было пожаловать мнѣ за службу и труды 15,000 рублей. Легко понять, въ какой восторгъ приведенъ я былъ сею великою и не по заслугамъ моимъ оказанною ко мнѣ высочайшею милостію»...

«Теперь я, писалъ Рычковъ къ Миллеру, 9 февраля 1777 года, изъ самой, могу сказать, крайней нужды, при великихъ моихъ недостаткахъ и сумнительствахъ, вдругъ сталъ снабженъ да и обогащенъ. Я весьма слабъ моимъ здоровьемъ. Сверхъ болѣзни въ ногѣ моей, мучитъ меня еще и лихорадка; однакожь не взирая на оную, выѣзжаю еще къ моимъ должностямъ. Мое здоровье теперь не столько уже нужно для меня и для моихъ домашнихъ, развѣ не гожусь ли я сколько нибудь для отечества... Лексиконъ топографической на здѣшнюю губернію я уже окончилъ и надѣюсь

*

вторую часть онаго чрезъ двѣ почты отправить къ его сіятельству»¹⁾.

Подъ конецъ переписки свой, два старика Миллеръ и Рычковъ, такъ точно обмѣнивавшіеся между собою письмами въ продолженіи болѣе двадцати лѣтъ, вдругъ было поссорились. Миллеру надоѣло исполнять частыя порученія Рычкова о разсылкѣ писемъ послѣдняго по знакомымъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. 16 февраля 1777 года Рычковъ извинялся въ причиненныхъ Миллеру безпокойствахъ отъ подобныхъ порученій. «Сожалѣю крайне, говорилъ онъ при этомъ случаѣ, что вы отъ моей неосторожности приведены въ нѣкоторой родъ агтраціи, вѣдая, что такое состояніе намъ, старикамъ, нездорово»... До 20 апрѣля 1777 года Рычковъ крѣпился и не писалъ, а въ этотъ день онъ извѣщалъ своего пріятеля: «Молчаніе мое происходило отъ послѣдняго вашего письма, но какъ я чистосердечно васъ люблю и почитаю, то и не могъ оставить безъ увѣдомленія, что всемилостивѣйшей и прозорливой нашей монархинѣ угодно было 14 марта пожаловать меня главнымъ командиромъ въ Екатеринбургъ къ тамошнимъ заводскимъ правленіямъ»...

Нѣсколько дней спустя по прибытіи въ Екатеринбургъ къ новой должности, 23 іюля 1777 года Рычковъ по нѣмецки увѣдомилъ о томъ Миллера; потомъ 17 августа и 9 сентября онъ общалъ ему же, что слабъ здоровьемъ и лежитъ въ постели, а 11 ноября того же года Алена Денисьевна Рычкова писала къ историографу: «Пріятное письмо ваше къ любезному вашему другу Петру Ивановичу, пущенное отъ 18 октября, получено мною 7 ноября, которое уже не застало его въ живѣ, ибо по произволенію Божію, къ несносному моему мученію скончался онъ октября 15 дня, и я осталась теперь со всѣми моими дѣтьми въ нангорестнѣйшемъ состояніи. Надѣюсь, что и вы, такъ какъ бывший другъ покойному моему Петру Ивановичу, примете соучастіе въ моемъ несчастіи»...

Тѣло Рычкова перевезено изъ Екатеринбурга въ село Спасское и похоронено при построенной имъ тамъ церкви.

¹⁾ Д. В. Полѣновъ сказывалъ пишущему эти строки, что у него въ имѣніи хранится часть этого лексикона Рычкова. Уцѣлѣлъ-ли еще гдѣ нибудь полный списокъ послѣдняго труда его, неизвѣстно.

Въ предпоследній годъ жизни Рычкова нѣмецкій писатель Юганнъ Георгъ Крюницъ (Krünitz, род. 1728 † 1796 г.), бывшій членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, обращался къ нему съ просьбою о доставленіи его портрета для приложенія его въ гравюрѣ къ издаваемой имъ съ другими учеными «Oekonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats-, Stadt-, Haus- u. Landwirthschaft in alphabetischer Ordnung»... «Они, писалъ поэтому поводу Рычковъ къ Миллеру 26 мая 1777 г., столь много меня восхваляли, что я не могъ имъ отказать въ ихъ требованіи, а потому и посылаю я присемъ письмо мое и тотъ требованной чертежъ, тушью сдѣланной (каковó могли ево скопировать здѣсь съ моего портрета)».... Въ XXX части названнаго изданія, вышедшей въ Берлинѣ въ 1784 году помѣщенъ гравированный портретъ съ подписью «Peter Rietzkow»—такъ Рычковъ всегда подписывался самъ по нѣмецки. Что же касается до приложеннаго къ настоящей біографіи портрета его, то онъ срисованъ съ современнаго портрета мяслянными красками, хранящагося у правнука его, Д. Н. Рычкова.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Сенатскій докладъ о винахъ Татищева.

Къ стр. 13.

По вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, бывшій начальникъ и покровитель Рычкова, В. Н. Татищевъ просилъ «отставить» учрежденную надъ нимъ слѣдственную комиссію и притомъ старался доказать, что онъ былъ жертвою гоненій Бирона, Остермана и гр. Голенина. По поводу этого прошенія, въ сенатѣ былъ составленъ докладъ слѣдующаго содержанія:

«Въ 1739 г., по протестамъ полковниковъ, что нынѣ бригадиры, Алексѣя Тевкелева и Ивана Бардекеевича и казанскаго купца Семена Иноземцова на тайнаго совѣтника Василья Татищева въ чинимыхъ имъ, Татищевымъ, въ бытность его въ оренбургской экспедиціи главнымъ командиромъ въ противность указовъ и непорядочныхъ поступкахъ, во взяткахъ и обидахъ; также, что онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, представлялъ на вышеозначеннаго Бардекеевича о нерадѣтельныхъ его поступкахъ и во взяткѣ лошадей, скота и прочаго, — учреждена была комиссія, изъ которой въ сенатѣ для разсмотрѣнія поданы экстракты со мнѣніемъ, что онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, на него, Бардекеевича, представлялъ неосновательно и тѣмъ его подѣ слѣдствіе привелъ напрасно, за что по сентенціи 1740 году сентября 19 приговорено его, тайнаго совѣтника Татищева, лишить всѣхъ чиновъ, а его, Бардекеевича, отъ того слѣдствія освободить безъ всякаго штрафа и учиненнаго ему ареста въ подозрѣніе не причитать, и заслуженное жалованье, что онъ во время аресту не получалъ, ему выдать, на что въ томъ же 740 году октября 25 дня и конфирмація была. А что касается до него, тайнаго совѣтника Татищева, и о другихъ, о томъ, по рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, представить о каждомъ порознь со мнѣніемъ. А по собраніи потребныхъ къ тому справокъ, разсматривано, по которымъ онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, въ неисправленіи должности своей, въ непорядочныхъ поступкахъ въ противность указовъ и во многихъ взяткахъ, а бригадиръ Тевкелевъ и города Казани купецъ Семень Иноземцевъ въ нѣкоторыхъ на тайнаго совѣтника Татищева недоказа-

тельствѣхъ явились виновны, за что по силѣ указовъ и государственныхъ правъ и подлежали штрафовъ (sic), но по мнѣнію той комиссіи, по силѣ состоявшихся вашего императорскаго величества всемилоствѣйшихъ указовъ, тѣхъ штрафовъ не положено. А что касалось до ущерба интересовъ вашего императорскаго величества и взятокъ, оное положено взыскать.

И по разсмотрѣнію въ сенатѣ тайный совѣтникъ Татищевъ явился виновенъ, а именно:

1. Для житья своего въ городѣ Самарѣ построилъ домъ съ огородами и пришептивую улицу, и прочее строилъ собою безъ увазу, и для того ломалъ обывательскіе дома, а на тѣ строенія деньги употреблялъ и обывателямъ платилъ казенныя, которыхъ издержано 2645 руб. 89 к. съ половиною. Онъ же, Татищевъ, покупалъ въ Сибири на казенныя жъ деньги золото и серебро на дѣло посуды для трактованія хановъ. А какъ того ему употреблять не велѣно, то золото и серебро взялъ себѣ по цѣнѣ на 2050 руб. 91 коп. Въ то число заплатилъ 1000 руб., а достальныя обѣщалъ заплатить изъ жалованья.

2. Въ 738 году, въ бытность свою въ Оренбургѣ, при отправленномъ въ Ташкентъ караванѣ, въ противность указомъ, послалъ свои товары.

3. По смѣнѣ бывшаго въ Москвѣ отъ оренбургской экспедиціи комиссаромъ брата своего роднаго, дворянина Никифора Татищева, не взявъ его, какъ прочіе для счету въ оренбургскую канцелярію были бирани, отправилъ къ нему въ Москву нарочно изъ Самары бухгалтера, и протоколиста Маркова, безъ канцелярскаго опредѣленія, плетыми сѣкѣ.

4. Во время прибытія въ Оренбургъ къ присягѣ Абулхайръ-хаца выдалъ жалованье непорядочно: прежде ему, хану, и султаномъ и старшинамъ и Средней ордѣ; а Меньшая орда отъ выдачи прежде ихъ Средней ордѣ жалованья поставили себѣ за обиду, и, пришедъ отъ того во огорченіе, между собою при раздачѣ жалованья поссорились. И бывшій тогда въ Оренбургѣ Меньшей орды знатной и первой старшина Букенъ-бай батырь, поставя то себѣ за обиду жъ, не учиня присяги, отѣхалъ и всѣхъ прибывшихъ киргизцовъ съ Абулхайръ-ханомъ безъ мала съ 1000 человекъ къ присягѣ не привелъ, а приведены только одни старшины съ 50 человекъ. А жалованье въ раздачу производилъ онъ, Татищевъ, одинъ безъ общаго съ Тевкелевымъ согласія и безъ канцелярскаго опредѣленія; а протоколъ о томъ уже сочинилъ и закрѣпилъ одинъ послѣ того спустя нѣсколько времени.

5. Россійскимъ купцамъ въ Оренбургѣ лошадей и верблюжью шерсть покупать запрещалъ и бралъ съ нихъ взятки волками, и овчинками, и лошадьми на 195 руб.

6. Въ новостроющихся лучшихъ трехъ городкахъ въ Красносакмарскѣ, Красноборскѣ и въ Бузулуку отдалъ питейную продажу на откупъ одному купцу Издеберскому противъ прежняго платежа съ уменьшеніемъ въ годъ по 50 р. 21 копейкѣ.

7. Въ 737 году купя себѣ шесть лошадей сѣрыхъ, а за негодностью взялъ въ казенныя безъ оцѣнки и свыше положенныхъ въ статьѣ дѣтъ и выдалъ деньги за каждую по 15 рублей.

8. Въ томъ же году, подь образомъ покупки перстня, съ подполковника Бахметева взялъ денегъ 300 руб. и въ то число отдалъ 200 р., а достальныхъ 100 р. не заплатилъ.

9. Пойманнаго съ отгонными краденными отъ Абулхаиръ хана лошадьми башкирца отпустилъ безъ слѣдствія и взялъ двѣ лошади; такожь съ киргизцовъ и ханскихъ дѣтей бралъ лошадьми жь—всего 7 лошадей.

10. Съ двухъ казаковъ взялъ двѣ лошади.

11. Съ атамана Кабанки и есаула Бородина и отъ старшинъ взялъ 40 волвовъ да двѣ лошади.

12. Съ кушца Кубылкина взялъ за выдачу за поставочное подрядное вино денегъ во взятокъ 300 р.

13. Купленныя ему красныхъ кожъ 50 юфтей, кои привезены были въ Оренбургъ на казенномъ коштѣ, продалъ въ казну, и сверхъ покупной цѣны взялъ у каждой юфти по рублю.

14. Воровъ и бунтовщиковъ башкирцовъ двухъ человекъ, взявъ съ нихъ дву иноходцевъ, изъ подь караула отпустилъ.

15. Главныхъ бунтовщиковъ-заводчиковъ, башкирскихъ старшинъ Анпъ-бая, Юсупа Никеева, не отославъ въ комиссію башкирскихъ дѣлъ къ слѣдствію и розыску, по просьбѣ вѣрныхъ старшинъ отпустилъ.

16. По силѣ учиненнаго въ 736 году консиліума—о выступленіи для скорѣйшаго прекращенія и искорененія башкирскаго бунта, въ 737 году весною ранѣе всѣмъ командамъ,—не исполнилъ и назначенныхъ къ тому консиліуму 3000 человекъ крестьянъ не собралъ, и по границѣ къ опредѣленнымъ въ крѣпостяхъ заводамъ и деревнямъ офицерами не распредѣлил и отъ того учинилъ великую ошлошность.

17. Онъ же, Татищевъ, въ 737 году на полковника, что нынѣ бригадиръ, Бардееевича, въ бывшій Кабинетъ якобы о нерадѣтельныхъ его поступкахъ и во взятыхъ башкирскихъ лошадей, скота и прочаго во удержаніи у себя, представлялъ неосновательно, и тѣмъ его, Бардееевича, привелъ подь слѣдствіе и держанъ былъ подь арестомъ, о чемъ показано выше сего.

(Слѣдуетъ выписка изъ законовъ о взяточникахъ и лихоимцахъ).

Въ 737 году, въ опредѣленіи тайнаго совѣтника Татищева, генераль-маіора, что потомъ былъ генераль-лейтенантъ, Соймонова и прочихъ написано: съ башкирцевъ подарки и взятки брать запретить, чтобъ отъ того какого вреда не произошло. А офицеромъ ни до какихъ башкирскихъ пожитковъ ни подь какимъ видомъ не касаться, дабы изъ того вреднаго лакомства, невиннымъ разоренія и въ дѣйствахъ военныхъ, яко же и справедливости вреда не учинилось. Да сентября 2 дня того-жь 737 году въ посланномъ къ тайн. сов. Татищеву изъ бывшаго Кабинета уважѣ написано: публиковать при всѣхъ тамошнихъ войскахъ съ тако-

вымъ изъясненіемъ, что хотя который офицеръ въ малѣйшемъ какомъ лакомствѣ явится, тотъ смертью казнень быть имѣетъ. И оныя езекуціи, ежели таковыя обратятся дѣйствительно, для постраху (sic) другимъ и чтобъ сами башенрицы видѣли, что такіе лакомые поступки чинятся противно указомъ, и тѣмъ бы скоряе къ надлежащему наказанію и перестанію отъ бунта приведены были, и, не списываясь, надъ ними учинить главному командиру.

И хотя помянутого тайнаго совѣтника Татищева за вышепоказанные, учиненные его противные поступки, по силѣ вышеписанныхъ указовъ, подлежало лишить всѣхъ чиновъ и учинить смертную казнь, но по силѣ состоявшихся вашего императорскаго величества всемилостивѣйшихъ 1741 декабря 15 и 1744 годовъ іюля 15 чиселъ указовъ, то ему упустить, ибо онъ, Татищевъ, вышеписанные противные поступки чинилъ до тѣхъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшихъ указовъ.

А понеже онъ, Татищевъ, нынѣ обрѣтается въ астраханской губерніи губернаторомъ, которому за вышепоказанными подозрѣніи въ той губерніи губернаторомъ, по разсужденію сенатскому, уже быть не можно. Того ради вашему императорскому величеству сенатъ всеподданнѣе представляетъ, не соизволите ли ваше императорское величество указать его, Татищева, изъ той губерніи перемѣнить, а на мѣсто его опредѣлить губернатора другаго. А хотя по вышеписаннымъ вашего императорскаго величества всемилостивѣйшимъ указомъ и повелѣнію посланныхъ за показанныя въ тѣхъ указахъ вины на каторгу и въ ссылку свобода, годныхъ и указомъ непротивныхъ по прежнему опредѣлить въ службу и къ дѣламъ; но понеже онъ, Татищевъ, не токмо по вышеписанному дѣлу явился во многомъ преступленіи и взяткахъ, но и прежде того по дѣлу жъ, слѣдующемуся о московскихъ денежныхъ компанейщикахъ, явился во взятѣхъ съ нихъ взятковъ и въ 1734 г. особливимъ именнымъ блаженныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны указомъ въ томъ прощенъ. Но онъ, Татищевъ, и за тѣмъ, какъ выше сего показано, пакы поступалъ противно и бралъ взятки жъ. И для того сенатъ, видя его, Татищева, не воздержна и опасаясь, дабы отъ того въ интересахъ вашего императорскаго величества не послѣдовало впредь какаго упущенія и ущербу, затѣмъ ему, Татищеву, губернаторомъ быть не можно; такожь и впредь ни къ какимъ дѣламъ его не опредѣлять. И о томъ сенатъ у вашего императорскаго величества всеподданнѣе проситъ всемилостивѣйшаго указа. Что же онъ, Татищевъ, какъ выше сего показано, на строеніе въ Самарѣ двора и прочаго употреблялъ казенныя деньги, оныя, буде то строеніе оренбургской губерніи не надобно, такожь и за золотую и серебряную взятую имъ посуду достальныя деньги, ежели понынѣ отъ него не заплачены, и издержанныя на комиссію и взятія имъ взятки опредѣлено взыскать съ него, Татищева.

29 сентября 1745 г., генералъ прокуроръ князь Никита Трубецкой докладывалъ императрицѣ, что на мѣсто Татищева, по ея повелѣнію, въ Астрахань назначенъ Брылкинъ «а онъ, тайный совѣтникъ Татищевъ, напередъ сего просилъ, чтобъ его изъ Астрахани для излеченія болѣзни отпустить, того ради нынѣ оному тайному совѣтнику, по смѣнѣ изъ Астрахани, ѣхать и жить до указа въ деревняхъ его, а въ Санктпетербургъ не ѣздить».

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Письмо Татищева къ Рычкову 1749 года.

Къ стр. 18.

Государь мой Петръ Ивановичь.

Въ началѣ поздравляю васъ наступающимъ праздникомъ. Ваше присланное описаніе народовъ многое мнѣ удовольствіе принесло, ибо въ немъ много того, чего до днесь или не знали, или вовсе смятно разумѣли. Однако-жъ какъ оное есть первое сочиненіе, такъ много требуетъ дальшаго и внятнѣйшаго увѣдомленія. Для того я что упамятовалъ, записавъ кратко, вамъ посылаю, либо способъ дастся что либо дополнить или изъяснить. И если что пріобрѣтете, то прошу мнѣ сообщить, вамъ же сіе годится къ сочиненію оренбургскаго описанія, которое, какъ я вамъ прежде писалъ, требуетъ многой дополненіи.

Я объ ономъ съ бывшимъ у меня недавно съ членомъ Академіи¹⁾ рассуждалъ, чтобъ оное напечатать; но онъ, прочитавъ мое напоменіе черное, сказалъ, что оное описаніе онъ видѣлъ у президента и усмотря, что многого недостаетъ, а другое въ избытокъ пространно, для того уничтожилъ. И для того совѣтую вамъ оную негдѣ передѣлать, а многое старое останется, къ чему и дополнить многое можете. По которомъ я о напечатаніи и награжденіи вашего труда всеконечно надѣюсь вамъ услужить.

Ваша ландкарта хотя преизрядно сочинена: не взирая на малые недостатки и погрѣшности, довольно служить, а со временемъ одно мѣсто, по другомъ исправлять можно. Мой совѣтъ вамъ, если годится, чтобъ не дѣлать одну, но раздѣлить на три или четыре и всѣ по одному масштабу то вамъ легче переправлять и дополнять.

Другое: весьма нужны при оныхъ описанія, ибо все изобразить въ картахъ неудобно. Мнѣ видится при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ нѣкто былъ достаточный географъ, что онъ, не имѣя ученыхъ въ землеописаніи и астрономіи описателей, велѣлъ предѣлы описывать. Въ началѣ дороги, потомъ рѣки ово съ сущюю, ово со связанною мѣрою, и оная его географія, или большой чертежъ нынѣ пользуется не мало. А понеже Сибирь и Башкирь тогда, яко недовольно свѣдомыя, недостаточно описаны,

¹⁾ Татищевъ, кажется, разумѣетъ здѣсь Григорія Теплова, который былъ въ 1749 году въ Москвѣ при президентѣ Академіи Наукъ, графѣ Кириллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ.

того ради я по ландвартамъ взялъ для примѣра р. Обь описать, которой начало вамъ приложилъ, чтобъ геодезисты вашего вѣдомства могли рѣшъ знатнѣе описать по оному, яко Яикъ, Бѣлую, Самару, Тоболь и другія, кто гдѣ будетъ, а при каждой впадающія, тогда намъ легче карты поправлять и обстоятельную географію сочинить.

При описаніи никто лучше реестра не сочинить, какъ самъ авторъ; хотя нѣколико видится трудно, но зная то искусство или способъ, не трудно. Для того я вамъ образецъ приложилъ всѣ достопамятныя имена или дѣла писать одно подъ другое, показуя главы, статьи, или страницы при каждомъ. И какъ на всю книгу напишешь, тогда разрѣзавъ все, выбрать начинающіяся съ А и раскладъ по порядку, писать на бѣло. И тако одна по другой буквы разберутся. И какъ я такихъ нѣколико имѣлъ нужду дѣлать, то я имѣю столько ящичковъ, сколько буквъ, чтобъ бумажки по разобраніи не утратились. Я токмо по столу раскладу, а человекъ у меня пишетъ на бѣло, чрезъ что можно скоро безъ труда сдѣлать. Бумаги на оное у меня всѣ односторонныя, полълиста на четыре столбца, какъ я нынѣ на первую часть исторіи сдѣлалъ слишкомъ 7,000 словъ. А что одно имя въ одной главѣ въ разныхъ §§ или въ разныхъ главахъ, то всѣ нумеры при ономъ положены, иначе было бы пространство болѣе нежели вдвое или втрое, понеже нѣкоторое имя разъ пять или шесть упоминаемо съ разными обстоятельствами. И сіе можетъ вамъ годится.

За тѣмъ желаю вамъ здравія и пребываю

С. Болдино
Дек. 1749.

вамъ, моему государю,
охотнымъ слугою

В. Татищевъ.

Напомненіе на присланное описаніе народовъ, что въ описаніи географическомъ наблюдать нужно.

1. Имя чтобъ положено было точно по изреченію тому, какого оное языка, или какъ тотъ народъ самъ именуется, не премѣняя кончаніе, яко вмѣсто Ораль—Оралць, Ташкентъ, Ташкентцы и пр. ибо изъ того иногда смѣтаніе происходитъ, какъ преславный географъ Мартиніе примѣтилъ.

2. Понеже многимъ народамъ, областямъ или знатнымъ урочищамъ отъ постороннихъ разныхъ народовъ разныя и самимъ именованнымъ невѣдомыя имена даются, яко Россіи древнее и правильное званіе Русь, у грекъ—Россось и Славанось; у полякъ—Мосева и московиты; у финновъ—Венеенма; у эстовъ—Улима; у литвы—Креветаки; у шведовъ—Бармія и Гордорики; у датчанъ—Остергардъ и Остерунгъ; у европейскихъ—Рутени, Руци, Рутяки, у татаръ—Урусъ и пр. Онны, сколько извѣстно, всѣ, а притомъ, настоящаго наименованія, и другихъ знаменованія положить, напр. Базанъ татар. котель, Орь—ухо, Саратовъ татар. Саратау, то есть желтая гора.

3. Различать обстоятельства: область, предѣлъ, градъ и пр. Область

значитъ цѣлое владѣніе, яко Русь, Польша, Германія и пр. Предѣлы: Великая Русь, Литва, Саксонія, и всѣ, яко губерніи и провинціи съ уѣзды, заключаются въ единой области.

Грады хотя болѣею частію съ ихъ присуди едино имя имѣютъ, и особливо невѣдущіе пользы исторіи и географіи, оставя древнія предѣловъ званія, отъ градовъ новостроенныхъ именууютъ.

Народъ есть особое отъ оныхъ, ибо хотя видны болѣею частію въ древности отъ государей или вождей проименовались. Другіе, оставя свое жилище, къ другимъ перешедъ, имя тѣхъ обладающихъ приимли. А многіе отъ рѣкъ или горъ, при которыхъ обитаютъ, имя получили. Однакожь народъ есть весьма особое отъ области, предѣла и града, хотя нѣкогда и оные приимлютъ, но бываетъ въ одномъ предѣлѣ или градѣ разные народы, напримѣръ Месчора пред. древніе жители Мордвы, или по ихъ Мори, потомъ русскими обладаны и населены. Напослѣдокъ нѣколько 1000 нагайцевъ поселено, что во многихъ находится, яко въ Астрахани числится четырнадцать народовъ.

4. Въ землеописаніи или географіи главныя два обстоятельства, яко: собственно географія и гидрографія. Первая описуетъ земли, вторая воды со всѣми принадлежностями. Однако онѣ такъ связаны, какъ земля и вода единъ шаръ составляютъ; такъ, описуя одно, не можно другаго не коснуться, а особливо воды на(и)болѣе границами положеній, и всѣ жилища великія и малыя строятся при водахъ, яко: моряхъ, заливахъ, озерахъ и рѣкахъ, а нѣкоторыя на островахъ и кругомъ обняты. А для сочиненія обстоятельствъ и правильныхъ ландкартъ нужно рѣки такъ описать, чтобъ ихъ истоки и устье, по малой мѣрѣ тѣхъ, которыя для жилищъ положить нужно, а притомъ и долготу теченія объявить.

6¹⁾. Качества географіи иногда кратки, иногда пространны со всѣми принадлежащими обстоятельствами, яко астрономическое, физическое, политическое и историческое. Въ астрономическомъ нужно по вѣрнымъ наблюденіямъ, а въ недостатокъ того по вычетомъ разстояній, градусы широты и долготы объявить.

Въ физическомъ состояніи воздуха и земли, отъ которыхъ происходятъ всѣ довольства, обиліе и недостатки, какъ отъ подземныхъ, такъ и поверхностныхъ плодовъ; въ подземныхъ не токмо руды крушцовъ, но камни и земли во что либо полезныя. А потому богатства и убожества оныхъ познаваются, хога иногда прилежность и глѣнность не меньшою причиною бывають; но сіе до политическаго принадлежитъ.

Политическое описаніе представляетъ порядокъ правительства гражданскаго, духовнаго и пр. Потомъ народы, ихъ нравы, руководія и промыслы, сила военная, селенія и укрѣпленія.

Строенія, по качеству, званіями раздѣляются: 1. грады; 2. городки или остроги; 3. крѣпости; 4. слободы; 5. монастыри; 6. села; 7. пу-

¹⁾ Въ подлинникѣ 5-го пункта нѣтъ.

отыни; 8. деревни. Сія всё обстоятельствами рознятся. Градь имѣетъ присудъ; городки и остроги, малыя укрѣпленія безъ присуда; крѣпости для защиты границъ съ присудами или безъ присуда, но гваризонъ содержать. Слободы собственно тѣ, гдѣ купечество живутъ, магистрату градскому подсудно, хотя при томъ и поселянство.

Историческое: описанія отъ начала всё премѣны и приключенія, счастливыя или напастивныя, касающіяся точно описаннаго.

7. Симъ порядкомъ если предприемлю градъ описать, то нужно его имя со знаменованіемъ изъяснить. 2¹). Ежели извѣстно по наблюденіямъ или по исчисленію широту и долготу градусовъ. 3. Въ какой области или предѣлѣ. 4. При какой водѣ и съ которую сторону разумѣя внизъ по теченію. 5. Отстояніе другихъ знатныхъ мѣстъ. 6. Имѣетъ ли присудъ и какъ далеко границы и съ кѣмъ по порядку положеній, начавъ отъ Сѣвера, на Востокъ, Югъ и Западъ. 7. Какое правительство. 8. Число обывателей сколько извѣстно. 9. Онаго привольства и недостатки. 10. Промыслы и руководлія. 11. Укрѣпленіе и безопасность природная и хитростная. 12. Приключенія онаго; кѣмъ, когда построены и потомъ что претерпѣли или знатное учинили. Ежели присудъ имѣетъ, то и въ ономъ знатное не преминуть, напримѣръ: торжища, негдѣ токмо седмичныя, въ другихъ годовыя, въ иныхъ обод; оныхъ время, когда бывають, колико продолжаются, откуда купцы пріѣзжаютъ, какіе товары знатнѣйшіе, какія способности, пользы и препятства пріѣзжающимъ и пр.

8. Воды, моря, заливы, озера, рѣки судоходныя или малыя рѣчки и ручьи, при которыхъ знатныя жилища или въ исторіи упоминаемы родники или ключи отмѣнные, яко горячіе и студенныя, лекарственныя и вредныя, нефтяныя, сѣрные, купоросныя, квасцовыя и пр. Особливо роды животныхъ и другихъ дивностей, въ нихъ находящихся.

9. Сіе хотя весьма все нужно, но разсуда тѣ обстоятельства и народовъ состояніе, съ которыми вы вашъ трудъ имѣете, что оныя никакого въ томъ знанія и ума просвѣщенія науками нужными не имѣють, а баснословіемъ и самохвальствомъ преисполнены, то не токмо трудно у нихъ о всемъ попытаться, но и получа извѣстіе не меньше труда истину познать, которымъ многіе описыватели сихъ странъ вѣроятностію обманувся, многія басни внесли. Однакожь нельзя и всему не вѣрить. Для того надобно токмо, порядокъ всякаго урочища памятуя, не одного, но разныхъ спрашивать, и потомъ изъ оныхъ вѣроятнѣйшее вносить, чрезъ что хотя не вскорѣ, но лучшее познаніе о сихъ пріобрѣтемъ.

Сколько же я неяснаго, или недостаточнаго и сумнительнаго нахожу, то вамъ для памяти и разсмотрѣнія здѣ напоминаю:

1. Что ахунъ сказуетъ о горахъ имайскихъ, рѣкѣ Таръ и проч. оное видимо взято отъ европскихъ писателей, которое мало доказательства имѣетъ.

¹) Перваго пунктѣ въ текстѣ нѣтъ.

2. О Татарь-Ханѣ и Туркѣ, правнукахъ Афетовыхъ, присвоеніи Руси и Германіи къ татарамъ* вымышлено по принятіи магометанскаго закона и есть сущая басня, что наиболѣе Афета обитаніе при Волгѣ и Яикѣ обличаетъ, но сіе остается токмо въ ихъ сказаніи, ибо нѣкогда и басни случаются къ знанію нужны.

3. Алатай горы, мню, тѣже, что сибирскія и зюнгоры именуяутъ Алтай и Алтытау, т. е. шестимѣсячныя, что Плиній и Птоломей, уже слышали, якобы за оными народъ шесть мѣсяць спятъ. Сіи горы, отдѣлясь отъ Урала, къ Востоку Сибирь отъ Юга ограничили. И тѣмъ сіе паче утверждается, что оныя киргизы при границѣ Сибири между рѣкъ Иртыша и Оби купно съ каракалы находятся. А по описанію вашему якобы не далеко отъ Ташкента, слѣдственно или иныя, или неправильно сказано.

4. Алюнскій предѣлъ, или область, и другіе многіе по описаніямъ Кирилова всѣ недостаточны, а паче другимъ географамъ неизвѣстны. Оныя надобно рассмотретьъ, съ какихъ извѣстій онъ взялъ, и знаютъ ли бухары, торгующіе съ Индією или въ тѣ страны? Оныя могутъ обстоятельнѣе сказать.

5. Араль морце еще недостаточно описано, а знаніе его весьма нужно, особливо какъ изъ Каспійскаго, такъ изъ онаго видимыхъ протоковъ нѣтъ, однакожь въ описаніи Соймонова Каспійскаго моря на восточной сторонѣ въ заливъ Карабугасъ сильное теченіе, великое и непрестанное, слѣдственно оное неинуда какъ въ Сѣверное или Восточное подъ землею. Потому потребно навѣдываться о Аральскомъ, не имѣетъ-ли гдѣ такого знака на западной сторонѣ или между островами. О солености воды и рыбахъ хотя въ описаніи Оренбурга упомянуто, но есть ли керпы, бѣлуги, лососи, которые кромѣ моря не водятся, того не написано. Рѣки, въ оное текущія Аму, Сырь, Куваканъ, нужно внятнѣе начало и долготу теченій со впадающими описать.

6. Бухарь градъ описанъ, но недостаточно, ибо воды при ономъ не упомянуто. Бухаріи же большую и меньшую потребно каждую особно описать.

7. Караколь народъ, мню, тотъ народъ, который по рѣкѣ сего имени, текущей слѣва въ рѣку Катунь при границѣ Кузнецкой за горами Алтай. Близъ оныхъ и вышеупомянутые киргизы обитаютъ.

8. Кипчагъ. Въ исторіи о Чингизѣ, которую мнѣ въ Сибири съ татарскаго перевели, написано шесть знатныхъ родовъ. Между оными Катай, Кипчакъ, Табынъ, Аіли знатнѣйшіе положены и они почти во всѣхъ областяхъ по малой мѣрѣ въ Крыму, Нагаяхъ астраханскихъ, у кайсакаъ и башеиръ знатны.

Имя же Кипчагъ мнѣ переводчикъ якобы съ сегодѣйскаго перевелъ конюхъ, или коней пасущій, которое въ описаніи положенному несогласно, а потребно внятнѣе изяснить.

9. Мещерякъ имя получили отъ пред. Месчоръ; но оба (?) татарскіе, и что значить неизвѣстно. Они рода нагайскихъ татаръ, поселенныхъ

царемъ Иоанномъ II-мъ въ Месчорѣ, а пототъ при Годуновѣ во время бунта башкиръ переведено 500 и называны служивые. Видно, что они сначала жалованье получали. Тептери же нахотные крестьяне, бобуль или немущи и у насъ въ енигахъ писцовыхъ упоминаемы, по калмыцки называются байгушъ.

IV. Мещоране частію въ Тамбовской, частію въ Елецкой провинціи, грады Темниковъ, Кадомъ, Елатма и Касимовъ.

10. Татары нынѣ въ губерніи московской почти нѣтъ. Въ Москвѣ была особая слобода. Въ Романовѣ поселенъ былъ изъ Месчоры внукъ князя Юсуна нагайскаго, котораго помощію Астрахань взята. И Романовымъ до днесь князь Юсуповъ владѣеть, токмо въ обихъ магометанъ почти нѣтъ.

11. Въ Ташкентской области 7 городовъ, а въ описаніи токмо 6. Знато одною писцомъ пророненъ. Сверхъ сего въ описаніи Оренбурга о Ташкентѣ и Туркестандѣ пространнѣе, но съ симъ нѣчто разное подожено.

12. Трухмени—историкъ русскій, описуя нашествіа Тосхусъ и Аккодай хановъ, сыновеи Чингизовыхъ, раздѣляетъ татаръ на 4 рода: монгулы, торки, т. е. турки, татара и трухмени.

Трухмени обитають на восточной сторонѣ Каспійскаго моря отъ предѣла персидскаго Астрабатъ до рѣки Кумы; переходо между онымъ Огурчинскіе острова владѣють. Въ 1744 году прислали пословъ въ Астрахань, прося, чтобъ ихъ принять въ подданство и для торгу построить у нихъ въ Тюкь Карагаѣ или Мангишлакѣ крѣпость, обѣщевая въ тому помощь чинить. Токмо я, отправа ихъ къ высочайшему двору, самъ отлучился, и что съ ними учинено не знаю.

13. Чеготаи другіе именуютъ Чегоды, у европейцовъ Загатаи, область или королевство. Абулфеда, владѣтель сирійскій, въ географіи его именуетъ Масаленагаръ (?) или Загатаи, въ которомъ главный градъ Самарканда, и еромѣ онаго въ области той 47 гр. съ показаніемъ градусовъ широты и долготы положили, но притомъ все пространство оной области весьма не велико, ибо сказуетъ 20 пара саигъ длина и 10 широта или русскихъ 60 длина и 30 поперегъ.

Астраханскіе и бухары ученые сказываютъ, яко бы чегодайскій языкъ есть старѣйшій и полнѣйшій во всѣхъ татарскихъ языкахъ, а прочіе всѣ болгарскимъ испорченны, и онаго всѣ прилежать научиться.

Прочіе недостатки или погрѣшенія въ именахъ по вышеописанному легко усмотрѣть можете.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

О картах оренбургской губернии 1752 года.

Къ стр. 63, 64.

Рукописное собраніе картъ оренбургской губерніи съ текстомъ первой части «Оренбургской Топографіи» Рычкова озаглавлено такъ: «Ландъкарты или чертежи географическія на которыхъ представляется оренбургская губернія съ смѣжными къ ней мѣстами. Сочинены въ оренбургѣ по определенію оренбургской губернской канцеляріи декабря дня 1752 года при оренбургскихъ географическихъ дѣлахъ изъ разныхъ прежнихъ и новыхъ описаней чрезъ геодезіи прапорщика Красильникова съ товарищій. Для лутчаго жъ оныхъ ландкартъ изъясненія приобщено к нимъ краткое особое историческое описаніе подъ именемъ Топографіи Оренбургской губерніи впредь для вѣдома к дополненію жъ и поправленію отъ искусѣйшихъ еже все собрано въ оренбургѣ изъ разныхъ описаней русскихъ и иностранныхъ и по извѣстностямъ въ губернской канцеляріи имѣющимся 1755»¹⁾.

О главномъ составителѣ этихъ картъ прапорщикѣ Красильниковѣ изъ переписки Рычкова съ Миллеромъ видно только, что онъ занимался и послѣ составленіемъ картъ оренбургскаго края и въ 1758 году былъ подпоручикомъ геодезіи. Его не должно смѣшивать съ Андреемъ Дмитріевичемъ Красильниковымъ, бывшимъ также сначала прапорщикомъ, и съ 1749 г. поручикомъ геодезіи, а въ 1753 года адъюнктомъ нашей Академіи, извѣстнымъ многочисленными и весьма вѣрными для своего времени астрономическими наблюденіями.

Слѣдующія подробности о каждой изъ означенныхъ картъ въ отдѣльности доставлены академикомъ Д. М. Перевощиковымъ:

I. «Карта генеральная оренбургской губерніи и смежныхъ къ ней мѣсть, изъ которыхъ простирающееся въ Полуденную Азію по обстоятельствамъ о коммерціи оной губерніи нарочно до самаго Индостана показаны». По масштабу 105 верстъ въ градусѣ. Карта замѣчательна тѣмъ, что географическія долготы считаются отъ меридіана, проходящаго чрезъ

¹⁾ Въ заглавіи здѣсь сохранено правописаніе подлинника.

Ставрополь и на полградуса къ Западу отъ Астрахани. На ней изображены: 1) Ставропольское управленіе. 2) Провинціи: уфимская и исетская. 3) Степь качующихъ киргизъ-кайсаковъ, меньшей и средней орды. 4) Каспійское и Аральское моря со слѣдомъ рѣки, вытекавшей изъ втораго въ первое. 5) Рѣки Сирь-Дарья и Аму-Дарья. 6) Форты по рѣкамъ Самарѣ и Яику, и 7) означены мѣста владѣній хивинскихъ и бухарскихъ.

Въ исетской провинціи показаны городъ Челябинскъ и линія фортовъ по рѣкѣ Ую между ея устьемъ въ Тоболь и Яикомъ.

Самара: широта $53^{\circ} 53' 11''$, долгота $0^{\circ} 30' (67^{\circ} 45')$.

Уфа: широта $54^{\circ} 40' (54^{\circ} 43')$, долгота $5^{\circ} 30' (73^{\circ} 36')$.

Оренбургъ: широта $52^{\circ} 0' (51^{\circ} 45')$, долгота $6^{\circ} (72^{\circ} 46')$.

Очерки Каспійскаго и Аральскаго морей весьма не сходны съ ихъ изображениями на картѣ оренбургскаго края 1851 года.

Астрахань: широта $46^{\circ} 30' (46^{\circ} 21')$, долгота $0^{\circ} 30' (65^{\circ} 42')$

Баку: широта $41^{\circ} 22' (40^{\circ} 22')$.

Дербентъ: широта $42^{\circ} 30' (42^{\circ} 4')$.

Судя по времени изданія карты (1752 г.), географическія широты показаны довольно удовлетворительно.

II. «Карта ставропольскаго вѣдомства, въ которомъ вращенные камни между Закамской линіи и рѣки Черемшана съ жительствомъ и кочевками расположены».

Границы: съ Запада — Волга; съ Юга — Волга и Соэкъ; съ Сѣверо-Запада и Сѣвера — Черемшанъ; съ Востока и Юго-Востока редуты и, кажется, ровъ. Масштабъ: 10 верстъ въ $\frac{1}{2}^{\circ}$. Средина «вѣдомства» почти вся пустая и поселенія находятся по его границамъ.

Ставрополь: широта $53^{\circ} 32' (53^{\circ} 28')$, лежитъ при рукавѣ Волги.

III. «Карта, представляющая отъ Оренбурга большую московскую дорогу до Кичуйскаго фельдшанца и всю Закамскую линію и отъ онаго жъ внизъ по рѣкѣ Яику до Яицкаго казачья городка, а по Самарѣ до г. Самары новопостроенныя крѣпости и съ ставропольскимъ вѣдомствомъ и смежными къ тому мѣстами». Масштабъ 30 верстъ въ $\frac{1}{2}^{\circ}$. Замѣчательна подробнымъ изображеніемъ рѣкъ: Иргиза, Самары съ редутами по ней, Сока, Кинели, Яика, Сакмары и пр.

IV. «Карта генеральная уфимской провинціи и Башкиріи, съ показаніемъ смежныхъ съ ней мѣстъ». Масштабъ тотъ же. Замѣчательна по обстоятельству изображенія рѣкъ: Бѣлой, Дѣмы и многихъ другихъ.

V. «Карта уфимской провинціи казанской и осинской дорогъ съ смежными мѣстами». Та же самая карта, что и предыдущая, съ болѣе широкими топографическими подробностями.

VI. «Карта уфимской провинціи сибирскія дороги и смежныхъ той дорогъ мѣстъ». Распространеніе предыдущей карты къ Востоку.

VII. «Карта уфимской провинціи нагайской дороги и смежныхъ той

дорогѣ мѣсть». Распространеніе той же карты къ Югу. И такъ уфимская провинція изображена на четырехъ картахъ.

VIII. «Карта исецкой провинціи съ зауральскою Башкирією, съ частию екатеринбургской вѣдомству сибирской губерніи и уфимской провинціи принадлежащихъ мѣсть». Она замѣчательна подробнымъ изображеніемъ теченія рѣкъ: Исеть, Теча, Міась и пр. и множествомъ озеръ. Означены города: Челябинскъ, Шадринскъ, Далматовъ. Тутъ же изображена рѣка Тоболъ, протекающая по алуторовскому уѣзду.

IX. «Карта Верхоянцкой, Сакмарской, Орской и Уйской дистанцій съ показаніемъ на тѣхъ дистанціяхъ имѣющихся крѣпостей, редутовъ и другихъ селеній съ смежными къ ней мѣстами». Замѣчательныя рѣки: Сакмара и Яикъ съ фортами.

X. «Карта нижней яицкой дистанціи до Гурьева городка и до Каспійскаго моря и кочевыхъ мѣсть киргизъ-кайсацкой меньшей орды съ частию Аральскаго моря». Яикъ съ фортами, и рукавъ Волги при ея устьѣ весьма любопытны, но не сходны съ картою 1851 года.

XI. «Карта приобщенная, на которой наибольшая часть Каспійскаго и Аральскаго морей съ смежными къ нимъ мѣстами представлены». Ничѣмъ не замѣчательна.

XII. Карта безъ заглавія, на которой изображены всѣ три киргизскія орды, не замѣчательна и походитъ болѣе на брульонъ, чѣмъ на карту отдѣльную. Здѣсь между прочимъ отмѣчена «Развалина стараго города Джикента», о которомъ, какъ о новооткрытомъ толковали нѣкоторое время въ газетахъ въ началѣ нынѣшняго 1867 года.

Въ заключеніе слѣдуетъ напомнить, что Татищевъ давалъ Рычкову наставленія, какъ должны составлять геодезисты карты оренбургской губерніи, о чемъ см. выше на стр. 161 и 163.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

О причинахъ удаленія изъ Россіи калмыковъ.

Къ стр. 125, 126.

Въ мартѣ 1767 года сенатъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о мѣрахъ для размежеванія земель калмыцкихъ отъ тѣхъ, на которыхъ жили русскіе переселенцы, объяснялъ; «Коллегія иностранныхъ дѣлъ поданнымъ въ сенатъ доношеніемъ изъясняетъ, коимъ образомъ вступили въ ту коллегію отъ намѣстника ханства калмыцкаго Убаши и отъ астраханскаго губернатора, генераль-маіора Бекетова, также и отъ находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ подполковника Кишенскаго представленія, что тѣ мѣста, гдѣ напредъ сего калмыки кочевали, заняты селеніями и въ близости оныхъ калмыкъ кочевать не допускаютъ, и происходятъ съ обѣихъ сторонъ непрестанныя ссоры, грабежи и драки; захватываютъ другъ у друга людей и скотъ, а иногда дѣлается смертное убійство и въ скотѣ великая утрата. И потому намѣстникъ ханства домогается, чтобъ то селеніе уничтожено было. А подполковникъ Кишенскій представляетъ, не соизволено-ль будетъ всѣ тѣ заселенныя мѣста освидѣтельствовать и около оныхъ, по пропорціи жителей, отмежевать при посланныхъ отъ намѣстника ханства людяхъ, дабы калмыки, будучи свѣдомы о точныхъ границахъ тѣхъ жительствовавшихъ, впредъ кочевьемъ во оныя не входили; а и російскіе калмыкамъ подъ видомъ ихъ дачъ за потраву сѣнныхъ покосовъ и прочихъ угодій такъ, какъ нынѣ, притѣсненій дѣлать не могли. Съ которымъ подполковника Кишенскаго разсужденіемъ и астраханскій губернаторъ согласенъ»... Сенатъ полагалъ, что для снятія на карту всѣхъ земель, о которыхъ рѣчь шла въ докладѣ, необходимо отправить офицеровъ изъ инженернаго корпуса; но когда спросили о томъ гр. Григорія Орлова, бывшаго тогда фельдцейгместеромъ, то онъ отозвался, что у него недостатокъ въ инженерныхъ офицерахъ. За такимъ отзывомъ, размежеваніе не было еще осуществлено и въ концѣ 1769 года, что видно изъ слѣдующаго документа.

Ея императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ.

Разсмотрѣвъ мы, нижеподписавшіеся, происшедшія отъ намѣстника ханства калмыцкаго жалобы, о случившемся, по предъявленію его, утѣсненіи калмыцкому народу въ нужномъ и необходимомъ, по образу жизни сего народа, переходженіи съ одного мѣста на другое отъ заведенныхъ по луговой сторонѣ Волги изъ иностранцевъ селеній, а равнымъ образомъ разобравъ и представленія находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ подполковника Кишенскаго, которыми онъ дополнилъ, что такое утѣсненіе хотя и дѣйствительно настoitъ, но не больше отъ селеній, изъ иностранцевъ учрежденныхъ, какъ и отъ всѣхъ другихъ, по луговой же сторонѣ недавно начавшихся изъ разнаго званія людей и отъ присвоенія жителями горнаго берега Волги хотя и старыми, но многихъ мѣстъ на луговой сторонѣ лежащихъ, которыми они напредъ сего отнюдь не пользовались; а наконецъ сдѣлавъ и соображеніе съ сими жалобами и представленіями полученнымъ извѣстіямъ чрезъ канцелярію опекунства иностранныхъ и подполковника Кишенскаго о всѣхъ разныхъ селеніяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя изъ иностранцевъ учреждены, и о занятыхъ ими мѣстахъ, примѣчаемъ: съ одной стороны, что калмыки свои причины имѣютъ жалобы приносить, но съ другой и способы къ поправленію того нетрудные находимъ.

Калмыки, пришедъ въ 1630 году на Волгу, чаятельно сперва почитаемы были буде не за неприятелей, но меньшей мѣрѣ произвели нужду быть отъ нихъ въ осторожности. Потомъ же, когда они по привольству волгскихъ мѣстъ навсегда на оныхъ остались, то хотя въ 1673, 1677 и 1684 году и взяты отъ нихъ называемыя по тогдашнему времени записи о бытіи имъ въ здѣшнемъ подданствѣ и о спокойномъ обращеніи, но точныхъ мѣстъ для ихъ пребыванія назначивано не было, можетъ быть для того, что ни они о томъ не заботились по пространству волгскихъ, по большей части тогда въ пустѣ лежавшихъ, ни со здѣшней стороны. Слѣдовательно такіе для нихъ отводы дѣлать ни малѣйшаго случая и повода не представлялось.

Продолженіемъ времени, и что далѣе, то болѣе, приучаясь калмыки къ послушанію и къ разумнѣю должностей подданства, толь меньше напротивъ того въ сомнѣніи приходили могли и отъ новыхъ поселеній, въ близости ихъ пребыванія напредъ сего заводимыхъ, когда всегда еще и при томъ для нихъ довольно мѣстъ оставалось.

Они, восходя до Самары, хотя и давно уже ниже сего города, на луговой сторонѣ Волги лежащаго, разныя селенія находятся, ни сами въ томъ тѣсноты однакоже не чувствовали, ни тамошнимъ жителямъ безпокойства не причиняли, да и нынѣ взаимныхъ жалобъ не слышно, хотя также калмыки иногда и до тамошнихъ мѣстъ доходятъ.

Занятія и нынѣ подъ иностранцевъ выше и ниже Саратова на луговой сторонѣ мѣста не долженствовали ихъ тревожить, состоя не въ

такомъ пространствѣ, чтобъ дѣйствительное отъ нихъ утѣсненіе произошло, но дѣло состоитъ въ томъ, что они отъ сихъ селеній, какъ на послѣди начавшихся, взяли только причину къ своимъ представленіямъ, а прямое существо ихъ жалобъ составляютъ по большей части, какъ и подполковникъ Кишенскій доносилъ, захваченныя горнаго берега жителями многія мѣста на луговой сторонѣ по неизвѣстному вовсе или сомнительному праву, и разныя, вновь же начавшіяся и на сей самой сторонѣ, сверхъ состоящихъ иностранцевъ, селенія безъ всякаго однакожъ имъ отводу, коликою мѣрою земли они владѣть должны, почему въ ихъ произволеніи и остается на всѣ тѣ мѣста калмыкъ не допускать, гдѣ они ихъ видѣть не хотятъ, и гдѣ они однакожъ напредъ сего располагались.

Въ такихъ обстоятельствахъ находятся всѣ жители горнаго берега, начиная отъ самарскаго уѣзда до самаго города Царицына, которые противъ всякаго своего жилища на луговой сторонѣ въ займищахъ или лугахъ завели отчасти хлѣбопашество, а больше сѣнные покосы; а притомъ и дубовскаго волгскаго войска казаки, которымъ данною изъ военной коллегіи въ 1734 году на ихъ мѣста привилегією не токмо на луговой сторонѣ сѣнныхъ покосовъ имѣть запрещено было, но ни для чего къ притѣсненію калмыкъ на оную переѣзжать не велѣно, какъ сами тамъ захватили, такъ и стоящему въ Царицынѣ астраханскому драгунскому полку не мало сѣнныхъ покосовъ отвели по полученному недавно отъ военной коллегіи разрѣшенію, и дабы калмыки къ онимъ не приближались, по всѣмъ займищамъ поставили грани; хотя напредъ сего въ бытность на Царицынской линіи не одного, но и многихъ полковъ, они безъ луговой стороны обходились.

Заведенныя же вновь на луговой сторонѣ селенія состоятъ изъ раскольниковъ, малороссіянъ, не помнящихъ родства, приписныхъ къ ахтубинскому шелковому заводу, также и къ дворцовымъ волостямъ, и изъ оныхъ послѣднія поселяются по бѣльшей части по рѣкѣ Иргизу, по которой калмыки всегда располагались.

Калмыцкому народу сколько нужна для зимы простирающаяся отъ горнаго берега Волги степь, находя они для себя и для скота своего защиту и убѣжище отъ стужи, нѣкоторые при Каспійскомъ морѣ въ камышахъ, а множайшіе при Кумѣ рѣкѣ въ тамошнихъ лѣсахъ и закрытыхъ мѣстахъ, столько необходима уже и луговая для мѣста, чтобъ пока они на сей сторонѣ остаются, на горной въ то время вырастающая трава для будущей зимы сохранена быть могла.

Статься можетъ, что калмыки, дѣлая нынѣ переходы свои съ одного мѣста на другое, нѣсколько смятно, не обжидая одинъ улусъ другаго и располагаясь также непорядочно, хотя стараніе и прилагается ввести у нихъ и въ томъ установленіе, да и впредъ продолжаемо быть имѣеть, тѣмъ самымъ меньше и сберегаютъ скотоопасныя мѣста, нежели сколько хранить ихъ должны были бы, а вытравливаютъ и вытаптываютъ больше,

нежели уже по необходимой нуждѣ требовалось бы. Совсѣмъ тѣмъ, какъ приобученіе ихъ къ бережливости въ семь случаевъ и къ разборчивости зависитъ еще отъ продолженія времени, а и тогда однакожь они, по множеству скота своего, въ чемъ ихъ главнѣйшее имущество состоитъ, безъ довольныхъ, скотопажитныхъ и водою привольныхъ мѣстъ обойтись не могутъ, для чего и что свѣжихъ водъ внутри стени по луговой сторонѣ, сколько извѣстно, или очень мало, или почти нѣтъ, слѣдовательно долженъ быть тамъ недостатокъ и въ травѣ, выгорая она скоро отъ жару какъ натурально малую влагу имѣющая, они и держатся при Волгѣ и при падающихъ въ оную рѣчкахъ,—то и нужно, видится, такія распоряженія принять, чтобъ они дѣйствительно оскудѣнія не имѣли ни въ водѣ, ни въ скотскихъ кормахъ, и въ томъ во всемъ единожды навсегда съ тамошними жителями, къ взаимному ихъ успокоенію, разведены были.

Что касается до заведенныхъ изъ иностранцевъ селеній при рѣчкахъ Караманыхъ и Тарликахъ, то оставляя ихъ тутъ для того, что, какъ и выше донесено, оныя калмыкъ въ ихъ распоряженіяхъ не утѣсняють, да и переведеніе ихъ на всякое другое мѣсто не можетъ быть безъ убытка и сверхъ того безпокойства и изнуренія людей, разсуждается только отвѣсть подъ нихъ землю по берегу Волги хотя и всю, отъ рѣки Еруслана до рѣки Иргиза простирающуюся, дабы съ обѣ стороны ихъ дачи живныя межи имѣли; но въ ширину напротивъ того назначить столько, чтобъ однако же вершины нѣкоторыхъ рѣчекъ, чрезъ сіи мѣста протекающихъ, хотя на небольшое разстояніе остались за межою, имѣя калмыки въ тамошней водѣ нужду во время ихъ перехода съ рѣки Еруслана на рѣку Иргизъ, а притомъ дабы они свободно проѣзжать могли между селеній къ городу Саратову для продажи скота своего и покупки разныхъ вещей, и для того жъ и къ селу Малыковкѣ, то для города Саратова назначить прогоны отъ того и другаго поселенія, оставляя въ срединѣ Покровскую малороссійскую слободу и отвода къ оной потребное количество земли, каждый прогонъ шириною по нѣскольку верстъ, а для села Малыковки при рѣкѣ, называемой Вертубѣ, на одну версту, а затѣмъ все мѣсто отъ рѣки Вертубы до рѣки Иргиза и по ней на пятьдесятъ верстъ, считая отъ волгскаго берега, занято быть можетъ для иностранныхъ же поселенцевъ.

Вокругъ сихъ дачъ имѣють быть отъ находящейся въ Саратовѣ конторы опекунства сдѣланы грани, чтобъ калмыки за оныя ни подъ какимъ видомъ не входили и не располагались, и скота своего не пускали, а впрочемъ ни тѣмъ, ни другимъ взаимно обходиться и вещи свои продавать запрещенія не дѣлать, чтобъ калмыки, перенимая отъ поселенцевъ иностранныхъ разныя руководствія, по мѣрѣ того и суровости своей, будучи еще по большей части всѣ изъ нихъ подлые оной наполнены, убавлять могли, а и поселенцы привычку дѣлали смотрѣть на нихъ безъ страха и противности. Пова жъ до того дойдетъ, то дабы ничего не оставить безъ употребленія къ ихъ взаимному разведенію служащаго и къ охраненію

поселенцевъ, могутъ въ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ селеніяхъ отъ стороны находящагося при калмыцкихъ дѣлахъ командира и нарочные содержаны быть изъ офицеровъ или другихъ людей, а притомъ и каждому калмыцкому владѣльцу, селенія проходящему, отъ него жъ подтверждаемо будетъ за своимъ улусомъ смотрѣть, чтобъ ни отъ кого обидъ не происходило, опредѣляя, буде за нужно усмотрится, и нарочныхъ отъ каждого улуса, пока который въ близости отъ поселеній будетъ, для надзиранія и опознаванія калмыкъ, безповойство иногда причиняющихъ.

Но какъ всѣ такіа распоряженія, касаясь единственно до иностранныхъ поселенцевъ и калмыкъ, предоставляютъ нужду въ разсмотрѣніи, по колику калмыцкій народъ дѣйствительно утѣсненнымъ находится отъ заведенныхъ уже, и распространяющихся и еще и вновь заводимыхъ селеній изъ разнаго званія, кромѣ иностранцевъ, людей и отъ присвоенія жителями горнаго берега Волги многихъ мѣстъ луговой стороны, или калмыки, привыкнувъ токмо на всю обширность, прежде впускъ лежавшую, смотрѣть, мечтаютъ безъ основанія быть въ утѣсненіи, то остается нынѣ же и сіе послѣднее изслѣдованіе предпріять.

Оно наилучше кажется исполнено быть можетъ, когда всѣ крѣпости жителей горнаго берега, которые нынѣ луговою стороною пользуются, а притомъ основанія и намѣренія, для какихъ и новыя на луговой сторонѣ жилища кромѣ состоящихъ изъ иностранцевъ заведены и умножаются, также и сколько которому въ дачу земли назначено и необходимо потребно, въ точное разсужденіе приняты будутъ, и потомъ которыя изъ нихъ крѣпости на мѣста ими владѣніями имѣютъ, то по крѣпостямъ, а у которыхъ нѣтъ, то по настоящей нуждѣ, соображая притомъ съ другою стороны и необходимую нужду въ тамошнихъ мѣстахъ и для калмыцкаго народа, сколько дѣйствительно такая настоять будетъ, извѣстная мѣра земли для всякаго жилища отведется, и такимъ образомъ точная дача къ однимъ мѣстамъ назначится и обмежуетса, дабы прочія затѣмъ пажити и воды калмыцкому народу въ употребленіе назначены были, кромѣ рыбныхъ ловель состоящихъ на оброкѣ, и тѣмъ оной въ своихъ жалобахъ усповоился и зналъ впредь о своихъ мѣстахъ; но уничтоженіе и переведеніе какихъ либо начавшихся уже селеній имѣетъ быть совсѣмъ тѣмъ, въ разсужденіи неминуемаго затруднительства, слѣдствіемъ крайней только необходимости, предоставляемой здѣшнему разсмотрѣнію.

Въ высочайшемъ вашего императорскаго величества соизволеніи состоитъ препорученіе сего не безважнаго и скорого исполненія требующаго дѣла астраханскому ли губернатору, находясь всѣ вновь заведенныя жилища въ порученной ему губерніи и калмыцкій народъ въ точномъ его вѣдомствѣ, или всемілостивѣйше угодно будетъ и нарочную для того персону назначить и отправить повелѣть; но кто бъ къ тому употребленъ ни былъ, надобно будетъ къ нему опредѣлять и двухъ, или трехъ человекъ межевщиковъ для отводу дачъ и снятія на планы, которые послѣ сего перваго дѣла могутъ потомъ положить на карту и все

пространство земли, лежащее между рѣкъ Волги и Яика, начиная отъ Самары и до Каспійскаго моря съ означеніемъ всѣхъ рѣчекъ и озеръ и другихъ привольныхъ и примѣтныхъ мѣстъ и безводныхъ степей, каковой по нынѣ снято не было, а безъ оной въ самую подлинность и неизвѣстно, сколько дѣйствительно тамошнія мѣста неудобны, или между многими неудобными есть однакоже нѣкоторыя и удобныя къ занятію, или же по крайнѣй мѣрѣ къ назначенію калмыкамъ, вмѣсто употребляемыхъ подъ селенія въ близости отъ Волги лежащихъ, которыми нынѣ единственно они пользуются.

Такая нужная карта и скоро, и удобно однакожь окончена быть можетъ, не требуясь притомъ астрономическая строгость въ положеніи каждаго мѣста и урочища подъ точный градусъ, а только описаніе всѣхъ мѣстъ и примѣрное разстояніе одного отъ другаго.

Между тѣмъ пока разсмотрѣніе учинено будетъ о правѣ горнаго берега жителей, пользующихся луговою стороною, и земли назначатся заведеннымъ вновь на сей послѣдней сторонѣ селеніямъ, а тѣмъ всѣмъ и снимаемою картою всего пространства между Волги и Яика достовѣрное свѣдѣніе получится, могутъ ли быть тамъ и еще селенія заведены безъ угѣсненія калмыцкаго народа, нужно кажется будетъ общее учинить запрещеніе, чтобъ впредь до времени на заведенныхъ по нынѣ новыми жителями не умножать, и никакихъ вновь не заводить, съ такимъ еще сверхъ того опредѣленіемъ, дабы и межи отводимымъ подъ поселенія также и горнымъ жителямъ по настоящей нуждѣ на луговой сторонѣ землямъ впредь до точнаго разсмотрѣнія и утвержденія непремѣнными почитаемы не были, что все однакожь здѣсь всеподданнѣйше представляемое подвергаемъ монаршему вашему императорскаго величества благоизобрѣтѣнію.

Графъ Панинъ.
К. Александръ Голицынъ.
Графъ Г. Орловъ.
Никита Бекетовъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

Реестръ, по какимъ цѣнамъ въ городѣ Оренбургѣ во время зловѣйскаго obleжания хлѣбъ и другіе съѣстные припасы продавались 1774 года.

	Въ январѣ.		Въ февралѣ.		Въ мартѣ.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Муки аржаной и пшеничной } четв.	отъ 30	—	отъ 50	—	отъ 75	—
Крупъ разныхъ и солоду } четв.	до 50	—	до 75	—	до 140	—
Изъ муки аржаной хлѣбъ печеный одинъ фунтъ	—	отъ 15 до 20	—	отъ 20 до 25	—	отъ 25 до 33 и до 40
Масло коровье фунтъ	—	отъ 40 до 50	—	отъ 50 до 90	1	20
Масло деревянное фунтъ	—	35	—	40	—	отъ 50 до 60
Масло конопляное фунтъ	—	50	—	60	—	60
Сало баранье и говяжье, годное въ пищу, пудъ	2	—	2	—	2	40
Медъ сырецъ фунтъ	—	30	—	35	—	отъ 35 до 50
Яиць десятокъ	—	15	—	20	—	25
Гусь одинъ	—	70	1	20	1	20
Утка	—	35	—	60	—	60
Курица	—	20	—	25	—	35 и 60
Мясо говяжье и баранье пудъ ..	3	25	3	75	отъ 5 до 6	—
Мясо лошадиное пудъ	—	80	1	20	3	50
Молока ведро	—	80	1	20	1	20
Рыбы щучины фунтъ	—	15	—	20	—	отъ 25 до 35
Рыбы мелкой	—	9	—	12	—	20
Икры соленой фунтъ	—	—	—	—	—	90
Сѣна возъ	7	—	9	—	20	—
Кожи коровы боевые	—	40	—	60	1 и 2	60
Сахаръ кенарской фунтъ	—	25	—	35	1	—
Капусты ведро { бѣлой	1	50	2	—	3	50
Капусты ведро { черной	—	80	—	90	2	20
Огурецъ соленой одинъ	—	3	—	5	—	10
Луку сотня	—	80	—	90	2	50

	Марта съ 17 по 22 число.		Съ 20 по 23.		Съ 23 то есть се для побѣгу зюды изъ Вердской сло- боды по 24 чи- сло.		Съ 24 числа.	
	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.
Мука аржаная и пшеничная также солодъ и крупы пудъ.....	отъ 10 до 8	—	отъ 13 до 13	—	отъ 7 до 6	—	—	отъ 80 до 50
Хлѣбъ печеной фун.	—	отъ 15 до 20	—	отъ 20 до 25	—	отъ 12 до 10	—	отъ 7 до 5
Сахаръ кенарской..	—	80	—	90	—	90	1	—
Рыбы свѣжей круп- ной фунтъ.....	—	35	—	30	—	30	—	30
— — мелкой...	—	25	—	23	—	20	—	20
А прочіе припасы продавались въ пропорціи противъ вышеписанныхъ цѣнъ, а многихъ и совсѣмъ въ продажѣ не было.								

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЬ И ПРЕДМЕТОВЪ.

А.

- Абрахмановъ, Махмудъ, ахунъ, занимавшійся переводами съ восточныхъ языковъ, стр. 12, 13, 17, 26, 29, 31, 86, 87, 164.
- Абубекиръ, турецкій географъ, стр. 31.
- Абулгази Мухамедъ Багадуръ - ханъ, стр. 18, 19, 20, 30, 81, 86, 87.
- Абулфеда, стр. 166.
- Абулхамръ-ханъ, стр. 6, 157, 158.
- Августъ, цезарь, стр. 21, 22.
- Адоуровъ, Василий Евдокимовичъ, стр. 51.
- Аипъ-бай, башкирскій старшина, стр. 158.
- Айткула, мордвинъ, стр. 116.
- Акалемія Наукъ, стр. III, 8, 18, 27, 28, 29, 40, 41, 42, 43, 71, 88, 89, 115, 119, 120, 121, 122.
- Александръ Македонскій, стр. 22.
- Анна Иоанновна, императрица. Снаряженіе по ея повелѣнію оренбургской экспедиціи, стр. 6.
- Анна Комнина, стр. 17.
- Апичъ, конректоръ школы при лютеринской кирки въ Москвѣ, стр. 23.
- Апраксинъ, графъ Федоръ Матвѣевичъ, стр. 83.
- Астрахань, городъ, стр. 16, 79, 80.
- Аванасій Великій, стр. 17.

Б.

- Байеръ, академикъ, стр. 23.
- Бардеевичъ, Иванъ, стр. 156, 158.
- Бароній, стр. 78.
- Бартепьевъ, П. И., стр. III.

- Башкиры, народъ, стр. 93, 94, 108, 109, 146, 147, 148, 149, 158, 159.
- Бекетовъ, Никита, астраханскій губернаторъ, стр. 127, 170, 174, 175.
- Бергманъ, Веніаминъ, стр. 125, 126, 127.
- Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петровичъ, стр. 34, 51.
- Бичуринъ см. Иоакимъ.
- Болотовъ, авторъ Записокъ, стр. 105.
- Бонде, графъ, стр. 2, 4.
- Бородинъ, Андрей Никитичъ, военной атаманъ, 91, 93.
- Бородинъ, есаулъ, стр. 158.
- Брылкинъ, астраханскій губернаторъ, стр. 160.
- Букенъ-бай, старшина, стр. 157.
- Бѣлосельскій, князь Михаилъ Андреевичъ. Оговоръ его Столѣтовымъ въ словѣ и дѣлѣ, стр. 11; знакомство съ Рычковымъ, 34.

В.

- Васильевъ, поручикъ, авторъ дневника стр. 122.
- Венетъ, Павелъ, стр. 17.
- Веревкинъ, Мих. Ив., стр. 49, 148.
- Владиміръ, великій князь, стр. 21.
- Владиміръ II, великій князь, стр. 21.
- Волковъ, Александръ Андреевичъ, стр. 104.
- Волковъ, Дмитрій, стр. 72.
- Воронцовъ, графъ Романъ Ларионовичъ, стр. 104, 106.
- Воронцовы, графы, члены-основатели Вольнаго Экономическаго Общества, стр. 102.
- Вотяки, народъ, стр. 115.
- Всеволодъ I, великій князь, стр. 21.

Всеволодъ II, великій князь, стр. 21.
Вяземскій, князь, генералъ-прокуроръ,
стр. 152.

Г.

Газе, Генрихъ, пасторъ, стр. 68.
Георги, Иоаннъ Готлибъ, академикъ,
стр. 119, 120.
Георгій II, великій князь, стр. 21.
Геродотъ, стр. 15, 22, 23, 78.
Глинскій, Михаилъ, стр. 21, 22.
Гмелинъ, Иоаннъ-Георгъ, академикъ,
стр. 62, 65, 88, 89.
Голицынъ, князь Александръ, стр.
127, 175.
Голицынъ, князь Петръ Михайловичъ,
стр. 137, 139, 140, 141.
Гуляевъ, Прокофій Даниловичъ тестъ
II. Рычкова по первой его женѣ,
стр. 5.

Д.

Давыдовъ, Аванасій Романовичъ, орен-
бургскій губернаторъ, стр. 45.
Дегинъ, стр. 78.
Делиль, Николай-Иосифъ, академикъ,
Его переписка съ Ив. Кириловымъ,
стр. 7.
Дергэмъ, Вильямъ, англійскій писатель,
стр. 10.
Державинъ, сомнительность въ воз-
можности сношеній его съ II. Рыч-
ковымъ, стр. II.
Джакентъ или Джикентъ, городъ, раз-
валины его, стр. 169.
Дмитрій, св., Ростовскій, стр. 39, 50.
Дю-Гамель, французскій академикъ,
стр. 96.
Дюканжъ, стр. 78.

Е.

Ейлеръ, Христофоръ, стр. 119.
Екатерина II, императрица. Замыслы
въ пользу ея гр. Бестужева-Рюмина,
стр. 51. Представленіе ей Рычкова,
54. Посвященіе его труда, 76.
Елизавета Петровна, императрица, стр.
11, 32, 116.
Елзенъ, Вильямъ, директоръ ямбург-
скихъ и жабинскихъ казенныхъ за-
водовъ, стр. 4, 5.
Ербло, стр. 78.
Еропкинъ, Петръ Дмитриевичъ, сена-
торъ, стр. 55, 141, 145.

И.

Ибрагимъ, турецкій географъ, стр. 31.
Издеберской, купецъ, стр. 157.
Изяславъ II, великій князь, стр. 21.
Илецкая соляная защита, стр. 55, 56,
110, 122, 123.
Индія—проекты торговли съ нею, стр.
6, 8, 32, 51, 52.
Иноземцовъ, Семенъ, купецъ, стр. 156.

I.

Иоакимъ, о. Бичуринъ, стр. 126.
Иоаннъ Златоустъ, стр. 17.
Иоаннъ II, Васильевичъ, стр. 21, 166.
Иоаннъ Васильевичъ, царь, стр. 73, 74,
79, 161.

К.

Кабанка, атаманъ, стр. 158.
Казанская губернія, стр. 51, 56, 57, 71,
73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 115.
Казань, городъ, стр. 49, 51, 54, 55, 89.
Калмыки, народъ, стр. 122, 123, 124,
125, 126, 127, 128, 129, 170, 171, 172,
173, 174, 175.
Кальме, Августъ, стр. 22.
Карпейнъ, стр. 17.
Карамзинъ, Н. М., о мѣстѣ его рожде-
нія, стр. 64.
Каръ, генералъ, стр. 136.
Кельрейтеръ, адъюнктъ Академіи, стр.
100.
Киргизы, народъ, стр. 81, 93, 95, 125,
146, 147, 148, 149, 157, 165.
Кириловъ, Иванъ Кириловичъ, началь-
никъ оренбургской экспедиціи, стр.
IV, 5, 6. Заслуги его русскому про-
свѣщенію, 7. Сношенія съ Академіею
Наукъ и неудачи по управленію орен-
бургскимъ краемъ, стр. 7, 8, 165.
Кишенскій, или Кишинскій, подполков-
никъ и приставъ при калмыцкомъ на-
мѣстникѣ ханства, стр. 127, 170, 171.
Клингштетъ, Тимофѣй Ивановичъ,
членъ-основатель Вольнаго Эконом.
Общ., стр. 103.
Кожинъ, Александръ, стр. 82, 83.
Козицкій, Григорій. Подробность о его
смерти, стр. 122.
Кондаковъ, помѣщикъ, стр. 144.
Константинъ Брататый, стр. 24.
Коптяевъ, секретарь, стр. 15.
Корфъ, баронъ, президентъ Академіи
Наукъ, стр. 8.

Красильниковъ, прапорщикъ геодезій, стр. 64, 167.
 Красильниковъ, Андрей Дмитриевичъ, адъютантъ Академіи, стр. 167.
 Крафтъ, Вольфгангъ Людовикъ, академикъ, стр. 119.
 Крашенинниковъ, академикъ, стр. 76.
 Кривцовъ, Василій, вахмистръ, стр. 116.
 Крюницъ, Іоганнъ Георгъ, стр. 154, 155.
 Кубыликинъ, купецъ, стр. 158.
 Кудрявцевъ, Нефедъ Никитичъ, стр. 89.
 Куникъ, Аристъ Аристовичъ. Приобрѣтеніе имъ для академической библиотеки списка Записокъ П. Рычкова, стр. III.
 Куроѣдовъ, подполковникъ, стр. 84.

Л.

Лаксманъ, Эрикъ, академикъ, стр. 120, 121.
 Ларунсъ Батламоюсъ, восточный писатель, стр. 31.
 Лаузинъ Ланчинъ, см. Лозангъ Джальпанъ.
 Левшинъ, И. А., стр. 126.
 Леманъ, академикъ, стр. 99, 100, 102.
 Лепехинъ, академикъ. Его описаніе путешествія, стр. III, 110, 116, 117, 118, 119.
 Линней, стр. 120.
 Ловичъ, Морицъ, академикъ, стр. 119.
 Лозангъ, Джальпанъ, калмыцкій лама, стр. 125.
 Ломоносовъ. Знакомство съ Рычковымъ, стр. 34, 35. Недовольство имъ за сношенія съ Миллеромъ, 36. Нападки Ломоносова на Миллера за Рычкова, 44, 46, 61. Временное увольненіе изъ Академіи, 72. Посылка къ нему Рычковымъ сочиненія о рудахъ, 101, 106, 116.
 Лонгиновъ, Абрамъ, крестьянинъ, вышедшій изъ повиновенія Рычкова, стр. 50.
 Лопухинъ, Авраамъ, стр. 3.
 Лызловъ, авторъ скиѣской исторіи, стр. 74, 75, 78, 80.
 Любегнонъ, стр. 24.

М.

Мавринъ, канитанъ-поручикъ гвардіи, стр. 142.
 Макарій, митрополитъ, стр. 121.
 Малиновскій, см. Платонъ.
 Марковъ, протоколистъ, наказанный плетью Татищевымъ, стр. 157.

Мартиньеръ, Антоній-Августинъ, стр. 17.
 Масловъ, Михаилъ Яковлевичъ, стр. 134, 141.
 Менинскій, Францъ, стр. 15.
 Мелиссино, Иванъ Ивановичъ, стр. 148.
 Мещеряки, народъ, стр. 163, 165, 166.
 Миллеръ, Г. Ф., академикъ. Переписка его съ П. Рычковымъ, стр. II, III. Отзывъ о немъ Татищева, стр. 28, 29. Помѣщеніе имъ статей Рычкова въ академическомъ журналѣ, 35, 36, 37, 38, 39, 40. Ходатайство о назначеніи Рычкова въ почетные члены, 40—43. Подозрѣнія въ наговорахъ на него Ломоносова, 46, 47. Совѣтъ Рычкову жить въ деревнѣ, 52. Намѣреніе издать сочиненія Рычкова по нѣмецки, стр. 59. Ученая задача Милл. въ Ежемѣс. Соч., 69, 70, 71. Доставленіе Миллеру Рычковымъ различныхъ историко-географическихъ извѣстій объ оренбург. краѣ, 80—87. Похвала Рычкову за описаніе выхухоли и открытіе въ оренбург. губерніи червца, 89, 99. Рекомендація Рычкова графу П. Панину, 144, 145. Совѣты Рычкову, 150. Размолвка съ Рычковымъ, 154.

Михельсона, полковникъ, стр. 142.
 Мнишекъ, Марина, стр. 79.
 Монтанъ, стр. 129.
 Мордва, народъ, 163.
 Мстиславъ Великій, стр. 21.

Н.

Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ. Главный командиръ оренбургской комиссіи, стр. 20. Его покровительство Рычкову, 31, 32, 33. Увольненіе отъ управленія оренбургскою губерніею, 45. О свиданіи его съ сибирскимъ губернаторомъ Сухаревымъ, 82.
 Несторъ, лѣтописецъ, стр. 25, 79, 80, 108.
 Нефедьевъ, Н., стр. 126, 127.
 Никаевъ, Юсупъ, башкирскій старшина, стр. 158.

О.

Оболенскій, кн. М. А., стр. 60, 139.
 Олсуфьевъ, Адамъ Васильевичъ, членъ-основатель Вольн. Экон. Общества, стр. 102.
 Орбини, стр. 78.
 Оренбургскій край, стр. 8, 56, 57, 58,

- 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 80, 81, 85, 98, 99, 105, 107, 108, 109, 115, 116, 119, 120, 150, 151, 152, 153, 156, 157, 158, 159, 167, 168, 169.
- Оренбургъ, городъ, стр. 6, 13, 32, 38, 45, 49, 52, 55, 84, 97, 105, 110, 111, 119, 136, 137, 138, 139, 140, 152, 157, 168, 176, 177.
- Орловъ, графъ Владиміръ Григорьевичъ, стр. 102.
- Орловъ, графъ Григорій, стр. 54, 102, 122, 127, 171, 175.
- Осокиня, заводчикъ, стр. 25.

П.

- Пазухинъ, майоръ, командиръ сакмарской дистанціи, стр. 96.
- Палласъ, академикъ. Его описаніе путешествія по Россіи, стр. III. Намѣреніе переводить Оренбургскую Топографію Рычкова, стр. 67, 68. Его описанія естественныхъ произведеній Оренбургскаго Края, стр. 88, 102, 110. Отношенія къ сыну Рычкова, Николаю, 114, 115. Посѣщеніе с. Спасскаго, 118, 119. Извѣстія о калмыкахъ 126.
- Панинъ, графъ Никита, стр. 127, 175.
- Панинъ, графъ Петръ, стр. 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150.
- Пейсовель, стр. 78.
- Пекарскій, Михаилъ Николаевичъ, авторъ записки о пугачевскомъ бунтѣ, стр. 138.
- Пекарскій, Николай Николаевичъ, секунд-майоръ, стр. 120, 138.
- Перовошиковъ, Дмитрій Матвѣевичъ, академикъ, стр. 167, 168, 169.
- Пестриковъ, геодезистъ, 74, 75, 77.
- Петръ Великій. Его расположеніе къ Ивану Тамезу и покровительство полотняному производству въ Москвѣ стр. 3. Намѣренія его относительно торговли съ Индією, 6, 51, 65. Узнаетъ лично Кирилова, 7. Бунтъ въ его царствованіе въ Астрахани, стр. 79. Посылка имъ князя Черкаскаго въ Хиву, 83. О посадкѣ тутовыхъ деревьевъ, стр. 116.
- Петръ III, императоръ, стр. 51.
- Петръ Могила, стр. 24, 25.
- Пеутингеръ, Конрадъ, стр. 14.
- Платонъ Малиновскій, архіепископъ московскій, стр. 15.
- Плиній, стр. 13, 78, 165.
- Поликарповъ, Фѣдоръ, его лексиконъ трехязычный, стр. 12.
- Полунинъ, Фѣдоръ, авторъ Географическаго Лексикона, стр. 151.

- Порфиогенитъ, Константинъ, стр. 15, 17, 18, 19.
- Протасовъ, академикъ, стр. 96.
- Птоломей, Клавдій, стр. 14, 15, 17, 165.
- Пугачевъ, Емельянъ, стр. 132, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150.
- Пушкендорфъ, стр. 24.

Р.

- Разинъ, Степанъ, стр. 79, 137, 138.
- Разумовскій, графъ Кирилъ Григорьевичъ. Ходатайство у него Татищева за Рычкова, стр. 28. Назначаетъ Рычкова членомъ-корреспондентомъ, 43, 97, 161.
- Рейнсдорпъ, Иванъ Андреевичъ оренбургскій губернаторъ, стр. 55, 130, 131, 134, 135, 140, 141, 145, 150, 151, 152.
- Реомюръ, стр. 117.
- Ригельманъ, инженеръ-капитанъ, стр. 83.
- Риндербъ, докторъ въ Оренбургѣ, стр. 92, 93.
- Родде, переводчикъ въ Ригѣ, стр. 69.
- Роръ, фонъ-, стр. 39.
- Рычкова, Анисья Прокофьевна, первая жена П. Рычкова, стр. 5, 114.
- Рычкова, Елена Денисьевна, вторая жена П. Рычкова, стр. 104, 114, 154.
- Рычкова, Капитолина, урожд. Свѣшниковы, мать П. Рычкова, стр. 2.
- Рычковъ, Андрей Петровичъ. Письма его къ академику Миллеру, стр. II, 128, 129. Смерть: 143, 144.
- Рычковъ, Дмитрій Николаевичъ, владѣлецъ нѣкоторыхъ писемъ и бумагъ предка его, Петра Ивановича Рычкова, стр. III, 14, 105.
- Рычковъ, Иванъ Ивановичъ, отецъ П. Рычкова, стр. 2, 7.
- Рычковъ, Михаилъ, дядя П. Рычкова, стр. 2.
- Рычковъ, Николай Петровичъ сынъ П. Рычкова. Его сочиненія и путешествія, стр. 61, 114, 115, 116, 118. Извѣстія его о бѣгствѣ калмыковъ, 125, 126, 128, 131, 139.
- Рычковъ, Николай, авторъ «Отрывка изъ Записокъ Рожновыхъ», стр. I, II.
- Рубриквусъ, стр. 17.
- Рюрикъ, стр. 21.

С.

- Савари, Филемонъ, стр. 19.
- Савичъ, Василій, сотникъ сумскаго полка, стр. 51.

Савичъ, Данила, директоръ казанской гимназiи, стр. 51.
 Саипъ-Гирей, ханъ казанскій стр. 74, 78.
 Самара, городъ, стр. 10, 11, 83, 109, 157, 168.
 Свенске, К. О., стр. 8.
 Святополкъ, великій князь, стр. 21.
 Святополкъ II, великій князь, стр. 21.
 Сеитовъ, Абдулъ, стр. 26.
 Сеитъ Хаалинъ, основатель Сеитовой татарской слободы подъ Оренбургомъ, стр. 105.
 Сибилевъ, Филиппъ, отецъ жены Тредиаковскаго, стр. 113.
 Симбирскъ, городъ, стр. 143, 144, 145, 146.
 Соймоновъ, генераль-лейтенантъ, стр. 31, 158.
 Соймоновъ, О. И., стр. 37, 165.
 Сократъ, стр. 17, 40.
 Стамкенъ, голштинскій министръ, стр. 2.
 Столѣтовъ, Егоръ, стр. 11.
 Страбонъ, стр. 78.
 Страленбергъ. О поправкѣ его погрѣшностей, стр. 19, 79, 81, 89, 91.
 Строгановъ, баронъ Александръ Сергѣевичъ, стр. 89, 90.
 Стрыковский, стр. 21.
 Сумароковъ, Александръ Петровичъ, стр. 112.
 Сухаревъ, сибирскій губернаторъ, стр. 82.

Т.

Тамесъ или Тамсенъ, Иванъ Павловичъ, директоръ полотняныхъ фабрикъ, стр. 3, 4.
 Татары, народъ, стр. 15, 17, 18, 20, 29, 30, 31, 86, 87, 165.
 Татищевъ, Василій Никитичъ. Переписка съ П. Рычковымъ, стр. II, III. Его любовь къ наукамъ, 8, 9. Покровительство Рычкову и переписка съ нимъ по части русской исторiи, 8—28, 161—166. Заботы о татарско-калмыцкой школѣ и о переводахъ съ восточныхъ языковъ, стр. 11, 12. Злоупотребленія его по службѣ, 13, 14. Его мнѣнiе о картѣ азиатскихъ владѣнiй, смежныхъ съ оренбургскимъ краемъ, 16. Критика сочиненiя Рычкова, 19. Ходатайство за Рычкова въ Академию, 27, 28, 29, 40. Рукописныя его сочиненiя у Рычкова, 85, 86. Докладъ о его преступленiяхъ противъ должности, 156—159. Запрещенiе въѣзда въ Петербургъ, 160.

Наставленiе его Рычкову для составленiя географическаго описанiя, стр. 162—166.
 Татищевъ, Евграфъ Васильевичъ, стр. 86.
 Татищевъ, Никифоръ, стр. 157.
 Таубертъ, совѣтникъ Академию, стр. 42, 75, 102, 104, 113, 114.
 Твердышевъ, заводчикъ, стр. 97.
 Тевкелевъ, Алексѣй Ивановичъ, генераль-маюръ. Представленiе его и Рычкова о распространенiи торговли до Индiи, стр. 32, 52. Дружба съ Рычковымъ, 53. Его свидѣтельство о титулѣ бѣлый царь, 70. Жалобы на Татищева, 156, 157.
 Тепловъ, Григорій Николаевичъ, стр. 28, 29, 52, 102, 104, 161.
 Тештари, народъ, стр. 115, 166.
 Тиццусъ, стр. 91.
 Толстой, Иванъ, стр. 55.
 Толстой, Матвѣй, стр. 55.
 Траубенбергъ, Мих. Михайл., полковникъ, стр. 124, 132.
 Тредиаковская, Марiя Филиповна, стр. 113.
 Тредиаковский, Василій Кириловичъ, стр. 113.
 Трубецкiй, князь Никита Юрьевичъ, стр. 66, 160.

У.

Убаши, намѣстникъ калмыцкаго ханства, стр. 126.
 Уразинъ, оренбургскій переводчикъ, стр. 31.
 Уральскъ, см. Яицкiй городокъ.
 Урусовъ, князь Василій Алексѣевичъ, правитель оренбургскаго края, стр. 10, 11, 31, 83.
 Уфа, городъ, стр. 85, 119, 120, 168.

Ф.

Фалькъ, академикъ, стр. 102, 119, 120.
 Фирсовъ, пугачевскiй полковникъ и крестьянинъ помѣщика Кондакова, стр. 144.
 Флавiй, Иосифъ, стр. 22.
 Фрейманъ, Федоръ Юрьевичъ, генераль-маюръ, стр. 132, 133, 136.
 Фялпусъ, восточный писатель, стр. 31.

Ц.

Циши, китайскiй писатель, стр. 126, 127.
 Цѣбекъ - Дорджи, калмыцкiй владѣлецъ, 126.

Ч.

- Черемисы, народъ, стр. 115.
 Черкасовъ, баронъ Александръ, членъ-основатель Вольн. Экон. Общества, стр. 102.
 Черкасскій, кн. Александръ Бековичъ, стр. 82, 83.
 Черкасскій, князь Алексѣй Михайловичъ, канцлеръ, стр. 11.
 Чернышевы, графы, члены-основатели Вольнаго Экономическаго Общества, стр. 102, 104.
 Чингизъ, стр. 165.

Ш.

- Шапцъ, аббатъ, стр. 45.
 Шлецеръ, академикъ. Его замѣтка о прожектерахъ времянъ Екатерины II, стр. 51. Его разборъ сочиненій Рычкова, 67, 75, 77, 78, 79. О перепискѣ его съ Рычковымъ и отзывъ о Шлецерѣ Тауберта, стр. 113, 114.
 Штелинъ, академикъ, стр. 42, 106, 109.
 Шуваловъ, Ив. Ив., стр. 50.
 Шумахеръ, совѣтникъ академической канцеляріи. Письма къ нему Рычкова, стр. II, 26, 27. Отзывы Шумахера о Рычковѣ Татищеву 28, 29.

Щ.

- Щербатовъ, князь Михаилъ Михайловичъ, стр. 121, 122.
 Щербатовъ, князь Федоръ Федоровичъ, стр. 140, 141.

Э.

- Эминъ, стр. 80.

Ю.

- Юсуповъ, князь Борисъ, стр. 21, 166.
 Юсупъ, князь ногайскій, родоначальникъ Юсуповыхъ, стр. 166.

Я.

- Яицкій городокъ, стр. 83, 132, 133, 141, 142, 169.
 Ярополкъ II, великій князь, стр. 21.

Ө.

- Өеодосій, архіепископъ Новгорода и Пскова, стр. 25.

ПОПРАВКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
6	Абуль-хаиръ	Абуль-хаиръ.
9	Астрахани	Астрахани
17	именованованы	именованы
22	учинить	учинить
23	разумѣли,	разумѣли.
29	нышнемъ	нынѣшнемъ
38	непечатаѣа	напечатана
91	Комментаріяхъ	Комментаріяхъ,
97	штуку	штуку
99	Erdbeer-Stauden	Erdbeer-Standen
102	самого	самого
119	Вольфангъ	Вольфангъ
128	коловратны	коловратно
128	изъ изъ другихъ	и изъ другихъ.
130	калмыкъ	калмыкъ
133	Астработомъ	Астработомъ
167	изъ разныхъ опи-	изъ разныхъ описа-
172	Царицынской липи	Царицынской линіи.

Изъ письма Рѣчкова къ Ломоносову, 2 Февраля 1755 года.

Уперва на вѣстѣ имѣи Самъ Комаровъ за
 ота Риминато Гора и дрѣ Дгестовъ въ вѣстѣ
 Аллорини. ~~Самъ Комаровъ за
 Намуаневъ. Овае ввнесѣментъ диньке сѣбѣ Самъ Комаровъ
 Пособиѣ. и Гора Самъ Комаровъ Овае ввнесѣментъ
 и Витманка. Самъ Комаровъ Самъ Комаровъ
 Самъ Комаровъ Самъ Комаровъ~~

25-00

2454

2, 4, 6, 8, 10

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1 HOME USE	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
Books may be Renewed by calling 642-3405

DUE AS STAMPED BELOW

JUN 24 1994		

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

FORM NO. DD6

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

8000209283

